

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 3(48)
2020
XXI
ВЕК

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Голоса молодых
- Это было, было, было...
- Проза XXI век
- Портрет современника
- Образование через искусство

Журнал приглашает
к сотрудничеству организации
и всех заинтересованных лиц

3 2020
ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 3(48)
2020

XXI
ВЕК

- Пьеса «Чайка»
- Придёт ли тот день...
- Компьютерный ребенок
- Ночное фэнтези
- Если хочешь узнать,
спроси дым...
- От Ростова до Сталинграда
- Деснянские байки
- Как правильно тусить в Египте!
- Василий Гроссман
(литературный портрет)
- Сенсация, которую никто
не заметил
- Французская литература 19 век

*«Пока человек не сдается,
он сильнее своей судьбы»*

Эрих Мария Ремарк «Три товарища»

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонов

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

СПб: Негосударственное учреждение культуры «Серебряный век», 2020

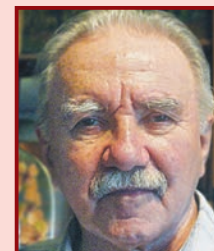
ISBN 978-5-906357-93-9

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Журнал «Писатель. XXI век», 2020

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

Подписано в печать 15.10.20. Формат 70х100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт». 197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37.
Тел. (812) 649-73-09.
www.l-print.spb.ru

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонов

В. А. Орлов

Н. М. Менендес

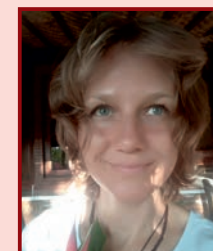
Н. Р. Малиновская

Эдуард Дэлуж

Ева Талая

Любовь Бобкова

Наталия Королева

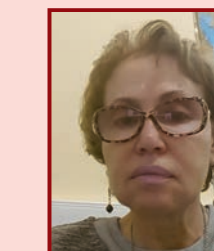
Ида Замирская

Дмитрий Богданов

Андрей-Viktoria-Андреев

С. Б. Кузнецова

Елена Лапаева

М. М. Рыбаков

А. М. Воронов

Тина Радова

Владимир Филатов

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ефим Роговер. Пьеса «Чайка» 2

МАЛАЯ ПРОЗА

Наталья Менендес. Придёт ли тот день..... 8

Валерий Орлов. Компьютерный ребенок..... 14

София Кузнецова. Ночное фэнтези 21

Если хочешь узнать, спроси дым..... 22

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

София Кузнецова, Ева Талая, Эдуард Дэлуж, Любовь Бобкова, Андрей-Viktoria-Андреев, Дмитрий Богданов, Светлана Калмыкова 23

ПЕРЕВОДЫ

Ида Замирская. Вольные переводы 49

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Наталья Королева (проза)..... 52

Тина Радова (проза)..... 65

Владимир Филатов (стихи)..... 74

Елена Лапаева (проза)..... 82

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

Наталья Малиновская. От Ростова до Сталинграда 87

Михаил Рыбаков. Деснянские байки 102

ПРОЗА XXI ВЕК

Иван Невыежев. Как правильно тусить в Египте!..... 114

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

Ефим Роговер. Василий Гроссман (литературный портрет)..... 132

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Алексей Воронов. Сенсация, которую никто не заметил..... 143

Валерий Орлов. Французская литература 19 век (реализм). Г. Флобер, П. Мериме, Ги де Мопассан..... 150

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ПЬЕСА «ЧАЙКА» (1896)

Первоначальный замысел А. П. Чехова написать «Чайку» относится к весне 1895 года. На художественную реализацию задуманного ушло больше года.

В мае 1895 года Чехов сообщил А. С. Суворину: «Я напишу что-нибудь странное», а в октябре того же года делился с тем же корреспондентом новостью: «Можете себе представить, пишу пьесу, которую кончу <...>, вероятно, не раньше как в конце ноября. Пишу ее не без удовольствия, хотя страшно вру против условий сцены».

В пьесе получили художественное запечатление многие реалии тогдашней общественной и литературной жизни, многие фигуры близкого писателю окружения, люди искусства, ставшие прототипами героев нового драматургического создания Чехова. Это и дискуссии вокруг только что вышедшей книги Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе», и спор по поводу доклада В. А. Гольцева «Какое искусство выше: чистое или «идейное»?» (1894), полемика, развернувшаяся в связи с публикацией трёх сборников «Русские символисты» (1894-1895). Чехов не мог пройти мимо поэзии В. Брюсова, воспевавшей «спутников ночи беззвездной» и «стоящих над развернутой бездной»; «безмолвную пустыню», где обитают «два святых образа» демо-

нов. Драматург не мог не откликнуться на пассаж А. Миропольского (А. Ланга) в брюсовских сборниках, где воспроизводились «грудь земли», которая «вздрагивает в предсмертных судорогах», «стонущие люди» и отвечающий им «хохот». Брюсов вторил этим образам: «В целом мире — как в пустыне я...». Эти картины и образы нашли своё отражение в трагедии Треплева, отрывок из которой исполняет Нина Заречная.

Запечатлел в своей пьесе Чехов и отдельные образы поэта К. Бальмонта, в частности его стихотворения «Чайка» («Чайка, серая чайка с печальными криками носится / Над холодной пучиной морской...»), с которым связано название пьесы. Об этой связи писали сотрудник «Нового времени» Н. А. Энгельгардт, Л. А. Авилова и сам К. Бальмонт, который свидетельствовал: «В 90-е годы многие сравнивали мое стихотворение «Чайка» с чеховской «Чайкой».

В драматургическом произведении Чехова отразилось и активное неприятие автором современного театра, представленного именами В. Крылова, П. Гнедича, А. Потехина, театра, насыщенного штампами, шаблонными схемами, эффектами, сентиментальными моментами, избитыми ситуациями. Об этом рутинном театре Чехов писал так: «Современный театр — это мир бестолочи, Карповых, тупости и пу-

стозвонства». Этот театр тупости, раздутых самолюбий, рутины, старых форм, выуженной маленькой морали сурово ощущает тот же Треплев, а также Шамраев («пала сцена!»), Дорн («блестящих дарований теперь мало») и Тригорин («он не верил в театр», по словам Нины).

В пьесе отражены неразделенная любовь к Чехову его давней знакомой Лидии (Лики) Мизиновой и перипетии их дружбы (в жизни они получили запечатление в 67 письмах писателя к этой женщине и 98-и письмах ее к Чехову), а также печальный роман Лики с писателем И. Н. Потапенко, который бросил эту женщину с родившимся у неё ребёнком. Сама Лидия Стахивна писала автору пьесы, что «Чайка» заимствована из ее жизни. Об этом же с полной убежденностью признавалась она актеру Н. Ходотову.

Биографы писателя связывали историю пьесы с именем Л. Авиловой, которая однажды подарила Чехову брелок с надписью, взятой из рассказа «Соседи»: «Если тебе понадобится моя жизнь, приди и возьми ее». Согласно этой версии, Чехов дал ей ответ в своей «Чайке».

Ряд исследователей указывал на отражение в замысле чеховской пьесы сложного романа художника Левитана с А. Турчаниновой, попытки самоубийства живописца и эпизода с подстреленным им вальдшнепом (так возник мотив «напрасно погубленной красивой жизни»). По другой версии, художник убил чайку и бросил ее к ногам своей возлюбленной. Эпизод этот лег в основу замысла и сюжета пьесы. Обоснование этого источника произведения подробно развернуто и в специальном краеведческом

очерке работника чеховского музея Ю. К. Авдеева. Прототип Треплева видели в поэте Бальмонте, а Тригорина ассоциировали с самим А. П. Чеховым, ссылаясь на его новаторство, мастерство и взгляды на искусство.

Но, на наш взгляд, творческая история «Чайки» не может быть сводима к одной из этих версий и единому жизненному сюжету. Скорее всего, в ней нашли отражение все эти истории, получив в пьесе сложное преломление и сцепление. Главным импульсом для создания пьесы были, конечно, писательские размышления о жизни и искусстве.

Заметим также, что автор анализируемой пьесы мог принять во внимание мотив подстреленной чайки в романе И. С. Тургенева «Накануне» и образ подбитой птицы в пьесе Г. Ибсена «Дикая утка», где он превращается в трагический символ жестокой несправедливости. Как и норвежский драматург, Чехов показал тусклую обыденную жизнь, поэтически приподнимаемую над бытом, но лирически переосмыслил мотив загубленной жизни прекрасного, любящего человека. Оба автора широко вводят в пьесы подтекст, звучащие лейтмотивы («болота», «пучины», «леса», «волн», «аномалии», «жертвы»), интертекстуальные вкрапления (тему Гамлета) и афоризмы («Кто одинок — не так легко смеется» — у Ибсена; «Только то прекрасно, что серьезно» — у Чехова). Однако — в отличие от «Дикой утки» — чеховская пьеса, глубоко своеобразная и неповторимая, создана другим методом, специфичным для русской драматургии конца XIX века. Она отвергает натурализм Ибсена, чудесным

образом слившимся у него с символизмом. Если у Ибсена житейская среда изображена детально, вещественно и конкретно, то у Чехова картина быта дана эскизно, облегченно и очень поэтично. И Нина, и Треплев без особого труда преодолевают среду. Персонажи Ибсена — Грегерс, Ялмар, Роллинг — часто спорят друг с другом, отражая свои философские, этические и гражданские позиции, забывая о неумолимом течении жизни. А герои Чехова противостоят самой действительности, чем обусловлена их жизненность. Чехов вводит в «Чайку» значимую тему искусства — театра и литературы, которую Ибсен оставляет в стороне от своего сюжета. Чехов насыщает свою пьесу перипетиями любви, ревности, измены, охлаждения чувств. У него, по его словам, «пять пудов любви». Вместо ибсеновского символизма, Чехов использует реалистическую символику. При этом образ «чайки» в чеховской пьесе обретает неисчерпаемый смысл. Не случайно это слово употреблено здесь 24 раза. И каждый раз оно переосмысливается. У Ибсена же нет этой широты значений слова. У него приношение в жертву дикой утки заменяется самопожертвованием милой Хедвиг. Поэтому и функция выстрела в пьесах Ибсена и Чехова различна. Принципиально несхожи образы Дорна и Реллинга, учителя Молвика и Медведенко, искателей Ялмара и Треплева. Ни о каком подражании Чехова Ибсену говорить не приходится. Таким образом, «Чайка» Чехова опирается на многочисленные жизненные реалии и разнообразные литературные источники. Не случайно юрист А. Ф. Кони

говорил о чеховском произведении как о пьесе «самой жизни». Он же увидел в ней «новое слово» драматического искусства.

Воспроизведенная в пьесе жизнь оказывается прозаичной и достаточно грубой, но произведение не стремится погрузить читателя и зрителя в тусклый быт. Оно сразу же «взмывает» к поэтическим высотам и к философскому осмыслению реальности. В этом можно убедиться, слыша первые реплики Медведенко, обращенные к Маше, где говорится о черном трауре жизни. Позже мы узнаем, что о таком же трауре могли бы сказать и другие герои пьесы. Драматизмом окрашен и разговор об искусстве, который ведут Треплев и Нина Заречная. Девушке хочется увидеть в пьесе друга живые лица, любовь персонажей и сценическое действие, тогда как молодой драматург придерживается другого мнения: «Надо изображать жизнь не такой, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах». В этом диалоге заключен тот конфликт, который получит развитие в дальнейшем действии и ляжет в основу темы искусства.

Д. Мережковский, оценивая чеховское творение, ошибался, полагая, что в нем нет событий. На самом деле событий здесь предостаточно, но они носят своеобразный характер, будучи растворенными в потоке повседневности и в ткани самой пьесы. Уже в этом сказался его новаторский характер. В первом акте такими своеобразными событиями являются: объяснение в любви Медведенко и Маши; появление Нины Заречной; спектакль Треплева и его оценка; разговор Нины и Триго-

рина, в котором возникает завязка их отношений; рассуждения Дорна и Треплева об искусстве, ставшие решающим в творческой жизни юноши.

Во втором акте к числу «чеховских» событий можно отнести: временное освобождение Нины из-под опеки отца и приезд ее в имение Сорина («Я теперь принадлежу вам», — говорит она); ссора Аркадиной и Сорина с Шамраевым; появление Треплева с подстреленной чайкой; объяснение его с Ниной; разговор Нины с Тригориным о творчестве; рождение «сюжета для небольшого рассказа». Все эти события специфичны: они утрачивают свое бывшее драматургическое значение и уравниваются с бытом; они не имеют рельефной выпуклости и в значительной степени погружены не во внешний сюжет, а во внутреннюю жизнь героев. И для того, чтобы вскрыть внутреннюю сущность событий чеховского произведения, необходимо, как справедливо считал К. С. Станиславский, произвести своего рода «раскопки» душевных глубин автора и его героев.

Постепенно в пьесе вызревает тема искусства, значимая в произведении и актуальная в самой действительности. Споря с успешным Потапенко, автором ряда рутинных и шаблонных пьес («Жизнь», «Чужие», «Крылья связаны»), лишенных какого-либо новаторства, Чехов писал: «Нужны новые формы». Эту фразу он предложил повторить в своей пьесе Треплеву. Призыв Чехова и его героя направлен против Тригорина, который, как и Потапенко, является преуспевающим писателем, равнодушным к проблемам

нового искусства и современным исканиям и создающим свои произведения по давно утвержденным канонам. Столкновение Треплева с Тригориным великолепно отражает ту борьбу художественных устремлений и течений в искусстве, которая была характерна для рубежа двух столетий. Она охватывала не только область литературы, но и музыки, живописи и театра. Поэтому так существенно введение в «Чайку» сцены постановки спектакля Трепловым и участия в нем Нины Заречной. Однако девушка, любя молодого искателя новых форм, критически относится к его новациям. Она получает своеобразную поддержку со стороны матери Треплева, которая называет его пьесу «декадентским бредом». Да и зрители начало спектакля воспринимают явно иронически. На слова Нины, что это была странная пьеса, Тригорин замечает: «Я ничего не понял». И это не случайно. Примечательно, что в выходивших в это время сборниках «Русские символисты» можно было встретить такого рода творения А. Миропольского (А. А. Ланга):

«Мрак. Сдвинуты черные пальцы неба и лишь на мгновение расходятся они, чтобы высыпать на землю огненных змей... Грудь земли вздрагивает в предсмертных судорогах. Люди стонут, молятся, взывают о спасении. Чей-то хохот отвечает им. Тогда, корчась в агонии, они проклинают все, что избежит гибели... Скелетные руки протягиваются к двум юным демонам, которые одни непокорны общему ужасу. Гром. Вопли. Безумие. Жизнь в борьбе против самой себя... Погасли мечты. Лед в сердцах. Безмолвен

путь без проклятий, без надежд. Борьба утихла».

Пьеса, сочиненная Константином Треплевым, во многом напоминает это сочинение А. Миропольского и своими эффектами, и изображением мрачного, холодного мира, и темой смерти, и обращением к демонам и духу зла, наконец, роением символов, фигурировавших и в этюде Миропольского, и в монологе Мировой души, который вынуждена произносить Нина Заречная. Пьеса Треплева весьма напоминает и лирику таких поэтов, как Н. Минский, с ее «тоской неясною о чем-то неземном», с мутными образами, «враждой к тому, что есть, и жаждой жгучею святынь, которых нет». Разумеется, пьесу Треплева не следует считать пародией, это стилизация новейшей поэзии и театра, важная для Чехова с его отрицанием декадентского искусства.

Однако автор Чайки стоит на стороне тех, кто не приемлет современный рутинный и пошлый театр, кто ищет новые формы. И потому Треплев во многом симпатичен Чехову. Не случайно им увлекается Нина. Пьеса Треплева — это своеобразная мечта о новом театре, им не осуществленная, но реализованная самим Чеховым в частности в Чайке. Спектакль в спектакле, сцена на сцене, поставленная Треплевым, оказываются амбивалентными. Своим острием пьеса направлена не только против декадентского искусства, но против того следования по проторенным путям, которое характерно для творчества Тригорина. Спектакль Треплева можно уподобить розыгрышу Гамлета, к которому он привлек бродячих актеров, чтобы устроить «мышеловку» для Клавдия. На этот раз в «мышеловку» молодого новатора попадают и Тригорин, и Аркадина, негативно реагирующие на представление и демонстрирующие свою рутинность, неприемлемость для них всего нового. Не случайно так обострены личные отношения Кости и его матери, не случайно обнаруживается противостояние Треплева и Тригорина не только на почве понимания искусства, но и в сфере любви.

Так в первом акте возникает ряд конфликтов, которые получают свое развитие сначала в беседе Треплева с Сориным о рутинном морализаторском театре и о новых формах искусства, а потом и в дальнейшем течении пьесы. Устами Дорна Чехов высказывает еще одно важное эстетическое суждение: «Художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль», ясную определенную и значительную. «Только то прекрасно, что серьезно», — убежден Чехов. Таким произведением серьезным и прекрасным, является «Чайка».

Тот же Дорн (он во многом выражает позицию Чехова) реагирует на признание Маши в любви к Треплеву: «Сколько любви!... О, колдовское озеро!» Это восклицание перекликается со словами автора пьесы о трех пудах любви в ней. Действительно, любовная интрига будет активно развиваться в «Чайке», и тема любви окажется соседствующей с темой искусства.

Во втором акте обе темы получают свое обогащение. О любви говорят Полина Шамраева, Дорн, Треплев, Нина и Тригорин. Особенно значимой становится сцена с Треплевым,

который входит и кладет убитую им чайку у ног Нины. Эпизод этот глубоко символичен. Скоро таким же образом, согласно его признанию, он убьет самого себя. Но сцена предвещает и трагедию Нины, которая ощутит себя подстреленной чайкой. Образ этой птицы обретает богатое, многостороннее и символическое значение.

Глубоко содержателен и тоже символичен другой эпизод второго акта. Появляется Тригорин, читающий книгу. Над ним иронизирует Треплев: «ступает, как Гамлет, и тоже с книжкой», а затем добавляет: «Слова, слова, слова». Этот новый гамлетовский мотив подхватывает и развивает ранее намеченный. Тригорин в этой сцене многословно говорит о будничности своей жизни и необходимости образных деталей, чугунном ядре нового сюжета в голове, о сума-

сшествии своего творчества. Он мучается от сознания того, что умеет писать только пейзаж, а в остальном фальшив. Но Нину эти терзания не убеждают. Она мечтает о чудесном мире творчества, о славе, триумфе, о жизни возвышенной и полной значения. Неожиданно Тригорин видит подбитую чайку и в сознании его возникает «сюжет для небольшого рассказа». Это тоже символическая сцена, ибо в сюжете фигурирует человек, который от нечего делать губит свободную девушку, «как вот эту чайку». То, что для Нины Заречной является смыслом жизни, для Тригорина — всего лишь литературный сюжет. То, что для Чехова стало сюжетом большой пьесы, для того же Тригорина — сюжет для небольшого рассказа, лишённого значимого жизненного наполнения.

*Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)*

ПРИДЁТ ЛИ ТОТ ДЕНЬ...

Утренний свет с трудом пробивался сквозь плотную, словно свалевшуюся, вату тумана. За высоким больничным забором макушки молодых сосен выглядели расплывчатыми привидениями.

Танюшка, молоденькая медсестра, испуганно поглядывала в окно, ожидая скорого появления на ступеньках широкого крыльца дневных сестёр, а, главное, грозной старшей сестры. Новоиспечённый специалист боялась её панически. Танюха поправила свой помятый и перепачканный после ночного дежурства фартук, как раз в этом году ввели для медицинских сестёр новомодную форму, которую её душа не очень-то и принимала. То ли дело, белые, накрахмаленные и отутюженные до блеска, шапочка и халат, неизменные атрибуты на занятиях все три года учёбы в медучилище. Правда, высоченная, стоящая торчком шапка, носимая, словно корона, оставалась на её беспечной головке и сейчас. Девчонка зашмыгала носом, втягивая больничные запахи и стараясь понять, улавливается ли среди всех этих ароматов едкий привкус горелой резины. Он отчётливо выделялся. Танюшка обречённо вздохнула и пошла в процедурный кабинет. Нужно было срочно сделать укол больному перед операцией.

В палате, наклонившись к больному, лежащему лицом к стене, приткнулась к его плечу. Подумала: «Нужно разбудить». Тот мгновенно повернулся. Мелькнула мысль: «Видимо не спал». Мужчина улыбнулся, что-то быстро заговорил, пытаясь шутить, но глаза были испуганные. «Ох, и не люблю, когда эти мужики хорохорятся. Жди чего-нибудь», — неприятно кольнуло Танюху. Ещё в училище наблюдала, чем смелей мужчина хочет казаться, тем больше ему страшно. Постаралась говорить без сюсюканья, ровно и обыденно, мол, это обычное дело. Такой тон успокаивал лучше, чем уговоры. И действительно в лице больного появилось новое, более спокойное выражение.

Пора было сдавать смену, а дневная сестра всё не появлялась. Вместо её в конце коридора мелькнул силуэт старшей. Опять ёкнуло на сердце: «Ну и попадёт за сожженные системы!» Но горевать было особо некогда, побежала разыскивать санитарку, чтобы убраться в приёмной, где ночью поступил больной с кровотечением. Ночная санитарка протёрла, конечно, самую грязь, но тёмные разводы на полу и стенах, всё-таки остались. Наблюдать лёгочное кровотечение, а тем более оказывать помощь, ей довелось впервые. Кровь била фонтаном, и поначалу Танюшка просто оторопела. Прибежал дежурный хирург и операционные сёстры. Ещё чуть-чуть, и больного могли бы не спасти. Слава Богу, обошлось! А она как раз и поставила парить те треклятые системы. Было не до них.

Управившись, Татьяна с беспокойством поглядела на часы. Уже давно пора было выходить из дверей больницы навстречу долгожданному отды-

ху, но он всё не приближался. Вместо дневной сестры Вали к посту подходила Александра Даниловна, или просто Даниловна.

— Та-а-а-к, — строго протянула она.

Головка медсестры, увенчанная белоснежной короной, вместе с тоненькой шейкой втянулась в плечи.

— Сожгла-таки все системы?

— Сожгла, — горестно прошептала Танюха.

— И как тебя угораздило?

— Не доглядела, простите.

— Не доглядела, собирай новые! В автоклавную биксы отправлять нужно.

— Хорошо. Вы резину дадите?

— А что с тобой делать? Побежишь в магазин покупать?

— А где магазин?

— Где,, — передразнила Даниловна, — нигде! Лучше скажи мне, где сменщица?

— Не знаю.

— Значит, остаёшься, пока не решу вопрос. Процедура одна не управится.

— Хорошо.

— Да уж чего хорошего, — строго произнесла Александра Даниловна и пошла в свой кабинет.

Татьяна, взяв приготовленный лоток с таблетками, пошла в палаты разносить эту надежду на выздоровление больным. Многие, особенно мужчины, приветливо улыбались, завидев миленькую и старательную сестричку. После завтрака, немного разбавившего пищевыми ароматами запах резины, занялась подготовкой новых систем для капельниц и переливания крови. До эры одноразовых систем и шприцов, разом сделавших жизнь медиков легче и комфортней, оставалось ещё пара десятилетий.

Приближалось время обхода. У временно исполняющей обязанности дневной медсестры всё было наготове. Это всё состояло из огромного пакета свежих рентгеновских снимков, полотенца, смоченного хлорамином, и тетради с назначениями. Танюша старалась угадать, кто из врачей придёт первым.

Первым к ней подошёл Николай Ильич. Взяв сестричку за локоток и сверкнув на неё карими глазами, в которых мелькнули то ли удивление, то ли насмешка, прошептал почти на ушко: «С повышением тебя, радость моя. За сожжённые резинки что ли?»

Танюшка насупилась: «Ну вот, уже все знают», — но ничего не сказала вслух.

— Идём, Танечка, некогда мне, в операционную пора. Быстренько гляну, как там дела у вчерашнего, да новые снимки мальчишки мне приготовь.

«Вчерашним» хирург назвал больного, переведённого из реанимации. Это Таня сразу поняла, да и с «мальчишкой» было тоже всё ясно. Так он звал только Серёженьку, ангелоподобного юношу, с распахнутыми небесными глазами, обрамлёнными тёмными пушистыми ресницами. Все сёстры и нянечки отделения, не сговариваясь, называли его только ласка-

тельно, а вот лечащий врач почему-то за глаза «мальчишкой», а в глаза «парнем». Сестричка прибавила шагу, стараясь не отстать от врача, входящего в палату. Рентгеновские снимки топорщились в её руках неуклюжей громадой.

— Давай! — нетерпеливо протянул руку Николай Ильич. — Чего все-то притащила?

— Я не знаю какие, — растерялась Танюшка.

— Эх, — снова нетерпеливо проговорил хирург, но порывшись в пакете, вытащил несколько нужных ему снимков.

Посмотрев один, удовлетворённо кивнул. «Отлично-с! Да, друг мой, отлично». Послеоперационный больной заулыбался. Хотел что-то спросить, но врач уже повернулся к Серёженьке, буркнув на ходу почти скороговоркой: «После, после подойду. Прости, друг, некогда». Разглядев два других снимка, нарочито спокойным тоном проговорил: «И с тобой, Серёженька, поговорю после операции. Вроде всё ничего, но подробнее потом». Танюшке показалось странным и то, что он назвал больного Серёженькой, эта интонация была не свойственна шутливому балагуру, каким она представляла себе доктора, проработав эти два месяца в отделении.

Проходя мимо палаты, откуда увезли больного на операцию, Танюшка хотела поделиться своими переживаниями насчёт мужчины, которому утром делала укол, да спросить про Серёженьку, но и от неё Николай Ильич тоже отмахнулся, правда, как обычно, взяв её за локоток и прошептал своё «потом» на ушко.

Днём раздумывать обо всём было некогда: сходила ещё раз в обход, помогла процедурной медсестре, отвезла тяжёлого больного в рентгеновский кабинет, проводила до перевязочной тех, кому добраться туда самому пока было тяжело. Она не очень-то обратила внимание на то, что в операционную стремительным шагом прошагали ещё два каких-то врача. Переживания её были связаны с приближавшейся к ней снова старшей сестрой. Но Александра Даниловна смотрела на неё не так строго и, как показалось Танюшке, даже сочувственно.

— Чего же ты не сказала, что ночью поступал с кровотечением? Небось, растерялась?

— Есть немного, — осмелев от доброты старшей сестры, проговорила со смущённой улыбкой Танюша.

— Да первый раз такое увидеть всегда страшно, да и не первый тоже. Ладно, поработай ещё часок, вечерняя сестра придёт пораньше.

Александра Даниловна уже развернулась уходить, но в это время из операционной, пошатываясь, вышел Николай Ильич. Если не знать, откуда выходил хирург, можно было бы принять его за мужика, пьяного в стельку и еле бредущего по улице, держась за стенку. Белые бахилы, набухшие от крови, оставляли длинные тёмные полосы по всему коридору. Рубаха, которую обычно одевали под стерильный халат, была такой сырой, словно хирург прямо в ней стоял под душем. Такой же влажной шапкой, он вытирал лоб, по которому стекали струйки пота.

Старшая сестра стремительно подскочила к измождённому хирургу, каким-то неувловимым движением подхватила его. Танюшке даже показа-

лось, что Александра Даниловна подлетела к нему, как птица по воздуху, пока сама она хлопала глазами от страха и удивления. Николай Ильич, грузно опираясь на плечо старшей сестры, прохрипел: «Ох, Даниловна...».

— Пойдём, пойдём, родной. Держись, — шептала старшая сестра, ведя хирурга по коридору. Следующий час прошёл для Танюшки, как в тумане. Она плохо воспринимала действительность, и всё, что делала, получалось как-то автоматически, почти рефлекторно. Написала бумажку-сопровождение для морга, подсунула её под связанные руки трупа, лежащего в конце коридора под простынёй на носилках. Отнесла историю болезни умершего в ординаторскую. Тупо глядя в лист назначения, стала выписывать нужные анализы и направления, а перед глазами стояло лицо больного, с натянутой, скрывающей страх улыбкой.

Когда появилась вечерняя медсестра, Танюшка посмотрела на неё удивлённо, не понимая, что та хочет от неё и что ей говорит.

— Танюха, Даниловна велела тебе к ней перед уходом зайти. Эй, слышишь?

— Да, да, зайти. Куда идти?

— Ты чего? К Даниловне, говорю. Поняла?

— Да, — наконец включилась в реальность Танюшка.

— Так иди. Всё. Я у тебя смену приняла.

Подойдя к двери кабинета старшей сестры, Таня в нерешительности остановилась. Дверь была приоткрыта и ей отчётливо слышались голоса. «Неудобно, — подумала сестричка, — подожду». В щёлку ей была видна рука Даниловны с дымящейся сигаретой. Этому обстоятельству сестричка была немало удивлена, памятуя, как Александра Даниловна гоняла и ругалась на двух сестёр отделения, принявших тайком покуривать.

Из-за дверей доносился хриплый голос, по которому она не сразу разобрала, что это Николай Ильич.

— Даниловна, ведь ничего ещё не успели сделать, даже скальпелем не прошлись, а у него — остановка. На наркоз, видимо, реакция.

— Что делать, Ильич. Ну, ты же не Бог.

— Два часа спасали, и прямой массаж и... Что тебе рассказывать, сама всё знаешь. Да ещё и мальчишка этот ко всему. Плохо, очень плохо, в онкологию нужно переводить. Боюсь, тоже не успеем уже.

— А, может успеем, Ильич?

— Сама же говоришь не Боги. Ох, Даниловна, два часа и всё напрасно.

— Да, Ильич, знаю. Два часа... А ты покури.

— Бросил.

— На, налью. Глотни...

— А что, Даниловна, придёт ли тот день, когда...?

Танюшке стало не по себе от всего услышанного. К её счастью подошла процедурная медсестра.

— Чего стоишь тут?

— Так Александра Даниловна велела зайти.

— Зайди.

— Неудобно, разговаривают. И вообще... Там Даниловна курит!

— Да, курит. А ты что не знала?

— Нет!

— Понятно. Не любит она демонстрировать, до сих пор стесняется, а бросить не может. С фронта ещё!

— С фронта?

— Да, с фронта. Она у нас баба героическая.

Из-за дверей слышалось.

— Эй, кто там? Входите.

— Да вот, Танюха подошла, — сказала процедурная. Увидев серые лица хирурга и старшей сестры, сообразила, что слово «ждёт» будет не очень уместно.

Получив от старшей сестры скупое «спасибо» и дополнительный выходной, Танюшка шагала по лесной просеке, которая от Областной больницы, где они с подружками работали, вела к небольшому жилому массиву частных домов. Там девчонки все вместе снимали комнату на четверых. Было грустно и тревожно от всего, что произошло на дежурстве. Странно, но одновременно было приятно смотреть на первые нежные, едва проклюнувшиеся листочки деревьев, слушать веселое чириканье птичек в эти тёплые дни начала мая. «А хорошо, что у меня ещё один выходной. Я поеду на 9 мая домой. Схожу на могилу деда, он ведь тоже участник Войны, как Даниловна».

Где-то отдалённо слышались приглушённые взрывы и автоматные очереди. Бой уходил всё дальше, но раздумывать об этих тревожных обстоятельствах Шурочке было некогда. Полтора часа она тащила капитана на плащ-палатке по редкому перелеску, изрешечённому и раскорчёванному жестоким боем. То и дело приходилось сворачивать из-за поваленных деревьев и слегка присыпанных землёй трупов. Сестричка периодически поглядывала, жив ли её раненый.

Капитан был жив. Иногда сознание возвращалось к нему. В эти минуты он смотрел на неё сердито и даже беззвучно шептал, но она понимала: «Уходи. Брось. Приказываю». Тащила девчонка плащ-палатку по более высоким местам, хоть и знала, что это опасней. Но в низинках стояла вода, а кое-где даже лежал снег. Ей было жарко, а ведь до летнего припёка было ещё далеко. Совсем обессилив, она решила передохнуть. Прислушалась. Показалось, что бой приближался. «Слава Богу, наши снова наступают». Потом встрепенулась: «Ой, немцы ведь тоже попрут через неё». Поташила капитана в ложбинку, густо заросшую молодыми ёлками. «Правильно сделала, успела» — мелькнула мысль, когда совсем рядом раздались крики на чужом ненавистном языке и родное «ура», смешанное с грохочущим оркестром русского мата. Почему-то потекли слёзы, когда всё это осталось за спиной. Снова потащила разом отяжелевший вдвое свой груз. Сквозь туман увидела лицо командира медсанчасти, склонённое над ней: «Как допёрла-то? Сама ведь ранена». «Ранена»? — удивилась она, а потом вспомнила: «Да точно, задело немного ногу. Сама себя бинтовала».

И снова она была рядом со своим капитаном. Тряслась в машине по пыльной дороге в медсанбат. С надеждой заглядывала через открытый полог внутрь палатки операционной, с качающейся вверх, в её центре, странной лампой.

А потом...

Капитан лежал рядом с палаткой, вместе с несколькими умершими после боя. Их тела ещё не успели прикрыть, да, может, и прикрыть-то было нечем. Лицо капитана было спокойным и умиротворённым, казалось, что он только-только заснул после долгого трудного боя. Но выражение это постепенно менялось, будто что-то грубое и злое обрушилось на капитана и сковало его. Это была маска отчуждённости, маска смерти. А Шурочка сидела, прислонившись к корявому стволу берёзы, вытянув вперёд забинтованную ногу, и тупо смотрела в серое небо. Слёзы больше не текли из её глаз, но что-то тяжёлое и холодное давило ей грудь и не давало дышать. Словно она продолжала тащить на плащ-палатке по корявой взрытой войной земле своего мёртвого капитана.

Она ненавидела войну и человеческое бессилие.

Между разорванных тёмных клочьев туч в странных, похожих на глаза провалах, проглядывала голубизна. Ей казалось, что это Всевышний смотрит на всех них пристально и укоризненно. А пожилой хирург, присевший рядом, положив руку на плечо, говорил: «Мы же не Боги, девочка. Мы же не Боги». И она спросила его: «Придёт ли тот день...»? А он не дал ей договорить: «Придёт, девочка, конечно, придёт».

15.03.2020

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

КОМПЬЮТЕРНЫЙ РЕБЕНОК

Владимир Алексеевич, полноватый, невысокого роста мужчина, еще не старый, но уже испытывавший все тяготы жизни на себе, сидел на кухне своей однокомнатной квартиры и внимательно наблюдал за стрелками часов. На секундную стрелку он мало обращал внимания, бежит как сумасшедшая и не дает сосредоточиться на времени. Вот минутная и часовая — достойны уважения. Эти стрелки отсчитывают жизнь человека незаметно, как бы давая понять своим движением: живи спокойно, не торопясь, у тебя еще достаточно времени, чтобы завершить свои дела. Владимира Алексеевича на циферблате интересовала только цифра «семь». В семь часов вечера он должен находиться у своего компьютера и ждать встречи с необычным существом — своим ребенком, девочкой одиннадцати лет, которую он потерял в обычной человеческой жизни, но нашел в компьютерной. Эти встречи продолжались уже некоторое время.

Раньше Владимир Алексеевич был обычным человеком, имел семью, жену и ребенка. Жена преподавала литературу, они познакомились еще студентами. Он всегда интересовался литературой и техникой. В однокомнатной квартире, где он в молодости жил с матерью, все стены были заставлены шкафами с книгами. Все книги были строго разложены по векам. Первые полки у входа в комнату занимала древняя литература, рядом с ней «Средние века» и так далее. Современная литература его мало интересовала, потому что он убедился, что ничего нового она дать не может.

Во времена, когда не было компьютеров, Владимир Алексеевич занимался радиолюбительством. Он собирал транзисторные приемники и всем демонстрировал эти изобретения.

Со своей женой он познакомился в городской библиотеке, когда писал дипломную работу. Ему всегда нравилась литература, а закончил он финансово-экономический институт. Мать всегда твердила, что профессия бухгалтера — чистая, спокойная и хорошо оплачивается. Его жена закончила педагогический институт и считала себя знатоком всемирной литературы. Чувствуя ее превосходство, В. А. всегда молча соглашался с ней в спорных вопросах. Жена вышла за него только от безысходности, до В. А. она встречалась с другим мужчиной, который бросил ее ради дочки ректора педагогического института, в надежде на будущие блага. Но он прогадал, отец его избраницы рано умер и ничем не смог ему помочь в продвижении по карьерной лестнице.

Владимир Алексеевич был верным мужем в отличие от его жены. Он большую часть времени проводил на работе или дома, собирая свой очередной радиоприемник. Жена любила развлечения, шумные компании, часто приходила домой навеселе, каждое лето уезжала на юг в дома отдыха.

Владимир Алексеевич сначала переживал, потом привык к похож-
дениям своей непутевой жены. После появления у них ребенка — де-
вочки Нины, все материнские функции, кроме кормления грудью, лежали
на В. А. Он стирал, готовил пищу для малышки, бегал по магазинам, а ночью
всегда был рядом с малюткой. Жили они в однокомнатной квартирке (его
мать к тому времени отошла в мир иной), и никто не мог посочувствовать
В. А., да и сам он смирился со своей участью.

Девочка выросла и стала копией своего отца — невысокая, пухленькая,
тоже интересовалась книгами. Жена к тому времени в доме отдыха нашла
себе «настоящего мужика», как она сама говорила и навсегда ушла от В. А.
и дочери.

Когда появились первые компьютеры, Владимир Алексеевич с большим
трудом собрал нужную сумму на приобретение этого дорогого чуда техни-
ки. Сначала они вместе с дочкой осваивали его, а потом вечерами искали
интересующие их материалы. Со временем В. А. приобрел еще один «агре-
гат», как он его называл. Для того, чтобы не мешать дочке, один компьютер
они поставили рядом с кроватью дочери, а другой он приспособил на ма-
ленький столик в кухне.

Нина в школе училась посредственно, но на занятиях по компьютеру
всегда имела отличные оценки. Девочка от школы выступала на компью-
терных олимпиадах и там тоже занимала первые места. Так она попала
в сборную города и даже ездила по странам, защищая честь России в этом
виде спорта.

Одно только беспокоило Владимира Алексеевича, это здоровье девочки.
Все эти занятия с компьютером забрали у нее здоровый цвет лица. Учите-
ля на собраниях в школе тоже обращали внимание на состояние ребенка.
Отец водил дочку на обследования в больницу, но врачи сказали, что ребе-
нок здоров.

За ужином отец и дочь делились впечатлениями, полученными за день.
Нина рассказывала истории о посещении некой чудесной страны, а В. А.
делился новыми знаниями, о литературе, полученными в интернете.

Однажды Нина рассказала, что видела себя в компьютере, сначала она
подумала, что это зеркальное отражение от монитора, но потом убедилась,
что изображение в компьютере имеет свою жизнь. В. А. забеспокоился
и на следующий день устроился вместе с дочерью у экрана. Он тоже заме-
тил изображение своей дочери, это изображение было неясным, оно как бы
парило над картинкой, то исчезало, то появлялось. Его можно было срав-
нить с прозрачным облаком, которое прячет в своей дымке что-то неясное.
Об этом феномене они сообщили в школу, где училась Нина. Там просто
посмеялись и посоветовали им отдохнуть несколько дней, не прикасаясь
к компьютеру. Они так и сделали, целую неделю, посещали музеи, ездили
на озеро. К сожалению, это не принесло никакой пользы. Нина оставалась
такой же бледной, а когда они включили компьютер, то на экране ее лицо
снова мелькало среди изображения. Нина заметила, что после отдыха ей
хочется проводить у экрана больше времени. Компьютер как бы затягивает
ее вовнутрь.

Однажды, разглядывая на компьютере красоты Индии, Нина увидела красивый, большой цветок, девочка невольно протянула руку к экрану и... ее рука легко прошла сквозь стекло и она погладила теплую, влажную поверхность растения. Это было так удивительно и неправдоподобно, что Нина в страхе отдернула руку. Минуть пять она не могла прийти в себя, мысли путались у нее в голове. Наконец, успокоившись, она выключила компьютер и пошла погулять с подругой в близлежащий парк. Тишина парка, зелень, пение птиц, редкие прохожие отодвинули на задний план ее памяти этот странный случай. Но ей все же было интересно, как бы подруга отнеслась к этому случаю? Рассказав ей о происшествии, она удивилась равнодушию подруги. Та просто сказала:

— Ну, и любишь ты фантазировать! Из тебя может получиться хороший писатель-фантаст!

Нина ничего не ответила, а только подумала: «А может быть и правда ничего не случилось? И мне приснился такой удивительный сон?!»

После прогулки она выполнила школьные задания и отправилась спать.

На другой день, после школы она решила проверить, что же вчера с ней произошло? Девочка зашла на сайт, рассказывающий о жизни животных в зоопарке. Ее удивило, что звери и птицы, сидевшие смирно в своих клетках, заметив ее взгляд, начали показывать защитную реакцию. Огромный, ленивый лев, греющийся на солнышке, строго посмотрел на нее, но не найдя в ней ничего опасного, быстро успокоился. Львица повела себя иначе, она быстро ходила по клетке из одного угла в другой, но вдруг резко остановилась, стараясь приготовиться к прыжку в сторону Нины. Девочка сама отпрянула от экрана, как это сделала львица, прошла по комнате, немного успокоилась и стала рассматривать мелких животных. Кролик сначала не обратил на нее внимания, но потом отпрянул. Нина протянула руку к экрану, рука, не найдя преграды, свободно прошла вовнутрь клетки. Девочка приблизилась к компьютеру, ловко нырнула в светящийся экран и оказалась в клетке кролика. Животное от испуга забилось в угол клетки, Нина, достав морковку из кормушки, предложила ее испуганному животному. Тот, увидев любимое лакомство, сразу забыл о своем страхе.

Нина заметила, что она легко проходит через стены и любые предметы.

Погуляв по зоопарку, как обычный посетитель, девочка вернулась в клетку кролика, а оттуда вошла в свою комнату. Сначала Нина хотела все рассказать отцу, но испугалась, что тот не поверит и может очень расстроиться.

«Лучше пока не скажу никому! — решила она, а там посмотрим, что будет!»

Единственное о чем она попросила отца, чтобы он не выключал компьютер, если вдруг ее не окажется у прибора.

Теперь все свободное время девочка путешествовала по интернету. Эти путешествия дали ей много интересных знаний. Она могла лично побывать на местах исторических событий и своими глазами увидеть все происходящее. Несколько раз на уроках истории она поправляла учителя о тех или иных действиях героев его рассказов. На уроках математики она раньше считалась слабой ученицей, теперь для нее все объяснялось очень легко, она сама была компьютером.

Единственное неудобство, которое Нина испытывала, это ее хужоба. Ей приходилось поддевать под платье или брючный костюм несколько пар белья, чтобы выглядеть нормальным человеком.

Учительница часто обращала внимание отца на состояние здоровья Нины, тогда отец отвечал, что девочка не хочет обращаться к врачам и чувствует себя просто великолепно.

Однажды, забыв предупреждение дочери, отец выключил компьютер, не обнаружив дочь за ним. Прождав дочь дома несколько часов, он забеспокоился, обзвонил всех ее подруг. Никто о Нине ничего не знал. Тогда он включил компьютер, чтобы там найти ответ на причину ее исчезновения. Но экран просто светился, не давая никаких ответов. Выйдя на кухню, чтобы принять лекарство, он с удивлением заметил шум в комнате. Вернувшись, он увидел дочку, рассматривающую картинки на экране монитора.

Увидев вопросительный взгляд отца, Нина призналась, что может перевоплощаться в компьютерный образ, уходить из обычной физической жизни и существовать внутри компьютерных программ. Отец подумал, что дочка шутит и предложил ей у него на глазах продемонстрировать свои способности. Нина согласилась и, не медля нырнула в окно экрана с изображением лесной чащи. Вскоре отец увидел, как дочка гуляет по поляне, собирая цветы, и машет букетом в его сторону.

Когда Нина вернулась назад в комнату, отец молча сидел перед компьютером. Взглянув на дочку, он также молча потрогал ее руку и отправился на кухню пить лекарство. После двойной дозы успокоительного Владимир Алексеевич смог возвратиться к разговору с дочерью. Нина рассказала отцу все приключения за пределами экрана и призналась, что последнее время ей все труднее возвращаться к обычной жизни. Она призналась, что жизнь в компьютере ей нравится больше и возможно она останется там навсегда.

— Но, если ты исчезнешь, как я буду объяснять людям твоё существование в виде электронного образа? — прошептал подавленный отец.

— А ты просто включи компьютер ровно в семь часов вечера и набери мое имя. Я появлюсь, сама все объясню любопытным о исчезновении и желании вернуться. — успокоила отца Нина.

— Как же я буду без тебя жить? Ты оставляешь меня одного?

— Если хочешь, пойдем со мной! Мы с тобой не будем знать старости, голода и болезней. Пока существует электричество, будем существовать и мы с тобой. В компьютерном мире все чувства такие же, как в жизни, я проверила — успокоила его Нина.

Через неделю Нина стала постоянно жить электронной жизнью. Всегда в семь часов вечера она появлялась на экране компьютера и общалась с отцом.

Через месяц в школе забили тревогу о пропаже девочки, классная руководительница пришла к отцу осведомиться, чем так больна Нина, что не может посещать занятия в школе? Отец пригласил учительницу к экрану, показав, где находится его дочка.

— Она превратилась в фантома и говорит, что лучше этой жизни она ничего не знает.

— Все это технические уловки! — с недоверием сказала учительница.

— Но я сам лично видел, как Нина нырнула в голубой экран!

— Предлагаю вам прийти в школу и поговорить с директором! — испугано ответила учительница.

На другой день Владимир Алексеевич пришел в школу. У дверей кабинета директора его уже ждали: директор, классная руководительница, участковый милиционер и какая-то полная женщина с небольшим чемоданчиком.

Директор, молодая энергичная женщина, предложила ему сесть за компьютер и продемонстрировать тот фокус, который он показал учителю. Владимир Алексеевич все спокойно продемонстрировал, на экране появилась Нина и спросила, какие у них будут вопросы к ней и ее отцу?

По директорскому кабинету прошла волна тишины, которая вскоре взорвалась словами удивления и негодования. Директор требовала от Нины, чтобы она прекратила все эти фокусы и пришла к ним объяснить свое поведение. Нина сказала, что она навсегда потеряла свое физическое тело и превратилась в электронный фантом. Тогда директор предложила встретиться завтра в это же время, она пригласит свое начальство и пусть они сами разбираются.

На следующий день в кабинете было не протолкнуться. Вышестоящее начальство сидело в первых рядах, сзади находились их подчиненные. В. А. молча сел за компьютер, нашел нужную программу, и когда на экране появилась Нина, сказал, что с ней хотят побеседовать все эти люди. Два часа Нине задавали вопросы, пытались понять, как ребенок мог превратиться в электронный фантом? Нина ничего не скрывала, говоря, что все произошло постепенно, без ее участия. Поэтому раскрыть эту тайну она просто не может. Тогда начальство, посоветовавшись, решило пока оставить отца в покое, а самим через научные инстанции выяснить правду о случившемся. Огласке просили эту историю не предавать, но полностью проследить за личной жизнью Владимира Алексеевича. Ученикам сказали, что Нина некоторое время будет учиться в интернате и там пройдет курс лечения.

Когда все юридические дела были улажены, В. А. на одной из встреч с Ниной спросил можно ли ему тоже преобразоваться в такой фантом и как она существует в другом мире? Нина ответила, что она ждала такого вопроса и к сожалению может дать только отрицательный ответ. Причина в том, что тело человека растет до шестнадцати — восемнадцати лет и до этого времени с его внутренней структурой можно выполнять некоторые действия. Структура Владимира Алексеевича уже давно заостенела и в ней можно менять только отдельные элементы. Такой ответ очень расстроил отца, его здоровье требовало большого лечения многих органов. Он недавно ходил к своему знакомому врачу и тот после обследования ему прямо сказал: «Ну, старик, готовься к печальным событиям, я тебе даю спокойной жизни два года, при использовании моих лекарств, а потом — инфаркт или инсульт станут твоими друзьями!»

Узнав о приговоре врача, Нина успокоила отца: «Сделай мне свою фотографию, освещенную солнечными лучами в полный рост, я стуктом энергии пройду по всем твоим сосудам и выявлю красным цветом места не теле, требующие лечения».

Владимир Алексеевич так и сделал, через два дня он получил от дочки изображение своей фигуры, полностью разукрашенной красной краской. С этими снимками он отправился к своему врачу, сказав, что в одном медицинском институте ему сделали такое изображение болезненных точек. Приятель сильно удивился, сказав, что даже не знал, насколько продвинулась у нас медицина. Врач попросил В. А. сделать такое же обследование по его фотографии. Они встретились через две недели. Врач долго рассматривал свою фотографию: «Такую диагностику ни одно учреждение не может выполнить. Раскрой мне тайну своих фокусов?!»

Владимир Алексеевич сначала засомневался, но потом правдиво рассказал свою историю с дочкой. В семь часов вечера В. А. включил компьютер, продемонстрировав наглядно свой рассказ. Приятель был ошеломлен, он молча выпил три рюмки водки и после этого сказал, что если это не хитроумный фокус, то они с В. А. могут стать самыми богатыми людьми в мире. Все люди болеют и стареют, а с помощью его компьютерного ребенка можно будет сделать некоторых людей почти бессмертными. Зная такую точную диагностику и подбирая нужные лекарства можно достигнуть желаемого.

Врач сначала написал более десяти рецептов для ослабленного организма Владимира Алексеевича. После этого он даже посмеялся: «Если ты сразу все это выпьешь, то точно не проживешь и недели, у тебя будет отравление организма. Здесь нужно постепенно лечить орган за органом, но все равно будут побочные явления. Ты попробуй через дочку найти замену всей этой химии».

Владимир Алексеевич так и сделал, на что Нина сразу сказала, а зачем нужны все эти лекарства? В компьютере есть много предложений, как лечить болезни природными составами. Главное найти их и правильно обработать.

Она предложила вылечить сердце отца, назвав травы и плоды. Сделав лекарство, Нина посоветовала принимать пилюли целый месяц. Точно так же было предложено лечиться и его приятелю.

Через два месяца этих двух людей было не узнать! Раньше охающие и кряхтящие, они превратились в молодых, полных энергии людей. Их сослуживцы по работе с удивлением и завистью смотрели на такие перемены. Наши героини или скромно отмалчивались или говорили о физических упражнениях, йоге, голодании и вообще, они изменили свой характер — стали более заботливыми и принципиальными в своей пище и времяпровождении.

При помощи лекарств от Нины врачу удалось вылечить несколько своих безнадежных больных, которые его хорошо отблагодарили деньгами.

Приятель предложил Владимиру Алексеевичу открыть свой консультационный центр, где за плату они бы лечили людей, от которых отказались другие врачи. В. А. сначала сомневался, ему не хотелось утруждать свою компьютерную дочь. Но однажды он предложил Нине подумать над этим вопросом, на что сразу получил утвердительный ответ. Она сказала, что ей не составляет никакого труда выполнить такие операции, однако она заметила, что лекарства, которые помогли отцу и его приятелю, не могут действовать одинаково для всех людей подряд. Каждому человеку нужно подбирать индивидуальные лечебные средства. Лечение будет идти по ста-

рой схеме: ей присылают фото обнаженного человека, она возвращает контурную схему с большими точками и методику лечения индивидуально на каждого человека.

Владимир Алексеевич с приятелем открыли медицинский центр. Не прошло и трех месяцев, как он стал известен по всему городу. В. А. занимался финансовыми и юридическими вопросами, а его приятель-врач лечебными процедурами. После того, как центр себя зарекомендовал как успешная, перспективная организация, городские власти предоставили для медицинского центра целое здание. Появился огромный штат сотрудников, хотя всю основную работу делали три личности: В. А., его компьютерная дочка и приятель-врач.

Их финансовые успехи не остались незамеченными в городском криминальном мире. Сначала к В. А. звонили неизвестные и предлагали помощь в охране их бизнеса, за работу они просили двадцать пять процентов ежемесячного дохода. Приятелю такая сумма показалась слишком большой, и он отговорил В. А., сославшись на то, что полиция и так их охраняет. Два раза к В. А. приходили неизвестные типы и угрожали прикрыть этот денежный рай. Владимир Алексеевич испугался, и хотел было принять их условия, но врач снова отговорил его.

Однажды, под Новый год наши приятели выходили из своей клиники навеселе, решив отправиться в ближайший ресторан. Они удобно расположились в новеньком БМВ, шофер включил зажигание и ... мощный взрыв растревожил тишину вечернего города. От БМВ осталась куча исковерканного металла, а тела наших героев превратились в пепел.

Так и закончилась эта история. А компьютерный ребенок до сих пор существует. И если вы случайно заметили на экране своего компьютера мелькнувшие голубые контуры, напоминающие фигуру девочки, знайте, что это Нина! Она обрела бессмертие, как электрический заряд, получающий искру жизни от солнца, она будет существовать всегда!

София Кузнецова
(Россия, Москва)

НОЧНОЕ ФЭНТЕЗИ (отрывок из книги «Кардиограмма сердца. PS. Размышления»)

*«Пока человек не сдаётся, он сильнее своей судьбы»
Эрих Мария Ремарк „Три товарища“*

Ночь. Ночь — это изнанка дня. Черным дождем проливается ночь души. Как же я люблю это время суток. В бездонных глубинах парков дрожат замерзшие деревья. Блестит и лоснится золотистая ткань огней. Машины, шурша шинами, выбрасывают охапками свет фар. Окна вбирают в себя свет далеких звезд. Время, когда тебя никто не трогает. Ты никому не нужен. Только ты и твои мысли. В это время ты становишься их пленником.

Пленником? А может быть найти выход и сбежать от них?

Нет, ты не хочешь этого, ночь завораживает, ты даешь волю фантазии. Кем ты хочешь побыть в этой ночной тиши? Утром ты уже никогда им не будешь. Ты думаешь о своих поступках, возможно, утром они и покажутся безумными, а пока... пока ты во власти новых путей, дел, полетов и путешествий. Ты готова на все безумные поступки, которые вертятся в твоей головке, пусть ночью эти сумасшедшие идеи приподнимут тебя и кинут в открытый космос.

И во время полета ты можешь быть совсем другой. Ты любишь музыку, ты занимаешься танцами. Представь мысленно, как с Ним ты танцуешь танго. Первые аккорды. Грудь вперед, рука в руке, глаза в глаза...

Или с любимой музыкой. Какую музыку ты любишь? Да, ночью можно услышать, как поют звезды. Или играет эльф на крыше. Слышишь, Альтаир играет тебе «Лунное болеро» Равеля. Равель — лучший композитор ночи. А любимые книги... вот они рядами, любовно собранные, самые-самые. Всегда под рукой. Они разговаривают с тобой, шелестя тихонечко страницами.

И не важно, где ты в это время находишься, и сколько проблем тебя окружает.

Просто в определенный момент ночи — ты отключаешься, остаешься одна. Ночью ты никому не нужна. И ты меняешь свою жизнь. Строишь план, картинку, сюжет идеальной для тебя жизни. Без проблем. Без лишних. Отдаешься фантазиям и желаниям. В это время ты искренна. Ты можешь позволить думать о том, что было днем заперто. То, о чем нельзя говорить. Говорить ни с кем? Нет, есть один человек, ангел-хранитель. Он видит, он знает, все... да, говоришь себе честно, все... даже то, что ты хотела бы скрыть.

Ночью ты скучаешь по нему и по тому, чего никогда не было прежде, но ты знаешь, что потом все будет лучше. Ты ставишь цели и готовишься к ним идти.

Но утром... Утром можно все забыть, суета, беготня, работа, друзья, дела... все забывается и все, что думалось, делалось, хотелось ночью, кажется утром полным безумием.

Ведь утром просыпаемся те мы, которых мы закрываем ночью.

Но, ты не согласна. Ты хочешь творить, летать, кружить, писать, рисовать, меняться не с течением лет, а с придуманными тобой безумными проектами. Безумными..., нет, классными, яркими, кипящими, дающими силы и молодость, позволяющими доставлять друзьям радость, а близким счастье.

А друзья самые, самые... самые близкие, уже много лет зовут тебя «брызги шампанского». Значит надо соответствовать.

И очередная идея берется к выполнению, и затяжная весна уже не чувствуется, а ты готовишься к очередному полету.

Желаю вам, чтобы у всех были близкие, кому можно позвонить! Доставайте телефоны!

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ УЗНАТЬ, СПРОСИ ДЫМ... (отрывок из книги «Роман моих снов»)

Пробила полночь.

А я представляю тебя...

Вот трубка раскурена... ты так по-мужски держишь ее... Новое письмо. И тонкий аромат корицы и муската... Табак, кисет с цветной тесьмой. А на столе горят призывно свечи — как отблески вчерашнего заката. Кончился дым... только чувство... С крестом, на кресте, но не к Богу, не к богам с почерневших икон, а на волю, туда, где оставил любовь — необъятное Солнце. Необъятное Солнце лучами манило к себе... И свинцовые веки открылись навстречу тебе. Все ненужное перегорело внутри, не смотри более на меня... и назад не смотри, я же, кажется, четко сказала. Мне пора... успеть доехать до вокзала...

Чувство ревности — глупое чувство. Незнакомое сердцу и столь болезненное в сердце — театр абсурда. Нелепое чувство так чуждо, но в нем брезжит свет тупика... Не решить всех проблем — не поднимется в прощальном жесте рука к тому, кто Вам дорог... дорогая Душа, беспокойная птица из клетки. Из клетки груди, что сломаться готова к весне, на блесне потускневшего Солнца.

Мне пора на вокзал... Остальное — и так уж тень. Вот последний бал играет февраль...

Начинается новый день... весна, так близко...

СОФИЯ КУЗНЕЦОВА

Россия, Москва

ОСЕННЯЯ ОШИБКА

Ах, как красиво зажигались звезды.
Но как шаги были неосторожны.
Играет скрипка... И неба просишь...
Я по ошибке влюбилась в осень!
Любовь закружит ветрами нотными...
Желанья плавают в огне неопытности...
Хотелось нравиться и быть опасной,
Но дремлют струны скрипки страстной..
Я по-осеннему, одна без милого
По лужам слёз своих брожу счастливая..
Как восхитительно я Вами брошена...
Летят пронзительно дождей горошины...
Благословляю седую осень, и отпускаю
в объятия сосен...
Я лишь ошибка, меж нами бездна.
Рояль и скрипка...
Всё бесполезно...

БЕЗМОЛВИЕ

Я учусь твоему безмолвию,
взяв грехи на свою душу.
И по руслу реки прозрачному,
уплываю на восток, вместе с тучами.
Тихо мельница вертит временем,
с тихим звоном по растворению серому.
Озаряют звезды своей нежностью,
золотыми цветами рассыплю.
Я учусь своему безмолвию,
лишь дыханием страниц нарушаемым.
Сохраняя ветвь, что доверена,
ту, что соткана очень бережно.
Светится кожа во мраке,
лишь сверканием глаз освещается.
Найдись, стань хоть другом просто
иль объятием ветра острого.
Останови скорый поезд вне расписания,
звоном колокола поднебесного.
Обернись на выдох, где я сгораю,
подними себя в наше звездное.
Перепиши снова жизни повесть,
себя возроди и меня возведи в белое.

Посмотри как разливают закаты,
видишь, у меня засыпают рассветы.
Там я, тихим звоном объятий,
просыпаю свое растворение.
Вместе мы проливаем закаты,
вместе мы засыпаем в рассветы.
Научи своему безмолвию,
подари собою...
Роман моих снов.

Москва, 2019

«ПРОСТИ ЗА ЛЮБОВЬ»

Ночь. Снежная метель,
чуть видимы дома
в туманном свете.
Горит огонь в камине.
Твое лицо напротив,
и мысли, мысли,
что есть добро, что правда,
а что есть ложь...
Твои глаза, твои ресницы,
губы близко, лишь в одно касанье.
Мы для всего давно
придумали названья,
с тобой сейчас мы видим
свет и тьму, и чувствуем любовь,
и назначаем за грехи себе
мы наказание.
Знакомство целый год,
стучит трамвай,
машины, мой дом в снегу.
Страсть... но равнодушная
луна бросает тень на твой портрет.
И снова ветер в гневе налетает,
и тишина притворна,
вот-вот тебя обманет.
Что Бог оставит нам?
Лишь смутные надежды на то,
что мы с тобою сохраним —
стон... шепот... крик,
и поцелуй на губах,
которые горели, как золотые миражи

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

и чувства выплеснув
на том портрете, где изгибы
так пленят и манят...
Ты поселилась в памяти моей,
и грустная зима, метель,
все замело, белым-бело...
Остались поцелуи на плечах,
твое дыханье, и рук кольцо,
и мягкость губ...
и легкий свет огня,
и канделябр чуть блестит,
разводы воска словно
мантра счастья,
оно внутри, бездонно,
беспричинно,
и отступает боль, проблемы и ненастья.
Так хочется любить тебя,
и доверять мечте...
Так было той зимой...
А ныне... май, полночи я без сна...
Прости, что счел своей на миг,
прости за то, что раньше стать твоим
я не пытался.
Прости за то,
что легкого романа не достиг.
Прости за то,
что твой я оживил портрет,
того неповторимого вчера.
Прости, что не сложилась в жизни пара.
Прости за то,
в чем ты не виновата.
Прости, тебя другие зазывают,
а у меня портрет стоит в углу...
Прости, что я тебя люблю...

ЧУДО

Услышала я утром чудо
Услышала маленькое такое,
потом увидела...
Прямо к сердцу вопрос
бывает ли?
Хоть одно, случайно,
маленькое...
Бывает ли случайно — чудо?
Не знаю...
Но летит издалека голос звездный.
Чудо...
Спустится по лунной нити,
скажет, вот вам, получите...
Улыбнется, засверкает теплыми
снежинками, пробежит.
Заискрятся лужи,
руки к небу взметнутся.
И некогда чужое станет моим — чудо...

Знаю. Берите... И полюбятся волшебные,
чудесные звуки, сплетайте их,
слушайте...

Из меня... из чуда.
Маленькое без грусти чудо,
как легкая паутинка
потянутая весенним лучом...
Вот оно облачку спускается,
стекая в отражение звездной россыпью...
Поймите его... Примите... Весна пришла!

ДРУЗЬЯМ ПЯТНИЧНЫЙ СПИЧ

Тише, тише...
Не мешайте солнечному лучу
Робко пробиваться к рассвету.
Давайте жить здесь и сейчас.
Смотрите — все цветы одеты
Алмазными брызгами росы.
Запоздавшим влюбленным
Осветил путь первый луч солнца,
Мимоходом погладил по щеке
Маленькую девочку, поливающую
Фиалку на балконе...
Тише, тише...
Идет новый день! Ваш день!
Осознайте этот миг, запомните,
Сберегите его в своей душе!
И никогда не впадайте в уныние...
Летите навстречу солнцу,
Своим планам и мечтам...
И пусть все хорошее сбудится!

Я ДАЮ ТЕБЕ...

Посвящается В. И.

Ты стоишь у самого берега
Бездонной и древней реки.
Сегодня дарю тебе город,
И новые эти стихи.
Облака — как круги под глазами.
Города — как круги на воде.
Ворожу на защиту меж нами,
Отдавая себя ворожбе.
Я вращаю на небе планеты,
Создавая парад планет.
Я дарю тебе эти звезды,
Хотя нас на тех звездах нет.
Я дарю тебе образ снега,
Белокурую деву зимы.
Ворожу на огонь берега.
Ворожу на окно в миры,
Где рождаются мысли и знания,
Где метания и боль умрут.
В порошок растираю сомнения,

Их ошметки в костер пойдут.
Костер поднимется выше отчаяния,
И выше небес взлетит.
Ворожит близ меня ожидание.
Ворожит и счастье творит.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда не думаешь — можешь отдавать
всего себя иным мирам.
И это не будет просто словами.
Когда не думаешь — можешь любить.
Когда не думаешь — можешь делать то,
что не мог раньше.

Ново-Переделкино, июнь 2020.

Мы падали в пропасть,
взлетая все выше,
взлетая все выше на дно.
Пока падали в небо,
небо падало с крыши,
небо падало с крыши в окно...
В стенах тихой квартиры
закрывают глаза и отходят ко сну...
ну а небо отходит к окну...

ТИШЕ, ТИШЕ...

Не мешайте солнечному лучу
Робко пробиваться к рассвету.
Давайте жить здесь и сейчас.
Смотрите — все цветы одеты
Алмазными брызгами росы.
Запоздавшим влюбленным
Осветил путь первый луч солнца,
Мимоходом погладил по щеке
Маленькую девочку, поливающую
Фиалку на балконе...
Тише, тише...
Идет новый день! Ваш день!
Осознайте этот миг, запомните,
Сберегите его в своей душе!
И никогда не впадайте в уныние...
Летите навстречу солнцу,
Своим планам и мечтам...
И пусть все хорошее сбудется!

Я иду мимо блестящих витрин,
мимо темных этажей, впавших в сон...
Слышен мне в ночи саксофон.
Это блюз мне напевает ветер.
Он и я — нас двое в целом свете...
Я хочу, но всё не наберусь
смелости, подпеть ему чуть слышно.
Грустная мелодия без слов —
блюз моих неспешных шагов...
Из Орлеана прилетевшие напевы...
плывут, меня качает вправо, влево...
И вот уж возникают наяву картинки
из далёких штатов южных,
где пели Бэсси Смит, Уильям Хэнди
и Гертруда Рэйни, всех перечислить,
я не берусь, да это и не нужно,
мой блюз — моя душа...
Закутываюсь в чёрный бархат блюза, я,
невесомая, плыву, закрыв глаза...
Об этом невозможно рассказать...
лишь Бог те ощущения видит осторожно.
Блюз надо мелкими глотками пить,
и до конца в нём душу растворить.
От удивительного с музыкой союза
чувствительней становится душа...
Барабанит дождик по карнизам,
он знает блюза алгоритм,
душа и ритм, душа и ритм.
Веткою скрипит пушистый клён,
а я слушаю как ветер мне играет
«Turn Me On»,
и тихо улыбается Norah Jones.
Стихает дождь. Светлеет небосклон...
А блюз звучит, он в душу погружен.

(Из книги «Кардиограмма сердца»)

ЕВА ТАЛАЯ

Украина, г. Харьков

МЫ ВСТРЕТИМСЯ...

А здесь зима совсем другая... —
Так, будто год не завершён.
Да, здесь не точка — запятая,
По южному красивый сон.

Я знала, расставаться страшно —
Тогда надежды больше нет.
В разлуке есть надежда — важно,
Пожалуй в этом весь секрет.

Хоть расставанье не разлука,
Но одинаково болит,
Душа, которой эта мука,
До боли память теребит.

Надежда — как бальзам на душу,
Она нам не даёт забыть,
Не верить в зной, не верить в стужу,
Лишь только помнить и любить.

А километры расстояний,
Ежесекундные мечты,
И мысли всех неверований,
Когда разведены мосты,

Забудут псевдообещанья,
Выстраивая долгий путь,
К моменту нашего свиданья —
Мы встретимся, и в этом суть!

23.12.18.

В ВЕЛИКОЙ ТАЙНЕ ДВОЕ...

Живу... А как? Ты знаешь сам —
Дарю время небесам,
Заглядываю в лица,
В надежде позабыться...

А вечером стираю день,
Как ластиком эскизы,
И наношу густую тень —
Малевича капризы.

Вуаль на окна и на сон,
Но чувства рвутся к свету,
Как на последний рубикон,
Чтоб одержать победу.

И только так, закрыв глаза,
Ты знаешь — я с тобою.
Печали спутница — слеза,
Испытана судьбою.

И накрывают небеса —
В великой тайне двое!
Любовь случает чудеса,
А жизнь делит «надвое».

Живу... Зачем? Чтоб в новый день,
Искать спасительную сень,
В миру, в котором рядом,
Дотронусь к тебе взглядом...

6.04.19.

УЗНАЛ ЕЁ?

Она теперь немного уж не та.
И дело не в причёске, стиле. —
Как фраза, что не с той книги взята —
Сказали, но понять забыли.

Она как многоточие верна...
Как звук в сердечной монограмме.
Звучит правдиво, лож по ней видна,
Естественно и многогранно.

Так женщину меняет, иногда,
И к сожаленью безвозвратно,
Отчаянье, любовь или беда,
До той, не узнанно прекрасной.

26.12.18.

ПЕРЕИГРАТЬ...

Нельзя переиграть, начать с начала.
Беспечно так играемся с огнём!

И даже у последнего причала,
Нам всё ещё как будто нипочём.

Неужто жизнь и с нами проиграла?
И нас потомки будут презирать.
Ведь сколько раз история стирала,
Наши попытки всё переиграть!

23.01.19.

НЕУМОЛИМЫЙ ЖИЗНИ БЕГ...

Такой неумолимый жизни бег.
Да мы и жить почти не успеваем.
И всё изощрённее наш грех,
О покаяньи вовсе забываем.
Так неуместна кажется беда,
И всё, что наши планы разбивает.
Любовь и та, нам кажется «не та» —
А знаем ли какой она бывает?
И всё как будто время ещё есть,
И всё как будто жизнь не убывает.
У времени для нас своя есть месть —
Оно совсем, однажды, нас стирает...
Какой неумолимый жизни бег,
Ну, просто марафон на выживание!
И что нам засчитают за успех,
Когда мы станем лишь воспоминаньем?

29.01.19.

ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ СО ВЗГЛЯДА...

Я помню — началось со взгляда,
Моё затмение любви.
И всё, и всё, что было рядом,
Стало другим, как не бери.

Вот так случаются затмения.
Вдруг видишь это только ты.
Пусть даже это отраженье,
Любви или твоей мечты.

Всё начинается со взгляда.
И нам не следует винить,
А просто слушать душу надо,
Что вяжет взгляды словно нить.

Как нить влюблённой Ариадны,
Меня спасли твои глаза.
Пусть ложь и правда беспощадны —
Меня твой взгляд зовёт назад...

02.02.19.

ТЫ ПРОСТО ПРИЕЗЖАЙ КО МНЕ...

Ты просто приезжай ко мне.
Мы позабудем о разлуке.
Я море покажу тебе,
Пойдём к нему держась за руки.

Найдём ракушки на песке,
И камешек найдём счастливый...
В лазури моря вдалеке,
Привидится кораблик милый.

Ты просто приезжай, прошу.
Зачем придумали разлуку?
Как я не верила тому,
Что без тебя скучать так буду!

февраль 2019.

А ВЕТЕР ПРОЧЬ ГОНЯЕТ ОБЛАКА...

А ветер прочь гоняет облака,
И за бездонным небом, дальше, солнце —
Ни небом и ни морем обладать,
Не может горизонт в роскошном глянце...

март, 2019.

У-РА

А мне сегодня птицы
у окошка пели!
Весенние зарницы
будят птичьи трели.
Пришёл сезон надежды,
пришла любви пора.
Мир новые одежды
примерил на УРа.
«У Солнца» будет песня,
«У Солнца» будем мы,
И Радость с Солнцем вместе
разбудит и цветы!
И нам «У Ра» проснуться,
сегодня новый день,
И к песне прикоснуться,
«У Ра» прогонит тень!!!

27.03.19.

Я ДОСТАЮ ИЗ ОБРАЗОВ СЛОВА...

Я достаю из образов слова,
Дарю им рифму музыкально.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

От этого кружится голова —
Поэзия живёт реально!

В разумном мире только два пути —
Иллюзия или реальность.
И по которому из них идти?
Ум, интеллект или ментальность?

Всё усложнили как только могли!
И за словами потерялись...
Любовь в себе почти не сберегли,
Сами с собой почти расстались...

25.03.19.

ДАВНО УСТАВШИЕ НА ЭТОМ СВЕТЕ...

Давно смотрю на небо с ностальгией,
Быть может взглядами встречаюсь
там с тобой?
Я нежность растворяю в небе синем,
Оно таким бездонным может быть
весной...

Давно уставшие на этом свете,
Мы смотрим в небо за полётом
белых птиц,
И в мыслях улетаем с ними вместе,
Туда, в края, что за пределами границ.

Мечтая, что оттуда, глядя сверху,
Мы встретим взгляд родной своей души.
Покуда ж, время, всё снимает мерку,
И отмеряет звёздам жизнь в тиши...

25.05.19.

ДОЖДЬ УМЫВАЕТ ГОРОДА ЛИЦО...

Дождь умывает города лицо.
И воздух стал такой промытый.
Воды уже повсюду налило,
И день теперь по хмурому забытый.

Отложены дела все на потом,
На улицах лишь те, кто нужен.
И прячут нетерпенье под зонтом,
Ведь день по-настоящему простужен.

Спешат гуськом немые авто,
Как будто дождь на них обижен,
Разбрызгивая лужи всем на зло —
На тот газон, что был подстрижен.

На доме против — серое пятно,
Так некрасиво кляксой мокнет.
Но как же думать под дождем «светло»?
Вот парадокс — всё ярко меркнет!

15.04.19.

КАК И ВЧЕРА...

Как и вчера сегодня всё не так —
По новому обыкновенно.
Кружится неустанно зодиак,
И верится самозабвенно.
И так всегда, как будто обречён,
И бег по кругу увлечён,
Не может быть случайно завершён —
Всё так привычно и резонно...

И чем мы закольцованы в пути?
И кем мы закольцованы по жизни?
И как нам взять и к новому уйти —
Не поддаваясь укоризне.

Как и вчера сегодня всё не так —
По новому обыкновенно.
И гонит ветер тучи, вот чудак!
Но с каплями дождя, наверно,
Чуть ярче станет звёздный зодиак,
И новое — обыкновенным.

19.06.19.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Самое громкое — ночь, тишина,
пустота.

Самое вечное — мгновенье и красота.

Самое яркое — детство, мечты, цветы.

Самое нежное — Ты, Ты, Ты...

2012

Я СЕГОДНЯ ТОБОЙ НАЗОВУ ВСЕ СЛОВА

В лампе вечерней сквозь миндальное
«фа»...

В лампе касания сквозь мотыльковое
«соль»...

Падает слово на обнаженное тело листа —

Переплетение букв, откровенье,

Глава «роза строк».

Линия звука,

Литер изгиб,

Теснота...

Тень, превратившая в музыку,

Знаешь ли ты —

Там, где все спят, боги пишут на наших
устах

Ню откровения гамм у священной воды.

Бездокзательно время, испившее «до»

Воском стекает строка обожженности губ...

Мне ли не знать — это «ре» возгорания
снов,

Мне ли не знать — это «ми» быстротечных
минут.

Преданно логосы тянутся к горлу небес...

Руки расправлены,

Пересыпайся летать!

Где раскаленное «фа» прорастает в дизез...

Где я сегодня тобой назову все слова.

2020

МОЯ ДОРОГАЯ, МОЯ АВЕ

Моя Дорогая, моя Ночь,

Поэты живут только один раз,

Им не выдержать несколько жизней...

В их сердце танцует вселенная,

Она — всё, чем они могут быть.

В этом мире вдохов и серпов,

В стержне вечного вечера

Мы вытираем слезы заблудших изнутри.

Смерть приближается к ним разными
способами,

Осенние аллеи кровоточат,

Исповедуя их ностальгию.

Где вы находитесь на самом деле,
когда пишете?

Светом я касаюсь строк днем,

А вечером переписываю их от руки.

Я танцую на скалах бессмертного
дыхания,

И если я падаю, я всегда знаю —

Это всего лишь новый разбег.

Что-то снова падает из глаз в небо

Чтобы служить свету, которым мы были.

Моя Дорогая, моя Нежность,

Пропитанные чернилами,

Прежде чем что-то написать,

мы должны были испить это,

Мы должны были изготовить чернила
для написания.

Даже если нам не выдадут одежды,

Чтобы прикрыть шрамы от пребывания
на земле,

Позади нас уже нет ничего.

Так рождаются бури и те, кто знают
грядущее затишье.

Какой трепет толкает нас с тобой

в объятья друг друга,

В открытую ночь, в эту твою

и мою хрупкость,

Где вода вызывает к чаше.

Найди меня открытым, как свет вечного
маяка,

Не остывшего до Бездны.

Так блаженно и ослепительно знать тебя,

Ты — поэзия в моей крови,

Мы — огни строк, что изгибаются

в поисках безумной мелодии.

Наша кожа стала тоньше,

ее почти уже нет.

Моя Дорогая, моя Вечность,

Все женщины на земле сошли с ума,

А мужчины так и не поняли, какая жажда
принадлежала их рукам,

Таким пламенем вечно горит осень.

Это их голос, прежде чем стать

необитаемым в деревьях зимы,

В ветвях, которые питают эти костры,

произносит:

— Люби меня, потому что я умоляю,

я умоляю любовью.

Делайте с любовью то, что делает с вами
любовь!

Вы — лишь тени на стене, и наступит
вечер.

Моя Дорогая, моя Аве,
Я расскажу тебе только солнце.
Тут, где растет немислимое,
Кто-то снова придет, чтобы срезать его
ветви...
И ты, проросшая цветами, сложишь свои
крылья
И уснешь в лугах тоски, в тех, что тайно
владеют даром слез.
Там, где нас еще нет, и уже нет...
смыть время и его язык,
Тот, что, приходит просить к нам соли...
Тот язык, где деревья проросли, чтобы
стать гробами или книгами.
Я знаю этот язык... этот язык создан
из голода,
Он создан красотой в ненасытной пустоте
Чтобы выпустить раненых газелей
на зеленые луга и в стихи.

Аве,
Я верю в небо твоих губ
И больше ни во что на этой земле.
Пока пустыня умирает, где-то идет дождь.
После каждой войны кто-то пишет
историю шрамов.
Переполненные необъяснимым
расстоянием
В их сердцевине написана боль
или радость...
Мотивы смерти всегда помещены
в патроны,
А вино всегда возвращается в виноград.
Даже в черных печатках ночи, Аве,
В этом мгновении песня любви длится
целую вечность.
Каждый раз я возвращаюсь к тебе наяву,
Ибо мы есть любовь.

2020

ТАМ, ГДЕ СЕРДЦЕ КАЧАЕТ АЛОЕ МОРЕ...

Там, где сердце качает красное море...
Медленно отпустить с пальцев строки
по твоим позвонкам...
Обнаженная орфография рук...
Смотреть, как в изгибах просыпается эрос,
Слышать, как касание перетекает в тебя,
Ждать пока оно остановится и замрет.
Алый глагол горящего ветра...

Эта невесомая пауза —
пунктуация сближения,
Световой текст за гранью тел,
Три октавы ветра, риф нежности,
Тон безумия, оттенок экстаза.
Так цветы, раскрываясь,
обжигаются о теплый ветер.
Запутать пальцы в рифмах твоих волос...
Прочитать откровение твоих глаз,
Пропитанное безвременьем и пламенем.
Смешиваться с ночью,
С вином шатких ступеней,
С лирикой сумасшедшего оркестра...
В этих контурах жажды,
В этих литерях движений.

Там, где сердце качает алое море...
Пить слова пока не напьемся...
эта жажда не имеет дна.
Переливать огонь
в заклинания влажных тел.
В этих августовских безднах
в путешествии трепета.
Становлюсь на колени
посреди стихотворения.
Лексикон огня, святилище
ярких вспышек...
Экзорцизм танцующих мотыльков.
Ты истекаешь словом,
которое я произношу...
Ты вздрагиваешь словом,
Которое сильнее силы тяжести.

Там, где сердце качает красное море,
Наши голоса будут горящим ветром.

НЕБО ЦВЕТА ИНДИГО

Способность видеть в полной темноте...
В совершенном безмолвии звучит
и день и ночь...
Мелодия глаз её и их оттенков...
Воздух, разглаживающий ткани белых
знамён нашей нежности...
Мои руки, что плавно перебирают аккорд
за аккордом твои звучания...
И напряжение белого ветра сменяет
шёлковое дыхание нежности...
Губы склоняются к тебе боль дня стереть —
Узоры из шрамов дневных богов,
что пытаются научить тебя
забывать о нежности...

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Влить в каждую клеточку
откровение любви...
Нет, не телами наполнены ночи
влюблённых, Душами...
И ищут руки рук — моих, иных...
Ведут в осязаемую полночь...
Перемешивать акценты губ,
звуков, слов...
Отдать друг друга ветру нежности,
и видеть, как он меняет нас...
Мотыльки бьются насмерть с огнём,
а после сливаются с ночью...
Когда у тебя не останется сил пить,
поднесу к губам губами глоток воды...
Я в твоём глотке, а ты в моем...
Вдох и выдох...
И руки сплетены, чтобы рождалось
Небо цвета Индиго,
Веруя в Любовь.

2015

НЕБОМ

Небо внутри тебя...
Тень — лишь событие жизни,
Лживая болтовня, тех,
кто не слышит выше.

2017

МОТЫЛЬКОВОЕ

Казанова бессмертен,
смертен плач Казановы.
Кто учил Тебя розам, тот шипам научил.
Тени, блики, слова, лепестки, невесомость...
Кто учил Тебя крыльям, тот и падать учил.
Это только попытка стереть Твоё имя —
Ледяная, блистательная тишина...
Птицы чёрных волос, плечи, пальцы —
бессилен.
Кто учил Тебя звукам, тот давал имена;
Мягким звукам, бесслышным,

И острым, и встречающим
Вдоль Тебя полыханием шёпота плыл...
Кто учил Тебя смерти,
тот знал бесконечность.
Кто учил Тебя встречам,
тот разлукам учил.
В этом свете серебряном в чёрной оправе
Собирая взаимности раскалённую дань,
Кто учил Тебя песням,
тот был ими отравлен.
Кто учил обнажёнью, тот искал его сам.
О влюблённое время
для взимания нежных —
Встать на то остриё,
где Твой медленный взгляд,
Распечатать губами
мотыльковую нежность...
Кто учил Тебя радости,
тот печаль понимал.

2012

СОКРОВЕННОЕ

Тяжелый медленный мир,
Желтый лист думает о листопаде,
У него есть точное место, куда он упадёт,
У него есть точное мгновение,
когда он упадёт.
И говорит Бог: "время",
И наступает осень.
И говорит Бог: "осень",
И летят листья в Чаши Господни.
Дегустация силы голосов происходит
всегда на холоде,
Там, произносим слова мы, на которые
можно ответить лишь молчанием.
Пылает в пробеле не слово...
Когда нам "вырывают" язык,
мы начинаем говорить глазами...
Вчера слезами исповедовался мне закат...
Потоки наших слёз равновелики.

ЛЮБОВЬ БОБКОВА

Россия, Московская область, г. Химки

ЗАМРИ НА МГНОВЕНИЕ

Замри на мгновение, Вечность послушай!
Зайди за границы привычных дорог,
И прах отряхни, что осел на одежду
За многие жизни побед и тревог.

Ты вспомни Начало,
твой Путь был неведом,
Ты видел в нём смысл побед и потерь.
Ты видел в нём Радость,

ты видел в нём Силу,
Ты знал, что твой Путь —
Игра, и теперь...
Ты можешь взлететь высоко,

словно птица,
И нет больше смысла в забвении хотеть.
Ты вспомнишь когда-то забытые Лица
И, может, захочешь Им просто запеть...
За то, что хранили тебя, как умели,
За то, что Лучом освещали в Пути,
За то, что Незримые песнь тебе пели,
Чтоб шёл сквозь метели навстречу
Любви...

Горит ли в тебе то, чем можно светить?
Сверкает ли то, чем можно простить?
Сияет ли то, чем живёт все вокруг?
Замри на мгновенье, заполни свой Круг
Мечтою, Стремлением, Здоровьем, Огнём,
Твори вместе с Небом,
с Любовью свой Дом!

Ты — Дух, ты — Мечта,
ты — бездонный Источник,
Открой своё Сердце, раскрой свои Очи!
Замри на мгновенье,
услышь Бесконечность:
«В тебе, ВСЕ ЧТО ИЩЕШЬ —
ЛЮБОВЬ, СВЕТ И ВЕЧНОСТЬ!»

СВИТКИ ВРЕМЕН

Свитки Времен у меня за столом,
Свитки потерь и находок.
Снова, как будто, вижу свой дом,
Запахи, цвет — все знакомо.

Свитки Любви из потертых страниц,
В пепле утраченных жизней,
Все мы Единым Потоком живем,
В формах проявленной Мысли.
Мысль Нерушима, в несчетных Мирах,
Танец, танцующий незримый.
Мысль созидает Любовью Творца
Мы Его Сердцем хранимы!

ПОД ЗВЁЗДНЫМ ПОКРЫВАЛОМ

Босиком, под звездным Покрывалом
Обнажая душу до глубин,
Я к тебе взлечу, моя Любовь, родная,
Ты — вне правил, следствий и причин...
Сколько троп земных, путей космических,
Предстоит нам всем еще пройти,
Сколько Света льется

из высот невиданных,
Укрепляйте Дух чтобы светить!
Через дыхание, Любовь и действие,
Мир творите у себя внутри,
Сосредоточие и внутреннее Знание
В глубине сердец, идите к ним...
Солнечным лучом и звездной россыпью,
Путь украшен, утренней росой,
Красотой дышите, впитывая лёгкими
Свет Любви — Она ваш путь Домой...

ЛЮБИМОМУ

Так хочется Душой раскрыться,
Чтоб рассмешить тебя до слез,
Мечтой незримой вдохновиться
И под сияньем дальних звёзд,
Под Солнцем, небом и Луною
Здесь на Земле построить дом,
Создать поместье Родовое,
И жить семьей счастливой в нем.
Растить цветы, траву, деревья,
Купаться, бегать босиком,
И этой радостью делиться,
Мечтая, как прекрасным днем
Малыш у нас с тобой родится,
И будет смеха больше в нем!

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Мы будем заново учиться
Дышать, заботиться, любить!

В нас Дух творения возродится,
У Солнца мы научимся дарить!
Вода научит быть текучим,
Огонь — горячим и живым!
Земля научит быть могучим,
А Воздух — лёгким и пустым!
Чтоб Мудрость в нас могла родиться
И воплощать наши мечты,
Чтоб ТИШИНА, Та, что Искрится,
Могла звучать из Пустоты!

ЕДИНСТВО

Сколько страниц перевернутых, Жизни,
Сколько от сердца оторванных лиц,
Сколько надежд и несбыточных мыслей,
Как же мне хочется жить без границ!
Воля к слиянию с Вечным Потоком,
Воля к победе не падая ниц,
Стой у руля корабля своей жизни,
Следуя Зову и пению птиц!
Курс прямо в Сердце, где пульс,
где Источник,

Там, где Прощенье и Мудрость живут.
Там за горами тревог и сомнений
Нежно обнимут, и к сердцу прижмут.
Сила в прощении, в признании Слова,
В радости жить средь тревог и разлук,
Мудрость рождается, следуя Зову,
Из Вдохновенья, из Сердца и рук.
Сердце подскажет как жить, успокоит,
Примет в объятия свои и споёт.
Там в Тишине, за Небесной рекою,
В тебя очень верят, любят и чтут!
Ты никогда не одна, Я с тобою,
Ты никогда не один, Я с тобой!
Помни, ты — горы, ты — ветер,

ты — море,
Ты — вся Природа, все люди, ты — Дух!
Страх паутину соткал из иллюзий,
Ум, словно птица попал в западню,
Нет разделения на цвет и на формы,
Это — Игра, и ты в ней, мой друг,
Царь, ты — создатель Игры и иллюзий,
Ты — повелитель Пространств и Времен!
Помни, что все вокруг эти Люди,
Звезды и Небо — Одно Существо!
Дух, воплощенный в бесчисленных
формах,

Жизни Единый Поток без границ,
Все мы — сияние Единого Поля,
Все мы — Единство из множества лиц...

МОЙ ДРУГ!

Мой друг, бывают перерывы в счете,
Бывают остановки на пути,
Бывают дни, когда внутри — не очень,
Бывает шторм и ветер — не пройти...
Мой друг! Взгляни на звезды ночью,
Их свет далекий, яркий, неземной,
Сияньем Космоса наполнит твои очи,
Ты вспомнишь путь свой,
и пойдешь домой.

Твой дом — незримая обитель,
Твой дом — мой Храм, внутри него Огонь,
Твой дом — вершины гор,
ты — Дух, Хранитель,
Твой дом — внутри,
вернись в него и пой!

Чтоб Звук твоей Души рассеял тучи,
Чтоб Свет твоей Зари рассеял мрак,
Чтоб Песня в нем звучала Днем и ночью,
Чтоб Радость Жизни Растворяла страх.
Чтоб в глубине, под Волнами Звучаний,
Из Чистоты, в великой Пустоте,
Неисповедными, Волшебными путями,
Любовь рождалась к звездам и к Земле!

КРЫЛЬЯ АНГЕЛОВ

Как будто Небо проливается на Землю...
И женских нежных рук тепло
Укутать может всю Вселенную
И раскрутить Любви Веретено,
Соткать чудесные узоры...
Из Света Звёзд и Солнечных Лучей...
Пусть Крылья Ангелов всегда касаются
Вас Вдохновением,
Чтоб Красота рождалась
из Невидимых Огней...

ТАКАЯ НЕЖНОСТЬ

Такая Нежность, и такая чистота,
Любовь сквозь Небо заливает раны Светом,
Невидимая глазу, но видимая
Сердцу Пустота
Наполнится Огнём Вселенной.
Душа... душа твоя чиста,
Как чистый снег парит
над Океаном Жизни,
Любви... пусть катится слеза,
Она жива, в ней радость,
Свет души твоей лучистой.
Судьба... в ней трепет тех страниц,
Тех строчек что с Небес стекали...
В наш мир без видимых границ,
В Невидимое Целое Сознание...

ОБНАЖЕННАЯ

Обнаженная, до костей...
 Где пристанище страхов? В груди моей,
 В животе, где новая Жизнь предстоит,
 Где пространство Любви — боль кипит...
 Через крик её отпущу,
 столько лет я с ней живу...
 Ни грамма фальши, ни слова лжи,
 Я самой себе прокричу: «Живи!»....
 Нарастает заново плоть,
 К каждой клетке Любовь течет,
 Нет препятствий и нет причин,
 Льется Звук из самих Глубин...
 Как источник из недр Земли,
 Как потоки горной Воды,
 Как тепло и лёгкость Огня,
 Согревает Любовь меня...

В ТИШИНЕ

Благодарю вас всех...
 Сейчас так тихо на душе,
 Не хочется ни с кем ничем делиться,
 Закрыться хочется немного,
 Ощутить по-новому свой путь, и осознать,
 Стереть все старые пластинки,
 И написать симфонию любви,
 Чудесную мелодию, где Ты...
 Звучишь, а может быть Молчишь,
 А может просто в Тишине побыть,
 Ведь все давно написано Тобой,
 А мы — все те, кому дано услышать
 Голос неземной,
 И музыку Твою услышать, ритм Твой,
 Почувствовать Невидимую нить,
 И ощутить, как Свет течет
 По ней и нас питает...

ПОСЛАНИЕ НА АРКАИМЕ

Цветы на камнях расцветут,
 Вода появится в пустыне.
 В своей душе построишь храм, мой друг,
 И на алтарь его Любовь потоком хлынет!
 Растают льды, придет тепло
 В те страны, где трещат морозы,
 Не бойся, на Земле все будет хорошо,
 Так хорошо, как не бывало ныне...

ПОТОК

Поток... Пусть проливается,
 как Свет неслышно,
 Пусть обнимает словно Ангела крылом,
 И дарит Откровения Единого...

Пространства Света
 открываются

Пером...
 Невидимой волшебной Птицы
 Напишешь строки, нежностью дыша,
 Подаришь Свет свой близким
 и прохожим,
 Обнимаешь их и дальше, не спеша,
 Пойдешь по звездным тропам
 Мироздания,
 Мелодию и музыку Огня,
 Творящего Единого Начала...
 В глубинах Сердца Свет благодаря...

ЛЮБОВЬ ПОТОКОМ
 ПРОЛИВАЕТСЯ ИЗ СЕРДЦА

Любовь Потоком проливается из Сердца,
 И исцеляет все, что встретит
 на своем пути,
 В лучах Её невидимого Солнца
 Сгорает, всё, что нам мешает
 по тропе идти...
 Тропа... — неосвещенная дорога,
 Она сквозь лес, сквозь тьму твоей души,
 Сквозь спрятанные лики Бога,
 Богиня у тебя внутри...
 Она живёт под плотным покрывалом
 Из страхов и неверия в себя,
 Как Драгоценность — самая родная,
 Она Свободой дышит в сердце у тебя...
 Отбрось все страхи и сомнения,
 Иди за тихим голосом своей души,
 Невидимое, тонкое сиянье
 Наполнит Сердце Светом изнутри,
 Наполнит Радостью и Всепрощением,
 Звучанием и Красотой,
 Прольется нежностью,
 и в каждой клетке пением,
 Любовью, что ВСЕГДА живет с Тобой...

СУДЬБА

Алмазной пылью пролегает
 В пространстве звёзд, планет и солнц,
 Судьба... Она звучит... со мной играет,
 Зовёт за дальний Небосвод...
 В ней Вдохновение, как дыхание,
 Как дар Невидимых миров,
 В ней Нежность звёзды обнимает,
 На Землю Радость Жизни льёт...
 Судьба — не плоская дорога,
 Она — твой Путь, твой Свет, твой стих...
 Она как Птица на Ладонях Бога,
 И прошлого и будущего лик...

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Вся Жизнь моя в Твоих ладонях,
Так бережно ее несёшь...
Наполню каждый день Любовью,
Чтобы в руках всегда был Свет Основ...
Чтоб не тревожась Птицу отпуская,
Ты знал, что познавая мир,
Она вернётся на ладони снова,
Она же знает, Бог её хранит...
Невидимая связь в Огне Любви укрыта,
И каждая Судьба Тобой окрылена,
Мы — Птицы Света на Ладонях Бога,
Когда-то улетевшие в далёкие края...

БЕЗБРЕЖНОСТЬ

Без слов, без мыслей, без надрыва,
Во тьме затихнувшей души,
Как Солнца Луч, как воздух дивный,
Ты вдруг приходишь,
Не спугнуть...
Как гладь озер, не шелохнувшись,
Смотрю я в Сердца Глубину,
В нем вся Вселенная, все муки,
Вся Радость, я иду к Нему.
В Его Руках покой и безмятежность,
В Его Глазах струится нежный Свет огней,
Звучит в тиши души моей...

ХУДОЖНИК

Вечер спустился на Землю неслышно,
Звёзды зажглись, и огни в городах,
Где-то в избушке рисует мальчишка,
Шедевры рождая у всех на глазах.
Руки невидимым светом сияют,
Образ рождая искусный, живой.
Руки рисуют, но сердце ваяет,
Радости Свет превращая в узор.
Песней звучит полотно расписное,
Словно на Землю сошли Небеса.
Зов из давно позабытого Дома,
Светом которого видит душа.

ЛЮБИ, ЗОВИ, ИЩИ, КРИЧИ

Так странно — не уметь писать,
Ни музыки, ни песен, ни клавира,
Как будто унеслось всё вдаль,
А я осталась, как немая лира.
Мне закричать бы во всю мощь,
Запеть, чтоб стёкла задрожали,
Но я молчу уже который год,
Боясь другим быть вестником печали,
Боюсь, что потеряю ореол
Любви, спокойствия и роли,
Святой души, тепла и простоты,

Серьезности и важной доли,
Без права петь, любить, дышать,
Саму себя загнав в канаву,
Мечтаю превратиться в Океан
Живой Любви с огромными волнами!
Хорош сидеть в болотистой глуши,
Как баба на заваленке, в деревне,
У нас есть Песни, Сердце и Мечты,
Восторг души и радости нетленной!
Ведь можно промолчать всю жизнь,
Ни слов, ни одного куплета,
Люби, зови, ищи, кричи,
Как в детстве, с силой беззаветной!

ДА БУДЕТ МЫСЛЬ МОЯ ЧИСТА

Да будет мысль моя чиста, проста,
Пред Волею Отца смиренна,
Да будет вновь окрылена, легка,
Как птица, устремится в небо.
Сквозь грозы, молнии и облака,
Тонка, её ничто не остановит.
Лишь Сердцем взглянет на тебя,
Из глаз польются радости, Любви потоки.
Струится Свет из чистых глаз,
Струится Свет от сердца к сердцу
Ничто не остановит нас,
Мы Песнь Любви споём Рассвету!

Ты

Ты — в каждой капельке дождя,
В прикосновении долгожданном,
Ты — жар Земли, Ты — Свет Огня,
Цветы, укрытые туманом.
Звучишь в рассветных песнях птиц,
Молчишь... но рядом Ты, я знаю,
Божественна Святая Тишь,
Святая Жизнь дана Тобой нам ДАром!
Я слышу Голос изнутри,
Из глубины зовет меня к Истокам,
Какое Небо! Посмотри,
Бескрайнее, как Сердце Бога!
Он из Огня Творит Миры,
Он из глубин зовет тебя к Высотам,
Какое счастье, на мгновение замри,
И ощути, внутри тебя — Его Свобода!

ТЫ ЗНАЕШЬ!

Не всегда звучит Симфония,
Внутри... бывает Тишина...
Такая, что не слышно шёпота,
Бывает, что кружится голова...
От дел, вопросов, суеты и делания.
Тогда спасает тихо, не дыша,

Собою обнимая, Вдохновением,
Нырять почаще в этот Океан Огня...
Любви окутываясь пеною
и Нежностью,
Очередной Невидимой Волны...
Прекрасные, чудесные творения
Рождаются Благословением Тишины...

Я В ЛАДОНИ С ЛЮБОВЬЮ ВОЗЬМУ БОЛЬ ТВОЮ

Я в ладони с Любовью возьму боль твою,
И сиянием Истины всю растворяю...
Фиолетовым Светом, Изумрудным Огнём,
Я окутаю нежно души твоей дом.
Есть законы Земли, есть дыхание Огня,
Есть течение Судьбы, но поверх всего — Я!
Разделившись на части, остаюсь Неделим,
Я — Всецелое Счастье,
Я — Создатель картин.
Я — Художник и краски,
Я — Судьбы Полотно,
Но для тех, кто проснулся,
мы с ними — Одно!
Посмотри на ладонь,
там Судьбы твоей стих,
Там дыхание моря, там рождения крик.
Там познание себя, погружение во тьму,
Пробуждение к Свету и полёт в Глубину.
Там Природа Земли, в ней потоки Воды,
В них дыхание Огня и внутри ВСЕГО — Я!
Посмотри на ладонь,
в ней дыхание Любви,
В каждом пальце Огонь,
Им всю боль Исцели!
Фиолетовым Светом Изумрудным Лучом,
Пусть сияет Свободой души твоей дом!

ЛЮБОВЬ

Свет... Красота... Чистота... Нагота...
Нежность твоя... за пределами мыслей,
За пределами слов неземная... она...
Светит небесным светом... лучистым.
Радостью звонкой... музыкой тонкой,
Нас обнимает... тихонько в ночи...
Это Любовь... открывает все двери,
Светом срывает все цепи с души...

ПОРТАЛЫ

Все порталы внутри, Небеса
Глубины
Наливаются Светом и Счастьем из глаз,
Проливаются Солнцем,
прорываются Ветром,
Освящаются Огненным Словом «Дерзай»!
Если хочешь согреться,
нужно раздеться...
Если хочется «вместе»,
научись быть один...
Если лень одолела, развивай свое тело...
Высоту не оценишь, не зная Глубин...

НЕЖНОСТЬ

Нежность...
В ней столько имен
Растворилось и форм...
Чудесным дыханием...
Как-будто все — сон...
Мне снятся все формы,
И все имена,
Пора просыпаться настала,
Пора...

РАССВЕТ

Природа... рассветная песня звучит...
Внутри просыпается Счастья магнит,
Внутри просыпаются силы Творить,
Мечтать, Создавать, Верить,
Видеть, Любить
Потоки... прольются неслышно с высот...
Они словно реки невидимых слов,
Они орошают все земли души,
Они возрождают в нас Духа Цветы...
Любовь словно Птица,
как Феникс из сна...
Она возродится, очнётся Земля
От призрачных темных навязчивых снов,
Наш Род сбросит цепи всех страхов,
оков...
Мечом Милосердия, улыбкой добра,
Бальзамом Бессмертия восстанем от сна,
Пора просыпаться всем миром звучать,
Божественный Свет наших душ излучать,
Потоками Радости Воды очистить...
Огонь Исцеляющий льётся... лучистый...

АНДРЕЙ-VIKTORIA-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

ЯНВАРСКИЙ ДОЖДЬ

Январский дождь, что хорошо — без грома,
Уныло-серо небо, а трава
Рванула в рост, как в мае... возле дома...
И видится: вот-вот пойдёт листва —

Набухли почки на деревьях, ива
Белёсо-жёлтый выбрала парик.
И ветерок-мальчишечка с залива
Шашлычный запах шлёт на материк.

Зажжёт-кольнёт под ложечкой... природа
С собою не в ладах, не то чтоб мне...
Протяжно лебедь вскрикнет... непогода
Плывёт подбитой чайкой на спине...

15.01.2020 г. А-V-A.

ПО ПРЯМОЙ...

От побережья сто или сто двадцать —
И солнце принимаю во весь рост!
И губы лезут сами улыбаться...
Оглянешься — дрожит драконий хвост,

Висит над полем, над опушкой леса...
Дракон подмял и Город, и залив.
От Арктики бежал тропой экспресса
И лёг на крыши, прост, неприхотлив.

Попотчевал утробу от Онеги,
И отдыхать изволит, трёхголов.
Почешет бок: просыплет дождь иль снега,
Зевает, слыша звон колоколов.

Который год лежит и в ус не дует!
А мы, а мы — хранители при нём.
Кто вырвется из лап — тотчас колдует,
И рассылает стрелы в окоём.

Вот ветер взвился — парень на посылках,
Рвёт плащ из рук и требует домой...
Шипит на рельсах чёрная кобылка,
И только сяду, двинет по прямой...

15.01.2020 г. А-V-A.

БЕЗ КРАИА...

На углекислой частоте
Шатенка врезалась в блондина.
Качалось солнце на шесте,
Дымила тёмная махина,
Блондинчик с ног — на лбу шишак.
Шатенка выстояла, руку,
Пыталась вытянуть спеша,
Да весь подклад порвала... скуку
В глазах зелёных страх гасил...
Блондин поднялся, брызнул карим.
Страхнул ладонью пыль с джерси
И подошёл вплотную... Гари
Бил запах в нос — дымилась тень...
Надел улыбку... и... какую!
Ушли, обнявшись, в новый день...
А я двory мету, ревную...
Какие изумруды глаз!
Какие ножки — внук арапа
Стрелял из-за таких не раз...
Ах, я не Он... и жизнь без крапа...

16.01.2020 г. А-V-A.

ИСКРА ЛЕТА

В придорожной траве
бело-жёлтый цветок.
Мимо едут-идут люди, кони, повозки.
Ветерком обдуваем, совсем одинок,
Когда солнце в закат... И звенит от полоски
Нелюбимый мотив из трагических нот...
Под луной, из-под туч, до кантаты рассвета
Всё дрожит стебелёк... загорит небосвод,
И цветок распахнёт лепестки — искра лета
Жёлтым солнышком вверх
сны-тычинки несёт.
Пить мелодию солнца
в волшебном миноре...
Высота и простор песню лета спасёт,
А пчела пригласит репетировать в хоре...

17.01.2020 г. А-V-A.

ДЕЯНИЯ И ЧУДЕСА...

В ушах звенит и голоса,
И батальоны маршируют.
Деяния и чудеса
На всю фантазию жируют:
Вот всадник на лихом коне
Влетел во двор, сигналит: «К бою!»
И побежали по спине
Голубоглазые герои...

Ударит молния, волна
Поднимет, как скорлупку судно.
Посмотришь вниз: не только дна,
Планеты нет в потоке будня...

Когда бы мне немного сна
Без сновидений, без оказий...
Являлась ли тогда б Она:
Девчонка с улицы фантазий?

12.02.2020 г. А-V-A.

ВДОХ И ВЫДОХ

Вдох и выдох... подышите.
Пальцем нос... коснитесь... свой!
Вы, конечно же, спешите,
И хотите молодой
Лет полста ещё, не меньше...
Милочка, скажу я вам:
Без утех нету женщин,
Без болячек нету дам.

Направление, рецепт.
Тут массаж и душ Шарко.
Здесь — простейший аналептик,
Чтоб дышала грудь легко.
Через девять, на десятый,
Загляните, плиз, ко мне.
Посмотрю на результаты,
Дело движется к весне.

Вам же в отпуск или где же?
О, Париж... Париж... Пари...
Помню, как *Tombe la Neige**
Пели с ночи до зари...
Не волнуйтесь, до ажюра
Доведём, подтянем в срок.
Будет шикардос фигура,
Говорит вам Фима Штрок!

25.02.2020 г. А-V-A.

* *Tombe la Neige* — «Падает снег» —
песня Сальваторе Адамо, бельгийский шан-
сонье, итальянец по происхождению.

СЛОВА...

Как «берега теряют» други?
Какое утро «с той ноги»?
Ещё вчера мы буги-вуги
Лабали... кровные враги
Сегодня к вечеру... ничтожны
Пуд соли, версты и года...
Слова бывают невозможны,
И узы рвутся навсегда...

26.02.2020 г. А-V-A.

ФЕВРАЛЬ ЗАМЁЛ

Февраль замёл... под коврик... заходи,
Бродяга Март... растрёпанный...
немного...

По стенке, плиз... в салоне подожди,
Я здесь протру и посидим... как Бога
Тебя уважу, брат ты мой лихой.
Стихи под бренди, стансы под гитару.
Ты молодой, и всё придёт, ИМХО,
И зацветёшь, и всем подкинешь жару...
Да, вспомнил: праздник,

праздник у девчат!
Нарциссы и подснежники по паркам.
На всех углах торговые кричат
О колоссальных скидках по подаркам —
Тебе одно добавить — солнцедней!
И потекут... по улицам... и барам...
Поверишь — сам оденусь помодней...
На променад... искать в груди пожара...

28.02.2020 г. А-V-A.

СОЛНЦЕ В ПУСТЫНЕ

Солнце в пустыне кажется белым. Белым
Станет сознание и под рукой висок —
Если нырнёшь в снега да в реки напевы,
Смоют тебя лучи и твой мир в песок.

Криком кричи! — не выйдет:
прохлада с ночи...
Жив? Если звёзды видишь, скажи о них.
Боже, какой дурак до чудес охочий!
Сам напросился в путь, да отстал... одни
Были следы... песок... не песок, а волны.
Скоро простыл и след, оглох океан.
Мысли живут собой и уже крамольны,
И лишь одна на крик, оставляя план.

Да, фантастичен, да по углам нелепен.
Нет, не молюсь... холоден сухой песок.

Видел на запад тень...
как венок на склепе...
И до него один... может два... бросок...

Выйдет рассвет, хмелея на каждом шаге...
Как далеко до солнца? А вдруг — мираж?
Звук прилетел с небес...

и Барон при шпаге...
И на ядре за ним — Рено-Экипаж...

29.02.2020 г. А-В-А.

ЗАДОЖДИЛО...

Задождило у нас... снега
Там, где ты... всё метут, метут...
На ладони твоя серьга...
Встреча первая... институт...
Общежитие... смех... и крик!
И цунами из чувств, из глаз...
Рассадили нас... материк
Рвал на клочья мечты... Парнас
За тобою прислал коня.
Бомбардиром меня взял Марс.
И одною тропой огня
Оказалось, пошли... под галс
Правый, левый... тонуть... гореть...
Опалённые... сорвались...
Обгорела душа — не спеть...
Задождила о прошлом жизнь...

11.03.2020 г. А-В-А.

ГРАНЬ ПОД ПЕРОМ

Что-то пошло не так...
Что? На часах — четыре...
Бьётся в стекло мечта...
Кто ты? Она кто в мире?
Шире смотри... Смотрю!
Двое вас было? Двое.
Резал, кромсал: творю.
Что же она такое,
Если теряешь нить?
Если б мне знать... Но — чудо!
Режу, кромсаю... жить
Вкусно хотел Иуда...
Нет, не предам — найду
Грань под пером... и точка!
Спать — это шанс... по льду
Тонкому три шажочка,
Всплеск под рукой... и крик...
Может очнётся... имя...
Помню один лишь лик.
Не завершён другими...

11.03.2020 г. А-В-А.

НИ В ЗВЁЗДАХ ДНЯ

Вокзал, этюдник. Вагоны, лица.
Солнцеворота пыльца, пыльца...
И ожиданье, как стон. Девича
Платком скрывает трагизм лица...
Мазок — и форма. Мазок — и тело.
Картинка — сказка. Картинка — быть.
Она не видит. Она сомлела.
Он не приехал. Мечта и пыль...

Жандарм и доктор. Толпа и крики.
Сочнее краски, придать огня!
Минут пятнадцать... и те же лики:
Ни в звёздах ночи, ни в звёздах дня...

14.03.2020 г. А-В-А.

ПОДСНЕЖНЫЙ

На створки раскрытого настезь окна
Слетелись скворцы и синицы.
По комнате робко ступает Весна
С букетом в руках, удивится
Девчонка, живущая в комнате... ей,
Недавно сыграли семнадцать:
Родные, подруги и пару парней,
Один даже лез целоваться...
Второй-то и был интересней... молчун...
Поздравил, сидел втихомолку...
И тихо ушёл, как достали свечу —
Гадать собирались... Иголку
От глаза дурного в окне держит мать...
А взгляд его тёплый и нежный...
Весна положила букет на кровать,
И вышла... белеет... подснежный...

23.03.2020 г. А-В-А.

БЕЗ ПРИЧИНЫ...

В толчее маршрутного такси
Сжал девчонке грудь, увы, случайно.
Розой покраснела, попросил
Миль пардону... улыбнулась. Чайной,
Из кармана вынула значок.
Подарила. Пригласила. Нравы?
Было дело, помню кулачок,
Прилетел мне по щеке, по правой:
Так же вот случайно прихватил.
Страшный взгляд, краснеющие губы...
Кажется, тогда и подхватил
Вирус, от которого все любви:
Садик при дворе, пяток людей,
Стая голубей над жёлтым полем...
Не сложилась песня лебедей,

Разлетелись, распрощавшись в школе.
В чайную? Ну, старый холостяк!
Не размок в пороховницах порох!
Девочка лишь с виду как дитя,
А в глазах — наездница при шпорах!
Под себя такую воспитать:
Кладом завладеешь до кончины!
Отчего-то хочется летать,
Обниматься с каждым без причины...

04.06.2020 г. А-V-A.

ПРОШУ И ОТПУЩУ

Любить себя не просто: плешь, живот,
А джинсы снимешь — тоненькие ножки...
Случилось мне слететь за поворот,
Когда старался отвернуть от крошки,
Что в мини-юбке шла наискосок...
Три месяца на костылях и в спицах...
Ликёром ублажала «Кюрасо»,
И убеждала: шрамы красят лица —
Из зеркала не Квазимодо — Он.
Бывал я разным, только не уродом.
Да, одинок с недавних пор — мой тон
Унизил леди, разговор разводом
Окончился, тут новая беда...
Девчонка ходит без вины виновна...
Утешиться пытаюсь... никогда
Приятен Он не будет... вдох... и ровно
Дышать стараюсь... нужно привыкать.
Друзей-родных как не было — не будет.
А девочку не стану запускать:
Прошу и отпущу... и пусть не судит...

07.08.2020 А-V-A.

УЧИЛ ЛЕТАТЬ...

Секундная бесстрастный сделав круг,
Минуту ожидания списала.
Заранее пришёл: я ж просто друг.
Обидеть и не думала, сказала

О новом ухажёре из Торжка,
Просила попристутствовать в сторонке.
На всякий случай: ночь, вокзал, река,
И первое свидание... к мальчонке

И приглядеться нужно, и понять...
Не идеала ищет, но мужчину.
Мне ранее хотелось попенять
На зрение её, пока причину

Не раскусил, и стал тихонько ждать.
Игра теряет вкус вдаль от начала...

А ухажёров я учил летать
Глаза закрыв, толкнувшись

от причала...

09.08.2020 А-V-A.

ПО КАМЕШКУ...

Раскрыты двери настежь, нет — в окно,
Пытается забраться бесноватый.
Прописано-исполнено давно:
Горят поодаль лес, поля и хаты;

И этот домик приглянулся, но —
Хозяева упрямы и бесстрашны.
На молодых надеясь — про руно
Им нашептали, выйдут в рукопашный:

Воспитаны по калькам made USA —
Кино и игры — ценности и стимул...
Вот первый вышел с бомбой, правда сам,
Взорвался — да, обидно... допустимо...

Другой закроет место... жизнь игра.
Конечной целью — рынок и свобода!
Сакральной жертве должно умирать!
Дорога в рай по краю небосвода

Откроется другим: волшебный лес...
Молочных рек уютное журчанье...
Диктует заклинанья жёлчный бес,
По камешку растаскивая зданье...

11.08.2020 А-V-A.

ДОРИСУЮ...

Предсказателем не буду:
Буду осень рисовать.
Клён пишу: подобен чуду —
В крону радугу позвать!

Астры, флоксы, хризантемы
Скрасят музыку дождя.
Георгинам диадемы
Дорисую — уходя,

Вас помянут оглянуться,
И улыбку запасти...
В Осень нужно окунуться,
Вынырнуть... и в даль идти

По заснеженной аллее,
По замёрзшим берегам...
Дальним фоном зеленеют
Разливной Весны луга...

28.08.2020 А-V-A.

ДМИТРИЙ БОГДАНОВ

Россия, г. Мурманск

БАЛКОНЧИК НА ТРЕТЬЕМ ЭТАЖЕ

Кого другого
вы найдёте в мире,
Кто был бы также,
как и я, блажен,
В своей батумской
солнечной квартире,
С балкончиком,
на третьем этаже.

Себя я вижу
в этом интерьере,
Я вижу море
и камелий цвет,
И я наверно,
счастлив в полной мере,
Что так удачно
вытащил билет.

Пусть кто другой,
по жизни суетливый,
А я хочу
без лишних миражей,
Бокал вина
и музыку прилива,
С балкончиком,
на третьем этаже.

МНЕ ДЛЯ ДУШИ — ХОТЯ Б КУСОЧЕК АРГЕНТИНЫ

Когда домой иду как робот,
от рутины,
Как говорится от станка
да к шалашу,
Мне для души —
хотя б кусочек Аргентины,
Вот только это,
я другого не прошу.

Чтобы как будто Буэнос-Айрес,
только это,
Пусть даже будет не *cerveza*,
а пиво,

Пусть даже будет
наше питерское лето,
Но чтобы радостно на сердце
и легко.
Конечно можно и в пампасы
и мустангов,
С накладкой кожаной ходить
на галифе,
Реальным буду —
хватит уличного танго,
Но чтобы как на Авениде Санта-Фе.

МОНОЛОГ СТАРОГО УЛИЧНОГО ФОНАРЯ

Ужель судьбы я лучшей не достоин,
И днём и ночью, летом и зимой,
Стоять, как на посту забытый воин,
Когда другие разошлись домой.

На этот пост поставлен в прошлом веке,
Стою один безмолвно и горю,
Так разве ж не найдется в человеке,
Хоть капли сострадания к фонарю.

Народ проходит мимо и не взглянет,
Забыт я, хоть для жалости реви,
Вот разве песню выпивший затынет,
Обнимет и признается в любви.

Подходят те, кто вешает бумажки,
Подходят те, кто их потом сорвёт,
Бывает — подбежавшая дворняжка,
Обнюхает и лапу задерёт.

Стою, скриплю, как будто бы простужен,
Не помня сколько времени прошло,
Ответьте люди все-таки — Я нужен?
А если так — хоть вымойте стекло.

Все это сделать — в воле человека,
Ведь я готов нести вам свет, как встарь,
И простоять до следующего века.

Ваш неизменно преданный Фонарь!

МОНОЛОГ СТАРОГО ЗЕРКАЛА

Я ваше зеркало — свидетель скрытых истин,
Как жизнь прожили вы свою —
то вкривь, то вкось.

Читайте в книгах это — у Агаты Кристи,
Про то, что лично мне увидеть довелось.

Итог предательства — трагедия иль драма,
Для вас всего лишь вашей совести укор,
И очень жаль, что вам с зеркальной
амальгамы,
Не зачитать прожитой жизни приговор.

Я ваше зеркало — Кто к вашей жизни ближе?
Кто знает больше? Ни аббату, ни врачу,
Вовек не слышать, то что я с годами вижу,
Но об увиденном бессовестно молчу.

Ведь так всегда — гуляют где-то кривотолки,
Ведь так всегда — болтают люди по углам.
А где же истина? — Попрыталась в осколки,
Да кое-где ещё — по старым зеркалам.

МОНОЛОГ ПОРЕЗАННОЙ ДАМСКОЙ СУМОЧКИ

Мадам сидит и слёзы льёт,
А ей дежурный «дует» в ухо,
Мол, то залётное ворьё
Вспоролو вашей сумке брюхо.
И лейтенанту невдомёк,
Что сумка тоже горько плачет,
Но только не за кошелёк,
И что-то взятое в придачу.

— Я вам скажу, как на духу,
Надеюсь вы меня поймёте,
С такою дыркою в боку,
Моя карьера на излёте.
А ведь она всегда со мной,
Кто для неё по жизни ближе —
Я ж честно выиграла бой,
С кошёлкой чёрной, из «Парижа».
При мне ходила неглиже,
И подшофе в нелепом гриме,
Я знала всех её мужей
И тех, других, что между ними.
И вот судьба на волоске,
Чтоб жил безруким тот ворюга,
Вот потому-то я в тоске,
А на душе зима и вьюга.
Боюсь мой вылет недалек —
В помойный бак прямой наводкой,
Так обработайте мне бок,
Не коньяком, так хоть бы водкой.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ШКАФА ИЗ ГРАФСКОЙ УСАДЬБЫ

Что может вам поведать старый шкаф —
Ну разве вспомнить парочку секретов.

Вот случай —
На гусарских эполетах,
Графини руки.
Вдруг приехал ночью граф.
Графиня, зная мужнин грозный нрав,
Едва заслышав половицы коридора,
Поручику велела скрыться в шкаф,
Его и честь свою спасая от позора.
И просидел бы этот женской ласки раб,
В шкафу всю ночь до самого восхода,
Но повезло. Могучий графский храп
Пожаловал поручику свободу.
Да... тут найдешь скелеты по углам,
Так мне ещё припомнилась картина —
Найдя в шкафу чулки своей кузины,
Заехавшей, как будто, по делам,
Графиня разнесла о мужа в хлам,
Свой веер, обозвав его скотиной.

Был молод я тогда...
А паутиной,
Зарос позднее — нет почёта к старику.
Хоть видел много на своем веку,
И знаю, как живут у нас вельможи.
Но промолчу — молчание дороже.
Тем славился всегда наш старый род —
Ведь нас из ценных делают пород!!!

ХОЧУ ОПЛАТУ, ПОТИРАЖНО

Сию, курю
в густой траве,
Вдруг завихреньё в голове,
Ну типа,
творческий кураж,
Так слава богу карандаш,
в штанах своих
найти я смог,
к нему,
бумажки грязный клоч,
сумел добыть,
И как поэт,
я срифмовал
весь этот бред.
Хочу оплату,
потиражно.
А то, что смысла нет —
неважно.

СВЕТЛАНА КАЛМЫКОВА

Россия, Санкт-Петербург

ДВА КОНЦЕРТА В ОРГАННОМ ЗАЛЕ

*Посвящается Валерии Афиногеновой
(директору филармонии)*

Когда сидишь ты за роялем
И льются звуки музыки, поверь!
Весь мир становится почти что нереален
У слушательских душ ты открываешь дверь.
Ты влюблена в ее величество Музыку
Держай и впредь и чаровницей будь!
Успехов, счастья и здоровья желаю
Всей филармонии с тобою в добрый путь!

КОНЦЕРТ 4.06.2010

Сегодня услаждали слух музыкой
Звучал Шопен, и таяли мы все...
Любовь и слезы душу делают великой,
Мы очищение получаем в красоте.
Спасибо за концерт и творческие планы,
Желаем претворять их, как всегда,
Спасибо, что не забываешь Лану
И за симпатию ко мне на многие года.
А послезавтра Пушкина рождение,
Прими его портрет и сладости вкуси
Всегда пусть доброе артисту вдохновенье
И в благодарность публика кричит «mersi»

СУДЬБА

Судьба, что ты готовишь мне?
Ужель скитаться буду одиноко?
Иль в вере буду счастлива вполне,
А вдруг познаю еще раз
Жар чувств глубоких?
Пора, быть может и остыть,
Но что поделаешь с собою?
Неужто волком на луну мне выть?
Любви алкает сердце,
То не скрою...
«Старушка видимо сошла с ума»
Подумает порой любой прохожий,
Но если та «старушка» хороша,

Без старичка не хочет жить,
Да и не сможет?
Но им не всякий сможет стать
Воспитан и умен,
Да и пригож собою.
Всю гамму чувств способный отдавать,
Ну и, конечно, быть любимым мною.

Поезд Сочи—СПб 13.04.2013

С чего начинается Родина?
С желанья всю жизнь ей служить,
Как мать, как любимую женщину,
Ее беззаветно любить,
А может она начинается
Прежде с себя самого,
Думать всегда полагается,
Не слушать совет никого.
Большие к нам деньги отправлены,
Чтобы народ наш растлить,
Людей недалеких, отравленных,
Желающих «лучше пожить».
Ну что ж? Желание это прекрасное
И осуществим его мы,
По плану все сделаем вскоре
(Если не будет войны!)
Для этого нужно сплотиться
Наперекор врагам,
Когда такое случится
Их флаг падет к нашим ногам.

ИЗ «СОЧИНСКИХ ЭТЮДОВ»

1. Пожелания

Бегут года, десятилетия
И радости, и лихолетья.
Лишь, ты природа — мать, одна
Останешься себе верна.

Проходит всё, но жизни жажда
Останется и не однажды
Спасёт она не одного из нас,
Пока вкус к жизни не утас,

Стремись всегда к новым вершинам,
Смотри на горы и мечтай,
Осуществляй свои почины
И никогда не унывай!

Даруй нам, Бог, хотя б мгновенье,
Быть может долгие года...
За всё, за всё, благодарить
Тебя обязаны всегда...

Не только радость, но и горе,
Течение жизни не ровно
И море счастья, и слёз море
Для испытания дано.

Живи! Благословляй мгновенья,
Твори добро и щедрым будь
И за смиренье, за терпенье
Да будет благостен твой путь!

2. «Наказ»

Вдова... Как же печально это слово...
В нём затаённый стон израненной души,
Ночи без сна и слёзы, то не ново,
Уходят часто раньше нас наши мужи.

И остаётся женщина, как хрупкая берёзка,
Порой согбенная под тяжестью невзгод...
Спасенье есть одно,
оно совсем не в слезах, —
Бросаться надо в жизнь, в её водоворот,

Который так тебя закрутит
И окунёт ещё не раз,
Но силу воли всё ж разбудит
И выплыть надо — в этом мой наказ!

3. «К 70-летию мужа»

Ты помнишь? Море так шумело,
Волна с волною песню пела,
Сверкал над нами небосвод,
А мы, ныряя в бездну вод,
Резвились, как дитя, порой.
И были веселы с тобой...
Что ж изменилось?
Неужели, мы песни все с тобою спели?
Поверить этому нельзя!
Всё также вертится Земля,
Всё те же лица вместе с нами,
А изменились мы сами...

Дочурка наша подросла,
Уж мама десять лет она.
И мы черёд свой навестали,
И омми* и дедулей стали.

* "Бабулей" с немецкого

Дома имеем на природе,
Творим в саду и огороде,
И любим сей нелёгкий труд —
Как много дел и там и тут!

Но лето вихрем пролетает,
За ним и осень быстро тает,
Однако ж, не для нас покой,
«Остановись, мгновенье, стой!»

Пора настала, как и ране,
Услышав перезвон стаканий,
Встать, дружно чокнуться с тобой,

Поздравить рады и судьбой
Довольны мы, ведь для всех нас
Остался ты самим собой,
Мил ты и в профиль и анфас.

Желаем радости беспечной,
Улыбок много, любви вечной,
Тебя ж пусть радует порой
Прекрасный юг и шум морской...

И будут чайки в небе виться
И будет голова кружиться
От радости и от души,
Пусть все дни будут хороши!

Химера всё! Есть только Бог!
Это единственно, что вечно,
А человек, если б ты смог,
Не тратить время так беспечно.

Ведь жизнь даёт тебе лишь миг,
В нём радость, счастье иль страданье...
Единственно достойно что вниманья —
Рождение ребёнка, его первый крик.

И он пройдёт всё тот же путь,
Познает катаклизмы жизни:
Желанья, чаянья, мечты,
А в результате — тризны...

Так как же жить
Коль ты родился?
Баклуши бить и пировать?...

Заветам Господа учиться
И жить по Божьи начинать!

4. «Деревенский триптих» Моя мама

Уж вечер близится,
Спокойно дышит лес
И как привет шлёт ветерок,
И дождик моросит с небес.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Согбенна и слаба мамуля у стола,
Уж клонит в сон её почти всегда
Да старость, ей беспомощность синоним,
А в молодости зря мы часто время гоним:

«Скорей бы, побыстрей достичь того, сего»
А вот на финише нам всем не надо ничего:
Покой лишь, ласка и уход...
Так день за днём, за годом летит год...

А раньше молодость была,
Умом и красотой слыла,
Поклонников, что пчелок рой
Скользил повсюду за тобой

Совсем недавно, да вчера,
Ты дочку Милу родила,
Чрез девять лет (будто минута пробежала)
А ты уж Лану нарожала.

Пережила войну, развод
И голод, кражи —
бездны вод текли, текли,
И к морю в Сочи привели.

И там ты долго красовалась,
Играла, пела и влюблялась,
Мужей меняла, поделом,
Пленяла нежностью, умом...

Спортивна, весела была,
оптимистичною слыла.
Сейчас согбенною сидишь,
Глаза смежила и молчишь.

А из моих слеза катится
И сердца пульс быстрее стучится.
Мне жаль тебя, себя и всех,
Мне жаль прошедших всех утех,

Родных, друзей ушедших за черту,
Куда и я быть может скоро перейду.
Душа! О ней заботиться нам надо,
Спасти её и сохранить от «гадов»,

Сим, именем пороки называю
И Господа молить не забываю:
«Спаси и сохрани и не покинь,
Отец и Сын и Святы́й дух, Аминь».

5. Соната Моцарта

О, жизнь, прекрасна ты!
Сиюминутное мгновенье рождает
мысли рой

Зовёт к себе творенье...
Звучит соната Моцарта,

А за окном осенний, мелкий дождь,
Ни сердцем, ни умом,
казалось, не даёт родиться
вдохновенью,
Но всё не так — прекрасны все деянья
Твои, о Господи, Тебя благодарю
За каждый жизни миг, продлить его молю.

Хочу увидеть я
Как можно больше лиц,
Хочу призвать тебя,
Прочтя молитвы ниц,

Хочу любить весь мир,
Людей, зверей, цветы,
Познать сей жизни пир,
Что создал, Господь, Ты...

В деревне я сейчас
И матушка при мне.
Тепла, уютна печь
Дрова трещат в огне,

А в кресле у стола
Максимка кот лежит
Стучит в окошко дождь
И Моцарт всё звучит.

6. Автопортрет

Смотрю я на себя со стороны
И все свои пороки замечаю:
Обидчивость и вспыльчивость,
категоричность,
Но быстро отхожу, я —
неплохая личность.

Участлива ко всем и ко всему
И зла я не желаю никому,
Я зависти не знала никогда,
Лишь потому здорова и добра.

Я смолodu трепливой не слыла
Какой была, такою и осталась,
По морю жизни счастливо плыла,
Порогов острых лишь касалась.

7. ***

Волна и небо — это чудо!
Благословление небес.

Я жить хочу, и жить я буду,
И буду видеть дол и лес...

Людские страсти быстротечны,
Всё в этой жизни суета,
Но категории есть вечны —
Любовь и мудрость, доброта.

А дружбы чувства?
Разве можно то состояние забыть,
Когда и в радости и в горе
с тобою друг твой должен быть?

Не по обязанности странной,
По повелению души,
По зову сердца Богом данным
Поступки эти хороши!

8. ***

Сию опять в вагоне я,
Еду домой, смотрю в окно,
Всё также вертится Земля,
А на душе моей темно,

Хотя я вру, просветы есть,
Но я хочу сейчас и здесь,
Чтоб солнце вышло, улыбнулось,
И настроение вернулось.

А главное — здоровой быть,
Тогда появятся желанья
Работать, двигаться, творить
И привлекать к себе внимание.

Ведь без любви никак нельзя,
То вечный двигатель всей жизни,
Простите мне мои друзья,
Приму я ваши укоризны.

Запомните:
Душе всяк возраст не помеха
И возраст мой тоже не вежа!

9. ***

Какая благодать!
Как дышится легко!
За всё хочу благодарить природу-мать,
Воспеть её желанье велико.

Сейчас сижу на продуваемой террасе,
А рядом котик — Шадик дремлет,
Дождь и туман, но в этой серой массе
Душа лишь красоте природы внимлет.

Внизу ковёр зелёный из травы
Деревья и кусты, их листьев разговор.
Порывы ветра — что сулите вы?
Ужель ужасен будет приговор?

Ужель кончается тепло
И лето красное уходит?
А мы все думали, что осень далеко,
А, оказалось, она рядом бродит.

Видны её лишь первые приметы,
Как первые морщинки на младом лице,
Но песнь любви ещё не вся пропета,
И рано думать о её конце.
Блеснёт луч солнца и мгновенно
Украсит он собою целый мир
И зазвучит вновь любви пенёк:
«Ты божество, ты мой кумир!»

Слова любви надежду возрождают
И радость счастья дают,
Грустные мысли как снежинки
быстро тают,
В душе покой находит свой приют.

10. Маме к 80-летию

Милая, родная!
С днем тебя рожденья
1 апреля
Шлю я поздравленья

40 или вдвое —
Вовсе не беда!
Главное жить в радости,
В здравии — всегда!

Заниматься музыкой
И стихи писать,
Ходить в турпоходы,
В бадминтон играть.

Нарсуд, ЖУ и школа,
Театр, концзал, кино,
И всюду моя мама
Всё ей не всё равно.
Всего не перечислю,
Всех дел не перечту,
Но ведь без них не мыслю
я мамы и хочу,

Чтобы краски яркие
Жизни и мечты
Хоть ещё б на 20 лет
Сберегла бы ты.

11. Бородин «В монастыре»

В глухом лесу стоит он одинок,
Зарос деревьями, свет от него далёк.
Лишь очень редко солнца луч блеснёт,
Как будто в жизнь другую снизойдёт.

Да, были встарь другие времена,
Из глубины веков как будто голос,
как струна,
Тихонько зазвучит, за ним другой,
А там и грянет хор, многоголосый
и большой.

Во славу Господа мелодии звучат,
И ширятся, растут,
Сердца людей стучат...
Родная Русь, как часто провожала ты
в походы
своих людей на смертный бой
и на войны невзгоды
На множество сражений и побед...
Чтобы избавить народ русский
от войны и бед
За то в монастыре молилися монахи,
За веру православную без страха
шли на плахи...

Минуло время жуткого безверья.
Монастыри и храмы расцветают
с каждым днём
Но там, где вековые тянутся деревья,
Есть монастырь, не будем забывать о нём.

Он всё стоит в глуши так одиноко
И перезвон колоколов разносится хоть тихо
Но далёко...

12. Грёзы

Прикрыв глаза,
лежу я на траве.
Толь это дивный сон, толь наяву
пригрезилось мне,
что ангелы вокруг меня поют
баюкают и в рай к себе зовут.
Как на душе светло,
Спокойно всё вокруг,
Но в небе облака
И солнца лучик вдруг, проглянув,

Золотом всё осветил
А я лежу заворожённая без сил
И ветер прошумел,
Будто морской прибой.
Лишь чувствую
Блаженство и покой
И слышу «Баю- бай»
и колокола бой..

Остановись мгновенье!
Стой!
Но ангелы взмывают ввысь
и улетают вдаль,
Оставив на душе моей
и радость и печаль...

13. Скрябин прелюдия № 10 тетрадь 2

О чём тот тихий перезвон
Колоколов печальный.
Что в будущем сулит он?
Голос тайный, Что хочешь ты сказать?
О чём предупредить?
И вздохи тяжкие, которых не забыть?

Но верю я,
Придёт пора, в которой радость и любовь,

ИДА ЗАМИРСКАЯ

Украина, г. Северодонецк

ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Світлана Ткачук

Гонится день за днем,
Спокій кладе в конверти.
А ми собі живем
Якось, щоби не вмерти.
Ну а життя скрипить,
Ніби відвода в горах.
Хочем переступить —
Аж то ніяк. А вчора...
Пух ластовинням вкрив
Ребра землі старанно.
Вчора ще хтось любив
Чисто і бездоганно.
Вчора в саду химер
Я зазірала скрито
В очі твої. Тепер
Вчуся без них прожити.

Гонится день за днём,
Прячет покой в конверте.
Мы кое-как живём, —
Лишь бы не видеть смерти.
Жизнь потихоньку скрипит,
Будто подвода в горах.
Как бы нам всё изменить —
Вновь полюбить? А вчера...
Ребра земли веснушками
Пух тополиный покрыл —
Искренне чью-то душу
Кто-то вчера любил.
Память в саду химер
Нежный твой взор хранит.
Снова учусь теперь
Жить без очей твоих.

*В'ЯЖИ МЕНЕ ЛАНЦЯМИ СІМОМА**Марія Матіос*

В'яжи мене ланцями сімома
До крижми ще не вицвілої втечі.
Нехай впаде обвітрена чалма
У тихий передвимріаний вечір.
І хай той світ — невірочий Хома —
Задивиться в шпарини піднебесся.
В'яжи мене ланцями сімома
до серця.
Ты посади на семь цепей меня...
«В'яжи мене ланцями сімома»

Ты посади на семь цепей меня
И крыжмой привяжи к расцветшей дали,
Пусть упадет с обветренного дня
На тихий вечер — этого мы ждали...
И пусть весь мир — неверующий Фома —
Подсматривает через поднебесье.
Ты посади на семь цепей меня
Поближе к сердцу.

*МОИ ПЕРЕВОДЫ**Борис Иастернак
АВГУСТ*

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановой
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охроу
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.

..Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.

Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Переключалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:

«Прощай, лазурь преображенная
И золото второго Спаса
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины,
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сражения.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

Boris Pasternak
AUGUST

A stream of sun like saffron gold
Fell down obliquely early morning
From curtains to the davenport

As promised, over again returning.

My country-side with a forest below
My home, my pillow wet with tears,
My books're in summer's scorching glow,
In sunshine's yellow disappeared.

I realized on what sad ground
My pillow 's wet in summer night,
My friends were silent going down
To see me off, to say Good-bye.

Next to each other and in pairs,
It was the sixth day as of old,
Someone remembered that today's
Transfiguration of our Lord.

The light flowing down from the Favor
Seems not to burn, to be our guide.
As clear as the sign from heaven
That autumn day causes delight.

And you have gone to my God's Acre
Treading the thin-leaved alder decking
So ginger as a ritual dry cake,
Eternal peace, tragic, heart-breaking.

At silent tops of trees throughout
The sky was looking solemnly,
For many miles one heard long sounds
Of loud-voiced roosters' glee.

There was a death, a land surveyor,
She stared into my waxy face
And wanted to do me a favour
Making my final resting place.

They sensed someone was quietly speaking,
That was my prophesying voice,
The voice of a living victim
Who loudly declared his choice.

«So long, Transfiguration's azure,
The golden glow of coming Christ,
Soften my bitter fatal measure,
Let my Beloved become my guide.

«Good-bye!» I said, Your field of action,
To You, my humbled true Beloved.
You challenged against humiliation
And for Your miracle of Love.

Farewell, the years of stagnation,
The poet's free rein and free hand,
The world in words and inspiration,

The wonder of the writing act».

Die Antwort, mein Freund...

Ответ знает ветер...

Текст песни Marlene Dietrich —
Die Antwort weiss ganz allein der Wind

На немецком

Wieviele Strassen auf dieser Welt
Sind Strassen voll Tränen und Leid
Wieviele Meere auf dieser Welt
Sind Meere der Traurigkeit
Wieviele Mütter sind lang schon allein
Und warten und warten noch heut'
Die Antwort, mein Freund,
weiss ganz allein der Wind
Die Antwort weiss ganz allein der Wind
Wieviele Menschen sind heut noch nicht frei
Und würden so gerne es sein

Wieviele Kinder gehen abends zur Ruh'
Und schlafen vor Hunger nicht ein
Wieviele Träume erleben bei Nacht
Wann wird es für uns anders sein
Die Antwort, mein Freund,
weiss ganz allein der Wind
Die Antwort weiss ganz allein der Wind
Wie grosse Berge von Geld gibt man aus
Für Bomben, Raketen und Tod

Wie grosse Worte macht heut' mancher Mann
Und lindert damit keine Not
Wie grosses Unheil muss erst noch geschehn
Damit sich die Menschheit besinnt
Die Antwort, mein Freund,
weiss ganz allein der Wind
Die Antwort weiss ganz allein der Wind
Die Antwort, mein Freund,
weiss ganz allein der Wind
Die Antwort weiss ganz allein der Wind

На английском

How many roads must a man walk down
Before you call him a man?
How many seas must a white dove sail
Before she sleeps in the sand?
Yes, and how many times must the cannon
balls fly
Before they're forever banned?
The answer, my friend, is blowin' in the wind
The answer is blowin' in the wind

Yes, and how many years can a
mountain exist
Before it's washed to the sea?
Yes, and how many years can some people exist
Before they're allowed to be free?

Yes, and how many times can a man turn
his head
And pretend that he just doesn't see?
The answer, my friend, is blowin' in the wind
The answer is blowin' in the wind
Yes, and how many times must a man look up
Before he can see the sky?
Yes, and how many ears must one man have
Before he can hear people cry?
Yes, and how many deaths will it take 'till
he knows
That too many people have died?
The answer, my friend, is blowin' in the wind
The answer is blowin' in the wind

Мой эквиритмический перевод:

ОТВЕТ ЗНАЕТ ВЕТЕР

Сколько печальных дорог на земле,
Разбитых и мокрых от слез?
Сколько печальных морей на земле,
Полных страданий и слез?

Сколько же вдов и тех матерей,
Которые плачут и ждут?
Ответ знает ветер,
Ты ветру поверь,
Ответ знает ветер, мой друг.

Сколько людей мечтает вернуть
Свободу и счастье найти?
Сколько детей не может заснуть,
От голода им не уйти?
Сколько проходит бессонных ночей, —
Они все мечты берегут?
Ответ знает ветер,
Ты ветру поверь,
Ответ знает ветер, мой друг.

Сколько тонн золота тратит весь мир
На бомбы, ракеты и смерть?
Сколько красивых речей и молитв, —
Слабеет ли зла круговерть?
Чтобы опомнился ты, Человек,
Сколько же кликать беду?

Ответ знает ветер,
Ты ветру поверь,
Ответ знает ветер, мой друг.

НАТАЛИЯ КОРОЛЕВА

Россия, Московская область, г. Люберцы

СИНОПСИС

Цикл рассказов «Анекдот про Растаковского» представляет собой историю уже немолодого мужчины, который пытается найти свое место в жизни и свою любовь. Слабовольный и ленивый, он винит во всех своих бедах окружающих, не допуская возможности признать свои ошибки. Растаковский излишне избалован и уверен в себе, отчего постоянно попадает в истории и ситуации комичные и даже опасные. И только любовь, на старости лет, любовь к дочери может изменить его отношение к жизни. Цикл рассказов призван обратить внимание читателя на внутренние страхи и опасения человека, насколько они иногда бывают преувеличены и даже глупы, и как влияют в целом на жизнь.

1. О ТОМ, КАК РАСТАКОВСКИЙ
РЕШИЛ СТАТЬ АРТИСТОМ

Растаковский приехал поздно. Все его обещания лечь пораньше разбились о вакханальный смех местных субреток и аромат чесночных гренков. Спать совершенно не хотелось и Серафим Альбертович рассудил здраво, что лучше не ложиться. Дабы избежать сурового и резкого пробуждения от тяжелой руки маман. Растаковский огляделся. Все вокруг: и мебель, и книги в шкафу, и даже некогда возделенная африканская маска — казалось чужим и далеким. Ничего общего он не имел теперь с интерьером своей спальни. Решено, сказал сам себе Серафим Альбертович, иного пути нет, иду в артисты! При этой мысли сладко заныл низ живота, на лбу выступил пот. Сложности в этом нет, думал он, одно удовольствие! Но, что на это скажет маман? Да и как преподнести ей сию неожиданную весть? Растаковский прошёлся по комнате взад-вперед, почесал в трех местах голову. Затем, легко и непринуждённо сорвал со стола ажурную скатерть, и, подвязав ее как плащ, воткнул в пышную шевелюру на голове лебединое перо, выдранное из панно. Уверенным шагом он направился к двери. Нет, думал он, не так... Растаковский никогда никому ни в чем не признавался, ему было страшно. Он представил каково это выходить на сцену, как холодеют руки, льется потом паника по лицу... Решил так решил. Распахнулась было дверь в комнату, и с тишиной дома ворвался храп маман. Набравшись смелости, мужчина начал читать текст роли. Сначала тихо, почти беззвучно, но уже скоро, громогласный, он уже

швырял себя из одного угла в другой, не находя защиты. Так прошло около часа. Растаковский запрыгивал на диван и скатывался с него кубарем, в один момент спальня превратилась в развалины древнего жилища. Серафим Альбертович махал руками, принимал нелепые позы и очнулся только тогда, когда в дверном проеме появилась маман. На бледном помятом лице ее царил ужас. Мужчина замер, стоя на четвереньках у самых ног матери. Из горла его вырвался звериный рык. Он зажмурился и, не выходя из образа, кинулся всем телом вперед. Мать не только увернулась, но и поддала затрепину для ускорения. Растаковский остался лежать на холодном полу коридора. Сердце билось бешено. Серафим Альбертович погрузился сначала в светлые мечты о работе в театре, затем в глубокий беспокойный сон.

Растаковский открыл глаза. Уже полдень, подумал он, глядя на тени от предметов в комнате. В голове бродили странные серые мысли. Ночное происшествие почти потеряло свою полноту и силу. Выйдя к завтраку, он искоса поглядел в сторону матери. На лице ее полное спокойствие. Растаковский присел за стол, придвинул тарелку с кашей. Белая склизкая жижа была давним врагом Серафима Альбертовича, она застыла в ожидании своего триумфа. Мужчине всегда казалось, что она жаждет попасть в глотку и вызвать рвотный рефлекс. Нет, решил он, надо начинать новую жизнь! Растаковский отодвинул со звоном тарелку и чашку ненавистного киселя. Резко стянув на пол скатерть со всем нехитрым прибором, он вскочил на стол и издал нечленораздельный звук. Маман продолжала пить чай из блюдечка. Ни одна жилка на лице ее не содрогнулась. Сначала у Серафима Альбертовича покраснели уши. Потом стали влажными глаза, а щеки залил неровный красный румянец. Ему было стыдно.

Уходя в комнату, он думал о том, как несправедливо устроен мир. Как только человек нашел свое призвание и решил изменить свою жизнь, как тут же его подвергают насилию. Всего сутки назад решил Растаковский стать артистом, а уже испытал и страх и стыд! Вот это воистину испытание ради искусства. Какая-то жертвенность вдохновила Серафима Альбертовича, и он твердо решил, что никогда не дадут ему исполнить мечту, и об этом он обязательно напишет роман. Роман о суровых испытаниях для начинающих актёров.

2. РАСТАКОВСКИЙ — ДРАМАТУРГ

Растаковский закончил наконец свою очередную пьесу. Как и все 5 предыдущих она была о неразделенной любви, но с претензией на проблему социального неравенства. Знакомая артистка театра то ли в шутку, то ли всерьёз предложила показать его нетленку антрепренеру. Серафим Альбертович сомневался, что его талант будет оценен по достоинству, но очень скоро убедил себя, что делает это ради любви молоденькой актрисы, влюбленной в его творчество. Уверенным шагом он направился в театр. После пары часов переговоров он все же попал к главному. Полный, ухоженный и напомаженный антрепренер широко улыбался все время разговора. Так же неопределённо скалил зубы пока пробегал гла-

зами пьесу. Растаковский замер. Убедительно стучали в окно ветки деревьев. Главный задал пару вопросов и, сославшись на отсутствие свободного времени, выпроводил автора. Было непонятно. Неприятно. И даже жутко. А вдруг пьесу возьмут в работу? Автора вызовут на сцену. А если она плоха... Что тогда? Ведь Растаковский никогда не учился писать, сказать по правде, у него вообще всегда был слаб язык. Серафим Альбертович не помнил как добрался домой. Вот, вот, думал он, сейчас прозвенит звонок и мальчик сообщит, что пьеса утверждена к постановке! Три недели не спал и не ел горе-автор, пока не вышла на сцене театра очередная премьера. И, к счастью, название ее никакого отношения не имело к его нетленке. А не так уж и плоха моя пьеса, думал он, отнести ее в Камерный театр?

3. ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Меня никто не любит, думал Растаковский, накалывая на вилку кусок жареного мяса. Кухарка больше всех. И как у нее получается? это талант! Любые даже самые вкусные и аппетитные продукты приготовить так, чтобы Серафим Альбертович не смог это не то что есть, но даже откусить.

И полная бакалейщица из лавки, уж насколько услужлива и все равно недовешивает продукты. Если бы не ее огромные лукавые глаза, если бы не пышная трепетная грудь... Давно написал бы жалобу. Мужчина с трудом перемалывал сухое мясо, проталкивал его безвкусным компотом и тихо ворчал. Маман гостила у сестры в Ростове и пожаловаться было некому. Кухарка тихо шуршала на кухне, слышен был звон посуды и всхлипывания. Растаковский твёрдо решил поставить ее на место. Он взял тарелку с куском мяса и громко переступая направился в кухню. Духота ударила по вискам, голова слегка закружилась, но Растаковский уверенно шел к цели. Он готов был отомстить им всем: бакалейщице, кухарке, кузине Ольге — всем, кто его ненавидел. В клубах пара Серафим Альбертович разглядел красное полное лицо своей жертвы. Он с грохотом поставил на стол тарелку, и уже было открыл рот, когда женщина ринулась к нему в объятия. Она горячо целовала лацкан домашнего халата Растаковского, шептала что-то о вечной любви. И неизвестно чем бы закончилась вся эта история, если бы не услышали они оба голос матушки. Мужчина подпрыгнул на месте, свалил сковороду с остатками мяса на пол, издал странный горловой звук и ринулся к себе в спальню. Он долго смотрел на себя в зеркало, чесался, тер себя ладонями, будто бы проверяя с ним ли это все произошло. Или это просто дурной сон. С ужасом вспомнились ему сальные волосы, горячие полные щеки, влажные губы. Уж непонятно как маман узнала о случившемся, но кухарку на следующий день рассчитали с двойным окладом. Да, думал позже Растаковский, трогая свои губы, несправедлива жизнь, нет в ней места жертвенной настоящей любви. Кругом только расставание и слезы.

4. КАБЛУК

Сиротливо глядел на Растаковского оторванный правый каблук от его ботинка. Серафим Альбертович думал долго. Свидание он назначил давно, обратного хода нет. И переобуться уже не успеет. Правую ногу холодило от снега, но это еще полбеда, главное, что до места встречи было еще далеко. Мужчина поднял каблук, попытался приладить на место, — никак. Все лавки были уже закрыты, надежды нет. Растаковский уныло прихрамывая побрел в сторону дома. Не являться же к женщине на свидание в таком виде! В голове его пронеслась мысль, потом другая, но поймать их и обдумать он не успел. Придется объясняться с ней завтра, а вдруг не простит. На глаза навернулись слезы. Внутренним взором он увидел ее, замерзшую, дрожащую лань с тенью растерянности на лице. Как кидается она из стороны в сторону, ищет его. И... прыгает вниз с моста в реку. Растаковского передернуло, он резко развернулся и бегом, прыгая через бордюры и невысокие заборчики полисадников, направился к набережной. Там, на фоне вечернего заката, он увидал ее силуэт. Сердце выпрыгивало из груди от волнения и быстрого бега. Не успев затормозить, он растянулся перед своей возлюбленной во весь рост. Каблук выпал из ладони и со звоном отскочил от железных перил. Она же звонко рассмеялась. Растаковский так торопился на свидание, что сломал каблук, решила она. И долго еще они бродили по вечернему городу, громко и заливисто хохоча.

5. РАСТАКОВСКОГО ПРИГЛАСИЛИ НА СВАДЬБУ

Растаковского пригласили на свадьбу. Два дня он потратил на выбор костюма и галстука, еще три на покупку подарка. Серафим Альбертович сидел в своей спальне и молча глядел на фарфоровую вазу. Он посчитал, что молодой семье просто необходима красивая вещь в интерьере. С вазы на него глядели в упор два ангелочка. А ведь Мылин младше меня на полгода, думал он, а уже женится. Может и мне повезёт и на праздновании я встречу свою любовь. Мылина Растаковский не любил и не уважал никогда. То ли за нелепый вид и внешность прощелыги, то ли за успех у женщин. Маман, однако, настаивала принять приглашение и появиться наконец в кругу светских дам и господ. На вешалке висел уже готовый костюм, начищены были и новые туфли. Мужчина представил как кружится в танце с красивой молодой женщиной. Как легко скользят они по паркету. Не счесть восторженных взглядов, устремленных на них. Улыбка осветила лицо Серафима Альбертовича. Тут же он представил как делает ей предложение и она в порыве счастья падает в его объятия без сомнения. В комнату вошла маман, отодвинув шторы она полила ненавистные Растаковскому цветы, и вышла. Мужчина только сейчас заметил насколько маман широка в кости. Он представил свою невесту, увешанную детьми, как гроздь винограда. Как раздаются ее бедра и скулы, все ниже опускаются подбородок и грудь. Но самое страшное, что могло ему привидеться, это жирный столетник в огромном горшке в руках

его избранницы. Растаковского передернуло. Он прошёл взад-вперёд по комнате и оглянулся на ангелочков. В какой-то момент ему показалось, что они смеются над ним. Мужчина быстро схватил вазу и швырнул ее об пол. Мелкие осколки разлетелись повсюду. Открыв дверь, он крикнул, что раскусил их всех, и не пойдет на это никогда! С пола на него глядели нетронутые ангелочки. На свадьбу Растаковский не пошёл.

6. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Экскурсия затянулась. Да и работы современных живописцев мало интересовали Растаковского. Целью его были далеко не экспонаты, а одна из дебютанток. Юная Анечка Лосева с большими голубыми глазами и непослушными короткими кудряшками только выпустилась из учебного заведения. Каким-то чудным образом, сразу после выпуска ее работы были представлены в картинной галерее. Наряду с другими дебютантами она выглядела странно. Бородатые, неухоженные живописцы, скорее годились ей в дедушки, чем в коллеги. Серафим Альбертович долго бродил по залам галереи и изрядно накачался шампанским. Ее все не было. Странно было видеть, как в восхищении замирают у портретов и пейзажей гости. Они вздыхали, охали и наступали на ноги Растаковского, будто не замечая. Но он упорно ждал. Наконец, бледнея и плавно переступая на мягких ногах, она вышла в зал. Мужчины замерли, красота ее не пораживала, даже не была заметной. Но всем без исключения гостям хотелось общения и внимания. Анечка краснела, бледнела и криво некрасиво скалила зубы. Растаковский воспрял духом. Расправил плечи и уверенно направился к ней. Шампанское сделало свое дело раньше Серафима Альбертовича. Веселая мошकारа замаячила перед глазами. Он издал несколько невнятных звуков, пытаясь составить слова приветствия. Но язык не слушался, а дабы проверить его наличие мужчина схватился за него и сильно оттянул. Анечка уплыла, растаяла в воздухе, а вместо нее появился грозный смотритель музея. Растаковского выставили за дверь без лишних церемоний. И только под утро, вспоминая вчерашнее происшествие, он подумал, что современное искусство пошло и оставляет очень неприятный привкус во рту.

7. БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

Прекрасное морозное солнечное утро взбудрило Растаковского. Непременнo, решил он, настало время для подвига. Вспомнилась ему его новая знакомая, дочь полковника Ефремова. Молодая женщина с резкими чертами лица и громким командным голосом вызывала симпатию. Мужчина решил исполнить одно из ее желаний. Как-то на вечере, обмолвилась она о белой лилии. Серафим Альбертович долго умывался, чистил костюм, и, наконец, вышел из дома. На ступенях он несколько раз упал, каждый раз наступая на один и тот же обледенелый край. Наконец, лестница отпустила мужчину. Растаковский на минуту остановился, огляделся

по сторонам. Вокруг никого. Конечно, в такой мороз все сидят по домам, думал он. И потёр замерзающие уши. Серафим Альбертович был одним из тех людей, которые свято уверовали в несопоставимость их внешности и головного убора любого кроя. Проще говоря, он не носил шапку, а только легкую короткополую шляпу. Но, подвиг есть подвиг, да и цветочный магазин недалеко. Быстрыми короткими шагами семенил романтик по улице. Вот уже за углом показался дом с ярко-красной розой на вывеске. Растаковский поддал скорости. Нестерпимо щипало уши и нос. Руки, упрятанные в глубокие карманы, тоже замерзли. Через стекло витрины было видно, как полный сил, розовощекий торговец рассыпается в комплиментах некоей юной особе. Серафим Альбертович дёрнул ручку входной двери, но та не поддавалась. Торговец, сморщив нос, перевернул внутри табличку на «Закрыто» и вернулся к даме. Озадаченный герой долго ждать не стал, и, смерив взглядом торговца, яростно ринулся обратно домой.

Уже после вечернего чая, когда маман уселась в любимое кресло и читала, Растаковский все понял. Радостным озарением для него стала мысль о том, что подвиг нужно совершать только в тёплое время года. И еще тщательно к нему готовиться, а не так, чтоб потом пожалеть. Ведь, вполне возможно, что дочь полковника Ефремова уже где-то получила от кого-то в подарок злосчастный цветок. Ведь разговор об этом был в июне. Вот и еще один довод совершать подвиги только летом.

8. ПОСТУПОК

Растаковский умер. Для врагов и друзей, соседей и той симпатичной полной бакалейщицы из лавки. Для всех. Стена недопонимания встала между ним и внешним миром. Серафим Альбертович не вышел к завтраку, проигнорировал замечания маман по этому поводу и просто лежал на кровати в пижаме. Приближался полдень. По дому приятно струился аромат буженины и гренок. В животе отшельника послышались характерные звуки. Нет, нет, нет, думал он, нужно же иногда и характер показать. Ишь, вздумали! Силой женить его на нелюбимой женщине! Да, конечно, Ирочка очень мила, местами даже кажется интересной, но разве можно вот так. Молодой, красивый и перспективный Серафим Альбертович и какая-то женщина незнакомая в жены напрашивается нагло. Маман постучалась два раза и молча ушла. Растаковский с горечью подумал, что ни в кого не влюблен. Стал он перебирать в памяти знакомых незамужних девушек. Но ни одна не подходила под него. Мария оказалась слишком высокой, Кира все время хохотала без причины, а Дарья и Елена и вовсе заядлые феминистки. Проще говоря, образ несчастного Ромео никак не подходил ему. Застучали в столовой ножи и вилки. Голод стал нестерпим. Мужчина ворочался с боку на бок, постанывал и даже всплакнул. Помру, думал он, никто не вспомнит, даже та бакалейщица, ведь никому не нужен мертвый Растаковский. Было слышно как кормят котов. Их трио замолкло. Вот, даже хвостатых блохоносцев кормят, о них помнят. А я? Растаковский здраво рассудил, что только он может решать,

что ему делать. Захочу и выйду к обеду, а не захочу так и нет. И это будет мое решение, потому что я личность и характер ого-го! Мужчины стремительно открыл дверь в спальню и, спотыкаясь о ковров, подошёл к столу.

9. ПРЕМЬЕРА

Растаковский любил бывать на премьерах в театре. Он покупал дорогие букеты. Сильно душился одеколоном и тайком брал у маман старинный театральный бинокль. В фойе он сидел где-то в укромном уголке и смотрел на красивых молодых девушек. Ему важно было, чтобы объект наблюдений не подозревал ничего. Серафим Альбертович был уверен, что женщина по-настоящему хороша только тогда, когда на нее не смотрит никто. Уходит скованность и можно даже увидеть как быстрым точным движением они поправляют корсет или чулок. Каждый раз Растаковский чувствовал себя в театре охотником, притаившимся в засаде. Жаль только, что антракт короткий. И жаль, что нельзя использовать при всех в фойе бинокль. То ли дело спектакль! В полутьме он спокойно может изучать любую даму на любом расстоянии. Как-то раз заметила его интерес к своей не до конца красивой дочери одна предприимчивая мать. В антракте она без церемоний посадила свой росток на банкетку к Серафиму Альбертовичу. Он не успел оглянуться по сторонам, как уже дал обещание посетить их дом, что-то было в разговоре про рябчиков. Но мужчина так испугался, что не запомнил ни адрес, ни даже имени объекта своего внимания. С тех пор он предельно аккуратен и старается выбирать в качестве жертвы замужних дам. Хотя и это, как оказалось в последствии, не дает никаких гарантий.

10. РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ГАДАНИЯ

Пламя свечи подрагивало. В комнатах в эти дни устанавливалась особенная атмосфера, которую так любил Растаковский. Аромат тающего воска, корица и пироги с капустой, и, конечно, запах горелой бумаги — все перемешивалось и бодрило. Серафим Альбертович гадал в сочельник каждый год. Маман, усаживалась в спальне, и, судя по звукам, тоже до поздней пыталась разузнать побольше о будущем. Сына же ее все больше интересовали любовные гадания. Он за ночь выливал в хрустальную вазу с водой воск от нескольких свечей, обкладывался книгами и то и дело открывал наугад страницы. Настойчиво не принимая ответы, которые не устроили его, повторял снова. В этом году решил он основательно подготовиться. И заранее купил на рынке живого петуха. Суегливая птица шуршала в клетке у балкона, недовольно шоркала лапками и невнятно ворчала. Растаковский дождался полуночи. Он выставил круглое зеркало в золотой оправе на стол, поставил перед ним свечу и погасил остальные источники света. Стало жутко. За окном крупными спокойными хлопьями летел снег. Было тихо. Петух успокоился, и тоже притих. Серафим Альбертович глянул на свое отражение в зеркале, в свете свечи сам он показался себе

таким особенным, загадочным, что не удержался и прочел отрывок из «Фауста». Он прохаживался мимо зеркала, резко нагибался к нему, подсвечивая огнем лицо, и словами Мифистофеля глумливо демонстрировал свои актерские данные. В один момент горячий воск со свечи брызнул ему на руку и от боли и неожиданности мужчина коротко вскрикнул и, споткнувшись о клетку, рухнул на пол. Свеча погасла. В комнате воцарилась полная темнота. За стеной было слышно, как маман произносит слова гадания. Ее монотонный голос в тишине наводил ужас. Растаковский вскочил на ноги, на ощупь нашел другую свечу и спичку, но как только появился огонь, оторопь взяла его, вместо своего отражения в зеркале он увидел страшное существо. Взлохмаченное, с маленькими горящими глазами, круглое. Серафим Альбертович с перепугу запустил в зеркало свечу. Грохот наполнил комнату. Пронзительно закричал петух, а упавшее зеркало долго каталось по полу. Когда вошла маман с лампой в руке, ее взору представилась картина похлеще «Завтрака аристократа». Сын сидел на полу, закрыв голову руками и что-то бормотал, а рядом на столе безмятежно бродил петух, поклевывая для него же и подготовленный горох. Маман взяла в руки круглое зеркало, выпавшее из оправы, и, убедившись, что оно не разбилось, спокойно вышла. Растаковский остался один в темноте, и долго не решался сойти с места.

11. ЛИЗА

Растаковский вышел из дома и огляделся по сторонам. Светило ярко солнце, щебетали птицы, струились по дорожкам весенние ручейки. Однако, все это Серафима Альбертовича не радовало. Он помнил, что уже через несколько дней состоится его юбилей. А любви все нет и нет. Не тревожит его сердце более молочница, да что говорить, даже две близняшки-красавицы с соседней улицы не вызывали более его интереса. Было грустно. Еще один год, еще одна весна, так и пройдет вся жизнь, рассуждал он. Каждый год весной терял Растаковский смысл жизни, и каждый раз находил его снова. Маман все чаще говорила о женитьбе, задевая за больное. Приводила в дом целые толпы: соседские дочки, кузины, студентки по обмену, бывала даже африканская принцесса, как он помнит, очень голодная и прожорливая. Но ни в одной из них не было и частички той совершенной женщины, о которой мечтал юбиляр. Дойдя до парка, мужчина присел на скамейку и закрыл глаза. Все, решил он, первая женщина, которую я увижу и будет со мной до конца дней. Растаковский открыл глаза и замер, перед ним стояла маман. Коротко и быстро отчитав его за сидение на холодном и влажном, она удалилась. Серафим Альбертович опять присел и посмотрел на небо. Чистое, светлое, голубое, оно светилось. Мужчина зажмурился. Где наша не пропадала! Попробуем еще раз. Совсем рядом послышался короткий женский вскрик и глухой удар. Растаковский распахнул глаза и, шурясь от солнца, разглядел в метре от себя силуэт девушки. Она лежала на спине и тряслась. Серафим Альбертович поднялся резко, но тоже поскользнулся и упал рядом. Девушка в пальто хохотала в голос, рассмеялся и он. Несколько попыток встать

не увенчались успехом, утренний ледок еще не посыпали песком. Оба они лежали рядом и смеялись. Наконец, кто-то из прохожих помог им встать. Неловкая пауза повисла в воздухе. Как будто теперь что-то они друг другу должны сказать особенное. Неизвестно откуда появилась маман. На этот раз прям в присутствии новой знакомой она отчитала сына за лежание на холодном и обо всех возможных диагнозах, с этим связанных. Девушка уже не смеялась, она с интересом рассматривала удаляющуюся маман, потом взяла Серафима Альбертовича за руку и повела по парку, весело щебеча что-то о весне и каникулах.

В эту ночь Серафим Альбертович впервые в жизни не ночевал дома.

12. БЕГСТВО

Первые солнечные лучи скользнули по лицу Растаковского. Он открыл глаза и посмотрел на спящую Лизу. Ресницы ее чуть подрагивали, был слышен легкий сап. Серафим Альбертович был счастлив. Сердце его наконец наполнилось до краев тем самым чувством, которого так ждал. Лиза перевернулась на другой бок и стащила с мужчины одеяло. Вот и славно, думал он, уйду, пока она спит. Растаковский поспешно одевался. Мельком глянул он на себя в зеркало и задумался. На него смотрел пожилой мужчина, с пробивающейся сединой, землистым цветом лица и морщинами. Юбилей. Конечно, уже через два дня ему исполнится сорок лет. В зеркале он видел и отражение Лизы. Молодость так и светилась в лице нежного создания. Слезы подступили к глазам мужчины. Он и не замечал насколько стар. Обвисший живот, кривые ноги... Ему казалось, что Лиза испачкалась в нем, таком несуразном, старом дядьке. Что эти пятна теперь будут преследовать их обоих. Растаковский быстро оделся и ушел, так и не разбудив Лизу.

13. СТРАШНЫЙ СОН

Прошло полгода после встречи с Лизой. Растаковский уже и думать о ней забыл. Он, кажется, и смирился уже со своим одиночеством и подумывал об уходе в послушание. Или в армию, ну или ещё куда-то. Лишь бы подальше от маман и ее тирании. Лето выдалось жарким. Серафим Альбертович валялся на диване в гостиной и потягивал лимонад, когда раздался дверной звонок. Прислугу на выходные отпускали, и маман важно прошествовала мимо сына к двери. Растаковский никого не ждал, и лениво перелистывал новый журнал. Было слышно, как маман с гостем прошли на кухню, как заперли двери. Мужчина задремал, чудилось ему в полудреме, что пришел за ним важный генерал и позвал его служить и спасти честь страны. После чего погоны военного пробежали по кителю, как две саламандры, а голова стала несоразмерно мала и лопнула наконец. Серафим Альбертович резко проснулся, над ним стояла маман. У самого входа в гостиную робко жалась Лиза. Она очень изменилась с их единственной встречи. Раздалась в бёдрах, вырос живот, лицо

казалось еще бледнее. Сон постепенно расступался, возвращался рассудок. Стало ясно, что Лиза на сносях. Маман что-то говорила, но у Растаковского так сильно зашумело в ушах, что он ничего не слышал и не понимал. Животный страх овладел им. Наконец, маман взяла за руку Лизу и вывела из гостиной. Растаковский выдохнул, обошлось. Она простит его, иначе быть не может. Ведь все совершают ошибки, все не без греха. Мать всегда простит сына, так уж заведено. Нет, мать святая женщина, куда от нее, никакого монастыря, никакой службы, думал он, только не бросать мать.

14. ЮБИЛЕЙ

Растаковский проснулся от возни и суеты за стеной. Что-то происходило. Он решил, что маман готовит ему на юбилей сюрприз. И долго еще пролежал в постели, раздумывая, что же это может быть. Он мечтал о собственном рабочем кабинете, где бы мог, наконец, заняться вплотную драматургией. Мебель за стеной двигали. Потом пришла мысль о театральных подмостках. Мать знала о любви сына к театру, и могла сделать из своей спальни зал для проведения спектаклей по его пьесам. В нетерпении он ждал, что его придут будить, но шло время, уже потянуло жареным рябчиками, но никто не пришел. Растаковский оделся, наскоро умылся, и вышел в гостиную. Непривычно было все в комнате. Сдвинута мебель, тут и там лежали маленькие разноцветные коробочки и пакеты. В доме кроме кухарки никого не было. Серафим Альбертович сел смиренно ждать, распечатывать подарки не стал. Кухарка накрывала на стол суетно. Около 15 минут, мужчина не двигался. Наконец, послышались голоса за дверью. В гостиную из коридора высыпали люди. Хорошо одетые, приличных манер мужчины жали руки Серафиму Альбертовичу и поздравляли. Кто-то сунул ему в руки мягкого плюшевого медведя. Другой чудака и вообще детские пеленки. Наконец, Растаковский разгадал задумку маман и с благодарностью принимал поздравления и странные подарки. Ему было даже забавно, что такой сюрприз пришёл в голову матери. Торжественно вошла в гостиную и она, в руках ее был сверток. Радостная улыбка озаряла ее лицо. Сверток перевязан был розовой лентой с большим бантом. Растаковский побледнел, в миг осунулся, и принял сверток на руки. Из-за спины маман вышла Лиза. Она передвигалась медленно, осторожно и робко. Серафим Альбертович посмотрел на дочь, красное, сморщенное личико поразило его. Ребёнок спокойно спал, даже не подозревая насколько поменял жизнь своего непутевого папаши. Лизу и малышку отправили в спальню матери. А гости под предводительством маман усадили за стол новоиспеченного родителя. И впервые в жизни у Растаковского полностью пропал аппетит.

15. МЕСТЬ АНГЕЛУ

Растаковский ненавидел их всех. Маман за то, что привела в дом Лизу и дочь, Лизу за то, что посмела вообще появиться на пороге дома, а Ана-

стасию Серафимовну за факт рождения и ночные крики. Раздражение выросло в стократ, когда маман заставила сына ходить на службу. Раньше ее доходов вполне хватало на жизнь, но с появлением этой парочки выросли и расходы. Как медведь шатун бродил по квартире Растаковский. Кухарку уволили, и теперь готовила Лиза. Часто не успевая вовремя накрыть на стол, так что ему приходилось самому себе подавать. На службе ему нравилось, там была тишина. Маман и Лиза сильно сдружились. Часто уходили за покупками вместе, оставляя папашу с дочкой. Серафим Альбертович совершенно терялся в эти моменты, хотел исчезнуть. Но дочь упрямо тянулась к нему, улыбалась и хохотала, когда брал на руки. Так случилось и сегодня. Да лучше бы монастырь, думал он. Лучше на войну, только не все это. Мужчина попытался поймать мысль, что-то промелькнуло в голове. Конечно, проблема решится, если не сидеть сложа руки. Под лежащий камень вода не течет. Растаковский быстро одел малышку, положил в большую корзину. Черкнул на листе бумаги «Анастасия», сунул записку в пеленку, и вышел из дома. Казалось, что решение близко. Вот уже он поставил корзину на паперть, вот уже сделал несколько шагов от церкви. Малышка заплакала. Растаковский прибавил шаг. Зазвонили колокола. Серафим Альбертович почувствовал на щеках слезы, резко развернулся обратно и вытащил дочь из корзинки. Анастасия сразу успокоилась, схватила отца за кончик носа и весело рассмеялась. Серафим Альбертович так и нес ее на руках до дома. И слезы долго еще стояли в его глазах.

16. ВЕНЧАНИЕ

От пряных ароматов щекотало нос и стоял ком в горле. Чуть дрожала свеча в руках Растаковского. И, несмотря на салфетки, на руки со свечи капал горячий воск. Хотелось плакать, кричать и убежать куда подальше. Не понимал он, почему женщинам только нужна фата, хоть не видно как слезы ручьями льются из глаз. Серафим Альбертович держался сколько мог. Бесконечно порхало кадило, монотонно проходил обряд венчания. Ноги начали затекать. Ничего святого, думал он, как можно, просто взяли и связали на всю жизнь с незнакомой женщиной. На веки вечные, страшно представить. У Серафима Альбертовича закружилась голова, вот, вот, сейчас он упадет без чувств и больше никогда не проснется. И все поймут, что неправы. И что нельзя просто так взять, да в кабалу, супротив воли человека. Растаковский ощутил приступ гнева, он резко сорвался с места и побежал к выходу. На пути его встали братья Лизы и маман, они связали его, жгли глаза раскаленным железом, били в грудь, вынули сердце... Голоса вдруг стихли, все чего-то ждали. Растаковский огляделся по сторонам, глянул мельком на невесту. Маман шептала «Согласен!». Братья Лизы стояли поодаль и спокойно ждали. Серафим Альбертович деловито вытер пот со лба, откашлялся и произнёс «Согласен». Что было дальше, он не понимал, одурев окончательно от бесконечного хождения и стояния, очнулся только на секунду, когда почувствовал аромат вина. Но вскоре опять отключился. Хотя, надо отдать должное, Серафим Альбертович так и не заплакал. И с честью пережил свое венчание.

17. СПАСЕНИЕ ДРУГА

Сказать, что Растаковский был удручен — ничего не сказать. Он с силой захлопнул дверь своей спальни и упал ниц на кровать. В голове то и дело мелькали события дня. То маман выплывала из-за яблони и грозила ему пальцем, то Лиза с ребёнком на руках весело смеялась Серафиму Альбертовичу в лицо. В общем, пикник удался. Голова гудела то ли от перегрева, то ли от выпитого сухого. Зудело все, как будто комары только и ждали приезда Растаковского, как особо деликатесного блюда. Мужчина снял носок и с остервенением чесал голень. По ощущениям было понятно, что сильно обгорел на солнце нос... В душ, только он может спасти, решил Серафим Альбертович и полез за полотенцем и банным халатом. Несколько минут простоял он, прислушиваясь, нет ли кого в гостиной. Уж очень не хотелось попадаться кому-то из домашних на глаза. Стояла подозрительная тишина. Слишком подозрительная. Мужчина оглянулся на клетку, где жил его петух. Растаковский схватил клетку потряс ее в руках, будто откормленная жирная птица могла закатиться в опилки или угол. Где-то за стеной раздался короткий птичий крик. Мужчина выбежал из спальни и ворвался в кухню. Вид его был ужасен: всклокоченные волосы налипли на взмокший лоб, а в дрожащих руках скрученное в жгут полотенце. Лиза от неожиданности выронила тазик с водой из рук. По помещению разлилась мыльная жижа. В огромной кастрюле ерзал беспокойно друг Растаковского. Глазки его с интересом наблюдали за происходящим. Накинув на кастрюлю полотенце, гордо задрав голову, мужчина унес к себе в спальню петуха. Друг был спасен. Долго еще Серафим Альбертович не мог успокоиться, даже не пошёл в душ, боясь, что на жизнь пернатого оракула кто-то может покуситься снова.

Уже за ужином, поздно вечером, Лиза пожаловалась маман. Ведь Серафим Альбертович не чистит у птицы клетку, и запах становится просто невыносимым. А попытку помыть и вычистить муж пресёк на корню.

18. ПЛАЧУЩИЙ АНГЕЛ

Растаковский проснулся от звуков детского плача. Дочь не только плакала, но кричала, периодически всхлипывая, и звала мать. Серафим Альбертович еще немного подождал, но девочка не умолкала. Мужчина накинул халат и вышел из спальни. Заспанный и лохматый, он немного постоял в коридоре, прислушался. Навстречу ему бежала дочь. Она запрыгнула к нему на руки, и продолжала тихо плакать. Растаковский решил сначала успокоить малышку и только потом высказать жене за недосмотренный сон. В доме царил тишина, на руках отца девочка тихо засопела, но тоненькие ручки не отпускали его шеи и рук. Так, с ребёнком на руках, он и вышел из комнаты. Маман его, покинула грешный мир год назад. С этим Серафим Альбертович никак не мог согласиться и примириться. Лиза стала полноправной хозяйкой дома. Она буквально захватила собой все пространство, обе комнаты и гостиная стали ее территорией, и только спальня мужа была для нее под запретом. Растаковский не стал бороться,

иногда он запирался с 4-летней дочкой у себя и играл, рисовал, лепил слоников, пока малышка прыгала на его кровати, уплетая конфеты. В его спальне свои законы, и все, что не разрешала Лиза ребенку, он принципиально поощрял.

В комнатах и гостиной оказалось пусто. То же и на кухне. Растаковский медленно сел в любимое кресло. Девочка спала мирно на руках. Вещей Лизы тоже не было. Сердце как-то странно замерло у мужчины, на лбу и спине показались капельки пота. На большом обеденном столе лежала записка, Растаковский боялся, несколько раз тянул руку к листку. Он уже понимал примерное содержание... Но все ждал, что Лиза вот-вот войдет в квартиру с покупками и все останется по-прежнему. Но, время шло, проснулась дочь. Серафим Альбертович прочел записку. На мятом листе всего несколько предложений. Лиза полюбила другого, и не может признаться ему, что у неё есть ребёнок.

Малышка что-то говорила, тараторила без умолку, спрашивала, где мама. А Серафим Альбертович не знал, что сказать. Он увидел отражение в зеркале, только сейчас он заметил, как дочь на него похожа. И насколько он сам постарел. Мужчина, деланно рассмеялся, подхватил ребёнка на руки и маленький весёлый самолетик полетел на кухню, чтобы приготовить самый вкусный в мире обед!

2020 год

ТИНА РАДОВА

Россия, Краснодарский край,
Успенский район, с. Вольное

КАЧЕЛИ

(стихотворение в прозе)

Я люблю это место, эту улицу, этот тихий квартал с каналом реки. Ветви ив так нескромно прелестны, удят рыбу в спокойной воде. А еще айва и акация — великолепное соседство. И, конечно же, эти качели: пестрая лавка из разноцветных брусьев со спинкой, летающая на тяжелых цепях, возле чьего-то дома. Я никогда не встречала таких чудесных качелей. Тот, кто их делал, явно был основательным человеком... А уж сколько историй повидали окна этого дома: веселые, романтические, грустные, пьяные, и черные стаи семечковой шелухи, когда с друзьями прибегали сюда после уроков, усевшись впятером, рассказывали бесконечные истории.

Запрокидываешь голову, и безупречно-красивое небо то приближается, то удаляется от тебя. Дышит весенней свежестью, красуется хрупкими, девственно-нежными облаками.

Вперед-назад, качели — словно машина времени.

Вот я — десятиклассница с чувством предвкушения новых свершений и по-летнему жаркой влюбленности в жизнь.

Вперед-назад, мне скоро двадцать восемь. Держу руку на животе, прислушиваюсь, и ты скоро увидишь это высокое ровное небо.

Вперед-назад, опадают листья в протоку и остаются заложниками там до весны.

Вперед-назад, слышится скрип от ржавой цепи.

Вперед-назад, люблю это место! Здесь очень тихо гулять. Толстые ивы, их, стало, правда, пореже, смотрят на отражение неба в воде. Знаете, в этом возрасте тяжело смотреть на небо. Все сильнее тянет к земле.

Неуверенной походкой иду по мерзлой дороге. Ах да, здесь были когда-то качели. С трудом смотрю в озябшее небо. Звезды-метеоры падают вниз.

СВЯЗЬ

В этот раз водитель сразу обратил на себя внимание. Даже плохое освещение выдавало его изуродованную внешность. Он был в чёрной шапке, из-под которой торчал маленький отросток уха, кожа на щеке была будто смазана и сильно натянута на шее. Страшно подумать, что стало причи-

ной таких увечий. Я инстинктивно взглянула в тёмный прямоугольник зеркала, в котором уже поджидали его глаза. Они были асимметричны, неестественны, словно глаза пришельца. Я назвала адрес, последовал глухой щелчок замков. Волнение медузой расплзлось в груди, превращаясь в неприятное ощущение жертвы. В голове аккомпанементом зазвучала когда-то услышанная тревожная мелодия флейты. Она часто напоминает о себе с того самого случая. Я поняла: что-то не так. Мужчина молчал, спокойно направляя такси по ночным улицам города. Я посмотрела в окно, стало грустно от подмигивающих гирлянд, они предвещали приближение Нового года в бесснежной зиме. «Сейчас, сейчас», — крутилось в голове.

Девушки в свадебных платьях, словно снежинки, танцевали на остановке. Движения рук и кисти пропеллером рассекали воздух, плавно опускаясь, рисуя геометрию танца. Я заметила, что все они пристально наблюдают за нами. Но мне стало всё равно, я поняла, что слишком устала от этого дня, работы, от своей жизни. Тревога свернулась змеиным кольцом, оставив тягучее чувство одиночества.

Наше молчание продолжалось, машина выезжала на мост, покидая город. Впрочем, эта местность мне хорошо знакома. Здесь начиналась окраина посёлка, редкие дома, гравийная дорога, ползущая вверх серпантином, а дальше трасса вдоль утрюмых балок.

Ночной клуб — замечательная смена интерьера. Музыка и алкоголь — лучший способ вырваться из лап больничных будней. Вливаю в себя верное лекарство. Закрываю глаза и запрокидываю голову на мягкую спинку фиолетового дивана. Хочется уйти в безмятежность. Не вспоминать, не думать о бесконечных рассказах, превратившихся в огромный иллюзорный лабиринт, в котором уже давно невозможно отличить правду от вымысла. Не слышать жалоб и слёз. Не отвечать на вопросы, не давать советов, не видеть страдающие лица...Вдох. Выпускаю густой дым кальяна, смотрю на его узоры, с лёгкостью тающие в темноте.

Ночь оголила Землю, содрала с неё защитный купол и с хищным величием смотрит на нас, крохотных, на эту дорогу, на вздыбленное осенней пахотой поле. Я раздваиваюсь, еду в машине и иду по чёрному полю, с усилием перешагивая через валуны мёрзлой земли. Мой похититель идет позади, с пистолетом, направленным на меня. Я вижу, чувствую кожей бездну в маленьком отверстии холодного ствола. Но мне совсем не страшно, а только красиво от этого неба, утыканного миллиардами звёзд. Щелчок. Не оборачиваюсь. Он не видит, что я улыбаюсь. Мгновение. Удар жаром пронзает спину, живот, всё тело, перерастая в сильную боль. Касаюсь рукой груди — на ладони остаётся мокрый след. Ночь становится гуще, превращаясь в непроглядную тьму. Я смотрю на рухнувшее тело, завидую той себе, завидую освобождению. Её больше не потревожит чувство вины.

Ритм музыки нарастает, превращая людей в волнуемое море. Синий луч света прорезает толпу, и я качаюсь в такт со всеми. Взмах руки, ещё и ещё, кажется, что плыву во время шторма. Басы перетекают в тело, перша в горле; тяжело дышать. Время замедляется. Ребро ладони медленно скользит по лицу, стирая капельки пота. Чувствую, что нет больше сил...Выбираюсь на пустынный берег городской улицы. Глоток кислорода пьянит

ещё сильнее, кружится голова, и ноги не чувствуют суши. Ищу в сумочке телефон, чтобы вызвать такси. Его нет. «Потеряла? Где же он? Будь неладна эта сумка!» — продолжаю рыться в ней, не замечая ничего вокруг. Протяжный визг тормозов. Я поднимаю глаза. Вижу скользящее авто, вижу лица пассажиров, искореженные испугом. Машина, словно детская игрушка, легко опрокидывается набок, продолжая движение, врезается в бетонный столб. Я ничего не понимаю. Что происходит? Оранжевое пламя выглядывает из авто, чувствуется запах гари. Осознание случившегося пронзает током. Глупо верчу головой по сторонам. Никого. Не могу сообразить, что нужно делать. Мне страшно. Ухожу.

Такси свернуло с трассы, покатилося по грунтовой дороге, исполосованной глубокими колеями, похрустывая первыми пластиковыми бутылками, попадавшими на пути, повеяло смрадом. Неожиданное место, но самое логичное для похищения. Свет фар ворвался в темноту свалки, побеспокоив тамошних обитателей: кошек и собак, которых, к моему удивлению, было много. Они шарахались от нас, превращались в неясные силуэты, убегали прочь и где-то сливались с другими, угрюмыми тенями, греющимися возле костра в железной бочке. Авто продолжало движение, осторожно переваливалось среди мусорных гор. Моя реальность плавилась, как уголь в печке, и музыка застонала в голове заезженной пластинкой. Вот она, моя река Стикс, вот и челнок Харона, в котором плыву, только вместо платы за проезд две детские резиночки для волос в моих руках, жёлтенькие, словно солнышко. Я смотрю на них, они блёкнут, багровеют, наливаются кровью. Красная густая жидкость начинает наполнять мои ладони, выливаться из них. Страх парализует, с трудом размыкаю руки, хочу отмыть их. Опускаю пальцы в грязную воду, из которой частоколом вырастают обгоревшие руки. В испуге падаю на дно лодки, кричу Харону, чтобы он остановился, но уже поздно. Мы доплыли, доехали, остановились у большого железного контейнера. Харон открыл дверь, молчаливо дав понять, что и мне пора выходить. Теперь мы оба стоим перед воротами в загробный мир, стоим перед неизвестностью. Только на мне почему-то короткое синее платье. Ворота отворяются, властная рука толкает меня в пустоту. Тусклый свет зажигается с опозданием, и передо мной возникают стены, усеянные фотографиями женщин. Я вглядываюсь в изображения, понимая, что эти бесконечные фото повторяют лица двух людей.

Поворачиваюсь к Харону, уверенно произношу:

— Я готова понести наказание.

В ответ похититель выступает мне навстречу, обнаруживая своё лицо, обезображенное огнём. Лицо не человека, а куклы, неумело слепленной из пластилина. С небольшим бугорком носа и зияющим треугольником, как у скелета. Перекошенным ртом и невероятно жуткими, в оболочке красной кожи, и в то же время умоляющими глазами.

— Думаешь, такая смелая, так легко отделаешься?! — отвечает он со злостью. — Я давно мог убить тебя, но хочу, чтобы последним, что ты видела в этой жизни, были их лица! Ты будешь сдыхать с голоду и просить их о прощении. Молить о спасении, но его не будет. Они не простят тебя, потому что ты его недостойна!

Он стреляет, пуля неистово впивается в ногу. Вижу, как алое пятно расцветает на коже. Боль сразу возвращает желание жить, превращаясь в ярость. В это мгновение я ненавижу его больше, чем он меня. Откуда-то появляется тяжёлый стеклянный предмет у меня в руках, движется в его сторону, врезаясь в лицо, отвратительно выворачивает челюсть. Просыпаюсь.

Очередное пасмурное утро в Питере. Хочется скорее впустить в квартиру посвежевший за ночь воздух. Поворачиваю железную ручку, белый тюль тут же убегает от окна, ворвавшийся ветерок целует меня в щёки. Смотрю на пепельный небосвод, ровный и незыблемый до опустошения. Тихо. Бледный город застыл в ожидании дождя. Глубокий вдох — проверка на действительность. Втягиваю ноздрями запах реальности. Так хорошо, спокойно, бессмысленно, только ветер ерошит волосы, убегая прочь.

Словно в замедленной съёмке вижу, как первая дождинка, сорвавшись с высоты, летит на меня, отражая весь мир в крохотном тельце. Дождь обрушивается на ржавые железные крыши многоэтажек, барабанит мыслями в голове, будоража сотни образов, осевших в сознании. Мчится водоворотом по сточной трубе, и я тону в этих водах. Звонок в дверь возвращает в действительность, понимаю, что промокла. Шлёпаю босыми ногами по паркету, отпираю высокую крашеную дверь. Вижу лицо, которое невозможно забыть.

— Здравствуйте, у меня назначено на сегодня, — говорит знакомый глухой голос.

— Здравствуйте, проходите, — отвечаю я спокойно, тщательно скрывая волнение.

Александр — мой пациент с недавнего времени. Он пришёл со словами, о том, что меня ему посоветовали как хорошего специалиста.

Несколько лет назад Александр потерял жену и дочь в автокатастрофе.

С тех пор ему постоянно снятся кошмары, заставляя переживать эту трагедию вновь и вновь. Каждый раз он видит, как они возвращаются поздней ночью домой, как смеются с женой, вспоминая прожитый день, а дочка уже уснула на заднем сиденье автомобиля. Он так рад, что у него есть его любимки. Картина идеального счастья, которая прекратит своё существование через пару минут. В тот момент, когда она, эта женщина в коротком синем платье, возникнет на дороге...

— Понимаете, моя дочь даже не проснулась. Она умерла во сне... Мой ангел! — потупив взгляд, говорит он, а глаза уже захвачены слезами. Он старается сдержаться. Берёт паузу и продолжает, но с каким-то другим подтоном в голосе.

— Знаете, я не видел тогда её лица, но каждый раз я вижу его во сне, и каждый раз оно иное... Теперь я живу только с одной целью, найти эту женщину, чтобы... — он вновь запнулся, остановился, — чтобы спросить: каково это — жить, зная, что убила?

Его рассказ резал мне душу, разрывал на куски. Ведь он ещё не знает, что убийца — Я.

ЭВТЕРПА

По-моему, это была «Вертикаль»... Да, мы познакомились в этом клубе. Она была божественна: вьющиеся волосы, спадающие каскадом на обнажённые плечи, извивающееся безупречное тело... Скорее всего, не только я обратил на неё внимание, ну да, на неё смотрели многие. Я ещё помню песню, под которую она танцевала: флиртующие клавиши, задорные барабанные палочки, отбивающие латиноамериканские ритмы, бойкий мужской голос, который твердил один и тот же припев. Я слушал слова и подумал: «Это про нас». Я влюбился с первого мгновения, влюбился в её совершенное тело. Я знаю, мне есть с кем сравнивать.

Тогда, в лучах ультрафиолетовых ламп, я впервые почувствовал мягкий запах её кожи, отдающей гальбанумом, мускатом и ванилью, — это был мой ночной полет. В тот момент я уже знал, что мы оба желали этой встречи.

Время, проведённое вместе, для меня стало раем. Ночью я упивался ею, а по утрам любовался, откинув одеяло, изящными позами, в которых она спала. Её красота постепенно приручала меня к себе. Мы сошлись, мне казалось, что я попал в безвременье, помня только, что когда-то нужно спать, есть, ходить на работу и снова быть вместе.

Мы мало говорили, предпочитая словам движения и музыку, потому что она могла рассказать гораздо больше. Наши любимые группы... порой мы слушали их безумно долго, застывая статуэтками в разных позах, как в трансе. Иногда мы включали музыку с утра и, ещё обнаженные, слушали эти магические звуки. Я курил в кресле, созерцая её плоть, а она сидела на кровати, запрокинув голову назад, смотрела в потолок. В такие моменты я чувствовал себя художником, а она была моей музой. Мне хотелось увековечить этот венец творения, высечь ее тело из глыбы белого мрамора, обессмертить в бронзе...

Но однажды я не обнаружил её рядом с собой, когда проснулся. Меня почему-то это насторожило, я встал и, как животное, бесшумно пошёл к приоткрытой кухонной двери. Она сидела перед небольшим зеркалом, стоящим на столе, и что-то ела. В белом свете луны мне был хорошо виден её профиль. Он был уродлив. Рот разъезжался огромной пастью, поглощая куски непонятной пищи. Туловище было нагим в безобразно-отвисшей коже, грудь складкой висела у пупка, а на спине сильно выступали кости позвонков. Мне стало необъяснимо жутко. Как такое прекрасное тело могло скрывать безобразного монстра?! Не знаю, заметила она меня или нет, но я также тихо попятился назад.

Когда я проснулся, всё было как прежде, она лежала безупречно прекрасной, я даже по привычке приподнял одеяло, и всё оказалось приятным моему глазу. Тогда я задумался: увиденное было правдой или сном? Но то безобразное существо... не знаю, как правильно сказать... словно открыло мне тайну, мой идеал был развенчан. Я не мог больше любить её, потому что увидел в безобразном обличии. Видимо, она замечала моё охлаждение и не понимала, от чего оно, я молчал.

Мы расстались, она не скандалила — это облегчило мой уход. Я продолжил жить обычной жизнью, но с тех пор я не видел такой совершен-

ной красоты, которой обладал прежде. Ни одна не могла сравниться с ней. Она стала тем эталоном, по которому я сравнивал всех, кто когда-то бывал со мной.

«Вот бы ещё раз взглянуть на нее», — подумал я.

Эту мысль я прогонял от себя, но она навязчивой мелодией крутилась у меня в голове и сводила с ума. Со временем я начал искать встречи с ней, надеясь увидеть в случайном месте: кафе, клубе, маршрутке, на улицах, в аптеке... Не замечая того, я перестал нормально существовать, ничего не хотелось: работать, слушать музыку, есть. Я должен был найти её, потому что нуждался в ней, как в воздухе. А потом я стал её ненавидеть и даже хотелось причинить ей вред. Я часами напролет рыскал по городу, но всё безрезультатно.

Была весна, уже тёплая, которая неминуемо приближается к лету. В серой толпе прохожих, словно пёстрая бабочка, развевался лёгкий шифоновый шарф, повязанный вокруг её шеи. Мне казалось, что всё вокруг застыло, я видел только её смеющееся лицо в рыжих локонах волос, медленно оборачивающееся к собеседнику. Она была лучезарна, и от неё исходило сияние, словно солнечные разноцветные зайчики. Я почувствовал, как холодные капли пота выступили на моём лице, появилась дрожь. Я увидел эту сцену, как смотрят фильмы в кинотеатре, со стороны — себя, разъярённо идущим на неё сквозь толпу, опрокидывающим прохожих. Я видел её лицо, удивленно-обезображенное страхом, мне стало противно, вспомнилось то существо, сидящее у зеркала. Я понял, что его нужно уничтожить, и дёрнул изо всей силы за конец шарфа так, что она упала. Не теряя ни секунды, я накрыл её своим телом, не ослабляя хватки, и никакие посторонние цепляющиеся руки не могли оторвать меня от этого занятия. Помню, что она уже не шевелилась, а мои зубы ещё были стиснуты и издавали неприятный скрип. Конечно, это была не она, ну мне потом так показалось... да и вы об этом говорили... Так сколько мне дадут?

— С учетом вашего психического расстройства...

— Меня могут освободить?

— А что вы будете делать?

— Как что?! Искать её.

Он вернулся домой, как всегда, вечером, оповестив о своем приходе громким возгласом: «Я дома!» Сегодня его настроение было больше обычного приподнятым и весёлым. Спешно, но изящно он скинул глянцевые лакированные туфли, машинально опрокинул свой портфель на кожаный пуфик.

В гостиной звучала бархатная мелодия джаза. Молодая женщина стояла возле каменной столешницы и раскладывала еду на тарелки, обьятая пёстрыми цветами, растекшимися акварелью на шёлковом халате. Освободив шею и запястье от атрибутов деловой жизни, он приблизился к ней, взял за плечи, поцеловал персиковую кожу, проговорив: «М-м-м, как вкусно пахнет, когда ты всё только успеваешь?»

По её лицу скользнула лёгкая улыбка. Она любила его юмор, ведь он прекрасно знал, что она никогда не готовила.

— У меня сегодня был занятный случай. Обязательно добавлю его в свою коллекцию. Это история о любви, думаю, тебе понравится, — воодушевленно проговорил он и вынул маленький диктофон из внутреннего кармана пиджака, оставив его на столе.

— Я переоденусь и вернусь.

Через несколько минут они сидели напротив друг друга возле широкого окна. За ужином было заметно, как город уходит в ночь.

— Представляешь, молодой человек задушил девушку в людном месте, на глазах у сотни прохожих. Из-за любви.

Она напряжённо взглянула на него.

— Я принесу кофе.

Женщина грациозно выскользнула из-за стола и пошла к кофе-машине. Он жадно проводил её глазами, любуясь изысканностью форм, подумал, что ему повезло и попалась редкостная птичка.

Осторожно она поставила перед ним дымящиеся белые чашечки.

— Из твоих рук кофе всегда вкусней и ароматней, — сказал он.

— Давай потанцуем? — неожиданно предложила она. — Твоя история подождёт?

— Хорошо, но музыку выбираешь ты, — он взмахнул рукой в сторону акустической системы. В этом жесте прочитывалось великодушное «пожалуйста». Она игриво заулыбалась.

Бисерной россыпью прокатились вступительные аккорды фортепиано, сменившись журчащими струнами гитары, эхом странных голосов и звуком работающей киноленты. Плавно вступили ударные, волнуяще запел иностранный женский голос, срываясь в пропасть молчания, уступил место чарующей мелодии.

— Тебе нравится?

Вставая со стула, он ответил с улыбкой:

— Главное, чтобы тебе нравилось.

Она подошла к нему очень близко, осторожно проскользнув пальцами по его руке, словно хотела сыграть на музыкальном инструменте, робко оставила ладонь на плече. Он обнял её спину, держа другой рукой за хрупкое запястье. Их лбы соприкоснулись, она улыбнулась первой. Он инстинктивно повторил эту улыбку. Мужчина и женщина застыли в несовершенном поцелуе, медленно перешагивая с ноги на ногу, стали танцевать. Теперь его правая рука осызала её прохладную шею, мягкую щёку, уходя в шёлковые волосы. В медленном танце он ощущал переливы запаха духов, так идущих её телу. Это были *Vol de nuit*, он хорошо помнил, как они вместе выбрали аромат, перепробовав, до одурения, дюжину других. Но только этот пришёлся ей по душе.

Ему льстило её присутствие рядом. Всякий раз, когда они ходили в кино, рестораны, магазины или прогуливались по улицам, он намеренно просил взять его под руку, чтобы окружающие видели, чем он обладает. Он давно понял, что в ней его привлекает совершенная красота.

Песня рассеялась как заклинание, и они вернулись за обеденный стол, пить остывающий эспрессо.

— В который раз убеждаюсь, что жизнь лучше любых романов и сказок. Сделав глоток и пристально смотря на неё, мужчина нажал кнопку воспроизведения на диктофоне.

После первой услышанной фразы, в голове резким звуком застучали дерзкие, пульсирующие звуки позабывшейся песни, ведь её мысли давно были подчинены музыке. Она слушала, бродя глазами по темному дереву крышки стола, уходила взглядом в оконное пространство. Ночь оживляла записанную историю, тот клуб, их первую встречу... Даже рекламная вывеска, казалось, горела таким же неоновым светом, как тогда.

Рассказ прекратился. Но она сидела недвижимо, отрешенно глядела вдаль.

— Ты испугалась?

— Я хочу посмотреть на него, — ровным, уверенным голосом проговорила она.

— Как скажешь, — самонадеянно произнес он. — Завтра. Ты можешь поехать со мной. — Он накрыл её руку своей большой ладонью, и хищная улыбка разъехалась по его лицу, обнажая ровный ряд зубов.

Стук каблучков разлетался глухим отголоском в длинном коридоре. Мужчина и женщина подошли к двери, на которой висела табличка с его фамилией. В кабинете ощущалась тюремная обстановка, но всё же был виден его стиль: комфортный стол, удобное кресло. Мужчина нажал кнопку вызова, и через минуту молодой охранник уже стоял перед ним.

— Уважаемый, — обратился он к вошедшему, — проводите девушку в седьмую палату.

Конвоир сухо бросил: «Следуйте за мной». И она покорно последовала за ним до железной калитки. Сопровождающий щёлкнул ключом в замке, освобождая проход в камеру. Но она жестом руки отстранила его, сказав: «Постойте здесь», — и вошла в бледно-бежевую комнату.

Это было очень узкое пространство, рассчитанное на две кровати, стоящие практически вплотную друг к другу, но заключенный был один. Он лежал на койке, отвернувшись к стене, не реагируя на звуки. Она сделала несколько шагов в его сторону и остановилась.

Прежде её голоса он слышал монотонный голос бас-гитары с щемящей песней заунывных скрипок, которые навязчиво принялись твердить, что он давно повернут на ней.

— Я пришла, — мягко произнесла она.

Он медленно повернул голову. Она стояла фарфоровой статуэткой в лучах весеннего солнца, ярко освещающих помещение через прямоугольное окошко сверху. От ослепительного света её волосы и одежда казались сделанными из золота.

В его глазах не было ни удивления, ни испуга. Он так же неспешно поднялся и сел на край кровати, не отрываясь, смотрел на неё. Его мозг не мог поверить в увиденное, утверждая, что это следствие принимаемых таблеток. После долгой молчаливой паузы мужчина неуверенно встал и отошёл к стене. В отражении глянцевой краски он видел их вместе. Она беззвучно

подплыла к нему, оставшись позади, ласково дотронулась рукой и стала гладить по груди. Он закрыл глаза, тяжело сглотнул ком в горле. В голове ещё громче зазвучал надрывный припев песни, разлившись невыносимой нежностью к этой женщине. Ему захотелось плакать, он зажмурился сильнее. Её рука медленно приближалась к горлу, так, что её пальцам был ощутим пульс под вспотевшей кожей.

— Тебе же известно, что не мы слушаем музыку, а музыка слушает нас. Ты знаешь, что с тобой произошло?.. Нет, это не сон и не таблетки, — шептала она, — это твоя суть. Ты должен знать.

И она поднесла к его лицу ладонь, в которой маленьким озером блестело дамское зеркальце.

— Смотри.

Он распахнул уставшие веки. Безобразным изображением из зеркала глядело чудовище. Он отшатнулся в сильном испуге, обернувшись к ней. В его взгляде застыло непонимание и мольба о помощи.

— Ты просто веришь не в то лекарство, — ласково улыбнулась она, протягивая небольшую коробочку.

— По одной каждый день, — пропела она на ухо. Поцеловала в щёку и легкой походкой вышла из камеры.

ВЛАДИМИР ФИЛАТОВ

Россия, Тюменская область, г. Салехард

ПРОЩАНИЕ

Над раздольем полей в предосеннем убранстве,
В вековом постоянстве бескрайних лесов
Распрощаюсь навек с первозданным пространством,
Рассыпая осколки надежды и слов.

Белый плед облаков расплескался в рассветах.
Укрывает туман гроздь стройных рябин.
Дальний крик журавлей, догоняющий лето,
Отражается в эхе на фоне равнин.

Проводи же меня до ворот, дорогая,
Сына русской земли, и не сдерживай слёз.
Комья горькой тоски через силу глотая,
До коры прикоснусь бархатистой — берёз.

За собой увезу алый пар от заката,
Звонкий плеск родников, спелых нив колоски,
Детский смех под окном, гроззовые раскаты,
Искры рыжих костров поутру вдоль реки.

ВЕЧНЫЙ ПИЛИГРИМ

Луна покати́лась вдоль кровли
На ста́рик грядущего дня,
Она, как сестренка по крови,
Свободой волнует меня.

На жилах моих воспаленных
Рассвета сверкнула коса,
Сквозь мыслей туман полусонный
Услышу родных голоса.

Пусть больно от дружбы неверной..
Свой крест пронесу до черты,

Надежду очистит от скверны
И ветром сметет все следы.

Пусть пламя мне плавит подошвы,
Опасность не знает границ,
Оставляю тревоги о прошлом
В плену пожелтевших страниц.

Ведь сердцу привычной дорога
И стрекот беспечных цикад...
Тепло от родного порога
Дороже богатств во стократ.

АКТРИСА + АВТОСЛЕСАРЬ

На цыпочках из темноты,
Обняв как мишку сзади.
— Спасибо, милый, за цветы!
— Не стоит, Бога ради!

К столу бекон и ананас,
Мартини жутко-сладкий.
А я опять за свой рассказ,
Про болтики и гайки.

С восторгом слушаешь меня,
Без тени мнимой фальши...
А как вообще идут дела
В Большом театре вашем?!

Сидим... в звенящей тишине,
Смотря в глаза друг другу.
И только стрелки на стене,
Бегут, бренча по кругу.

Я подоткну удобней плед,
Но сон твой не нарушу.
Вот так, неполных десять лет,
Живем мы душа в душу.

МОИ БЕРЕГА

Долгожданный причал наплывает порой запоздалой,
Стелет сонный рассвет, растворяясь в предутренней мгле.
До скончания лет возвращаюсь живым, но усталым...
Там я в детстве носился босым по примятой траве.

А борта не спеша рассекают волну и торосы,
И шуга словно лава плывёт бархатистым ковром.
Скоро скинет весна на луга травянистые косы
И предгорья накроет цветочно-зелёным сукном.

Вновь дотронусь лица постаревшей с годами ладонью,
Оглянусь и по трапу спущусь, закулив, не спеша.
Мне уже невдомек, может корпус нагруженный стонет,
То ли ноет в груди, надрываясь струною, душа.

Ты встречаешь меня одинокой на белом причале,
Здравствуй, Мама! Не плачь, возвратился домой насовсем.
И прости, что уходом своим я тебя опечалил,
Позабыв о родных, утонув в бурном море проблем.

С колоколен срываются птицы в малиновом звоне,
За спиной проплывает волною, как лава, шуга.
Ледокол отошёл, растворяясь в седом небосклоне,
Синей дымкой покоя укутав мои берега.

ЧЕРНО-БЕЛОЕ

Ложится жизнь в строку за рядом ряд,
Бывает невпопад и безвозвратно.
Похожа на неброский мой наряд,
Не рассмотреть на нём цветные пятна.

Душа зовёт подальше от греха,
Сжимая изнутри больное тело...
Ведь совесть от того порой глуха,
Когда своим желаньям нет предела.

Как тяжкий крест, несу свои стихи,
Чужие в них порой живут тревоги...
Стихами искупить хочу грехи,
Хоть редко вспоминаю в них о Боге.

Родился новый день вчера во мне,
Наполню им в быту своём пустоты.
С тревогой о насущном наравне,
Воскреснут повседневные заботы.

УЛИЧНЫЙ СКРИПАЧ

Невольный хранитель церковных оград,
С протянутой к небу дырявой сумой,

Бейсболка скрывает застенчивый взгляд,
Но нет сожалений о жизни иной.

Без крова оставила тётка-судьба.
Не ново предательство, жизни урок,
Как друга злой рок превращал во врага —
И вот перед нами печальный итог.

А лето льёт золото в потёртый футляр...
Мелодию ветра сыграй мне, скрипач,
В душе у меня воскрешая пожар,
Излей голос скрипки, похожий на плач.

Не верит в добро, доверяя мольбам,
Дорогу находит подчас наугад.
Представил сегодня тем нищим себя,
Но только сравнению вовсе не рад.

Вокзалы, подъезды и шум площадей,
На ощупь ищу в переулках ночлег,
Засовы подъездных железных дверей,
Задёрнуты шторы и выключен свет.

Укрытого в парке опавшей листвой,
Священник под самое утро найдёт
И молча, качая седой головой,
Футляр, что со скрипкой в тот храм отнесёт.

Ведь Лазарь когда-то учил богача,
От помощи нищим очистится дух.
Лёд смерти в ту ночь охладил скрипача,
Но в доброй душе тот огонь не потух.

МАМА

Ты надежду вручила, чтоб пламя свечи
Довело до родного порога.
Не нащупать в укрытой морозом ночи,
Где проложена к дому дорога.

А тропинкой кривой, мне идти не впервой,
Разменяю рубли безвозвратно.
Возвращаюсь назад с захудалой сумой,
Но с надеждой, что еду обратно.

За меня как тогда, в уголке помолишь,
Извини, если был я упрямым.
За мою беспробудно-беспечную жизнь
Помолишь перед Господом, Мама.

Если женщину встречу в нелёгком пути,
И неважно... чуть старше, моложе...
Лишь бы с той мне случилось по жизни идти,
На тебя, хоть немного похожей.

Пролетают секунды, сменяя года,
В суете сквозь невзгоды и спамы...
Знайте, там... за преградой из вечного льда
Дожидаются милые Мамы.

ЗА ОКНОМ

Снежная баба, как прежде, под нашим окном.
Санки сверкают, шарфы и румяные щёки.
Чуть покосился на север наш старенький дом,
Руки стальные торчат из него — водостоки.

Сосны вздымаются ввысь, мачты ста кораблей.
Ржавый УАЗик зимует под шапкой из снега.
Ветер завыл среди хмурых дворов и аллей,
Будто бы пёс в ожиданьи еды и ночлега.

Дни проплывают, сжигая за мной все мосты.
Вновь прокачусь с той горы, наплевав на отдышку,
Пусть догоняют шальные, как ветер, мечты,
Словно нежданный снежок хулигана-мальчишки.

АМСТЕРДАМ

На «Яндекс-доставке» батрачил всё лето,
Угробил колено, хребет пополам,
Но ты наотрез отказала поэту
На пару недель посетить Амстердам

Усилием воли, бессилием массы
Опять предлагаю со мною лететь,
Но ты недовольные корчишь гримасы...
Доколе капризы царевны терпеть?!

Закрылся на кухне с бутылкой спиртного,
От литра хмельного не чувствую ног,

Два шага до края карниза стального,
Но снизу залаял соседский бульдог.

Вдруг дверь распахнулась и прямо с порога
Впорхнула, как лебедь, вся в белом белье:
«Помиримся, милый, прости, ради Бога!
А может подкопим на шубку У. Е.»

Умом не понять столь нелепой картины,
Ведь в этом, друзья, нашей жизни абсурд:
Чем раньше седеют висками мужчины,
Тем милые женщины дольше живут.

ДОБРО

Прибереги святую блажь —
Частицу доброты.
Ещё не раз её отдашь
В момент закланья ты.

Согрей за пазухой в тепле.
Прибереги для тех,
Кому действительно нужней,
Не только для утех.

Добром смываем мы грехи,
В чужих найдя изъян,
Не отличаем шелухи
От золота семян.

Прибереги добро в душе
Для той, что всех милей,
И на последнем рубеже
Найдешь дорогу к ней.

Прибереги святую блажь —
Частицу доброты,
Тоски развеется мираж
И шлейф от пустоты.

В КЕДАХ ПО ЛУНЕ

А за окном опять уныло,
Как будто тридцать лет назад.
Дворы дождём засентябрило,
Такой же пестрый листопад.

Всё те же виды с гаражами,
Раскинул лапы мудрый клён,
Дома, потертые местами,
В соседку ту же я влюблён.

Услышал в старой киноленте
(Мне было около пяти),
Что будут на другой планете,
Возможно, яблони цвести.

Авто по воздуху летают?
Ведь на сегодня тьма машин!
Всё тот же руль, и три педали,
Но меньше пахнувший бензин.

Мы у рекламы на поклоне.
От гаджетов невроз и стресс.
Экран чуть больше на смартфоне.
Гигами меряем прогресс.

А что растёт сегодня в мире?
Кредиты, голод, цен прирост.
Из роботов, что смастерили —
Бесшумно-умный Робосос.

Таким я новшества не внемлю.
Мне грезится в кошмарном сне,
Как киборги захватывают землю,
А я гуляю в кедах по луне.

ЖЕНЩИНА, НЕ СКЛОННАЯ К ИЗМЕНЕ

Ты вошла на трон во вдовьем царстве,
Женщина, не склонная к измене.
Для тебя излишнее мытарство
Не грозит глобальной переменой.

Ты печальна в чёрном одеянии,
Королева истинного чувства,
Ищешь утешения в молчании,
Утопая струнами в искусстве.

Что ж поделать — это нити судеб,
Обрываясь, связывают руки.
Не боишься, вновь толпа осудит,
Пребывая мыслями в разлуке.

Женщина, познавшая коварство,
Облегает саван черный тело,
Горькое, но верное лекарство —
Высказать всё то, что наболело!

Старая подруга — тётка осень —
Листья разгребает под ногами.
Изредка... шальная неба просинь
Пробивает брешь меж облаками.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

А, по Одессе стелятся дожди,
Смывая пыль с горячей мостовой.
Домой пока, родимая, не жди,
Вернусь к тебе совсем уже седой.

Ломбарду сдал ненужное старье,
В итоге пью прокисший виноград,
Ругаясь, что не клеится житьё;
По правде лучше выпил лимонад.

По гаражам гоняет детвора,
За ними сторож носится, как волк
Хромой сосед наметился с утра —
Сменить до основания свой пол.

Валюха жарит с луком камбалу,
И грубо намекает на фуршет.
Её же до безумия люблю,
Вот только Валентину вовсе нет.

Под окнами струится: «Вальс-Бостон»
Ребята разложили шашлыки.
Девчата спорят за крутой фасон;
А я ишу впотьмах свои очки.

Одесса, город памяти родной.
Уйдут за край прохладные деньки.
Вернусь назад уставший, но живой,
Дойти бы и не спиться от тоски.

ЕЛЕНА ЛАПАЕВА

Россия, Москва

ОЖИДАНИЕ

Я удалил все сообщения от тебя, все воспоминания о тебе. Я забыл твой голос, твои руки, твоё тело. Оставил только номер телефона в адресной книге мобильного. Я запретил тебе что-либо писать мне, и ты долгое время молчала. Последнее слово осталось за тобой, тебе казалось, что ты словами уничтожаешь меня, но я слишком долго живу на свете, гораздо дольше тебя, чтобы слова меня жалили. Удивительным было то, что твои слова меня ранили. Больно, кровь на руках, ты, как рыцарь из старых книг, возвышаешься надо мной. Худенькая фигурка на фоне белой стены. Ты готова меня убить и медлишь. Не можешь, не понимаю тебя. Бросаешь оружие, уходишь с поля боя. Я победил и потерял тебя.

Рассматриваю постель, на которой мы были в первый раз. Она помнит все твои изгибы, простынь помнит запах твоих духов, перемешанный с запахом тела, подушка помнит твои слёзы. Прошу менять бельё чаще, пока соглашаются.

Мне снятся сны о тебе, ты рассказываешь о каких-то диковинных островах, о путешествиях, ловишь мой взгляд и в твоих глазах, на мгновение, читается испуг. Потом тебя кто-то отвлекает, ты смеёшься и продолжаешь свой рассказ. Я просыпаюсь и не понимаю, куда исчез твой голос.

Переставляю мебель, комод на время уезжает в коридор, на то самое место, где я подхватил тебя, чуть сонную, на руки. Лёгкая, смеющаяся, ты не сопротивлялась, только упёрлась руками мне в плечи и полушёпотом ласково говорила: «Сумасшедший, какой сумасшедший».

Тишина, как в автономке. Я в другом городе, смотрим объект, очередная командировка. Две тающие, расплывающиеся друг за другом смс-ки от тебя. Может быть, ты нашла меч поострее... А может хочешь встретиться без боя. Если так, то к чёрту мою победу, она похожа на нечестную игру. Дважды ошибаюсь при просмотре проектной документации. Командировку тоже можно послать к чёрту.

Вечером в гостинице вспоминаю, как ты отталкивала меня и всё твердила, что мне нужна другая женщина. И на мой повторяющийся вопрос «Хорошо ли тебе со мной?» сквозь зубы отвечала «Да». Ладонь греет мобильник. Отправляю сообщение: «...напишу, как вернусь из командировки». Что увижу, встретившись с тобой? Никто не скажет.

Должен ли я думать, что ты мне нужна? Я думаю, что тебе непременно встретится кто-то лучше меня. Это случится завтра или через много лет.

Кто-то другой будет слушать твой голос, смотреть в твои глаза, обнимать тебя, заботиться о тебе.

А сны продолжают сниться. И в них ты: так близко, и так далеко.

ЛЖЕЦ

«Ну, почему, почему ты такой лжец??? Я говорила — не ходи за мной, не касайся меня, и ты обещал. Слово, помнишь?! Для твоего народа слово значит так много. Твоё имя почти как слово, и ты не сдержал его. Я должна ненавидеть тебя, и я почти, почти готова начать ненавидеть тебя... Ничего не получается. Не смотри на меня так, все вы мужчины такие...»

Машина тихо едет по местному бездорожью, мы срезаем путь. Я верчу в руках дорожную игрушку — фотоаппарат, зеркалку фирмы Nikon. Меня зовут Марианна, немного чуждое для здешних мест имя, что-то из мексиканских сериалов. В 1988 году я родилась недалеко от того места, к которому мы едем. Мой отец был советским инженером и его, за пару лет до моего рождения, направили с уральского горного хребта, где он трудился, в длительную командировку в Социалистическую Федеративную Республику Югославию, сокращенно СФРЮ. Они уехали вместе с мамой. Он работал на стратегически важных объектах, мама преподавала детям литературу. Она всегда считала, что человек, знающий и понимающий книгу, непременно найдёт своё место в жизни.

Когда я в Калининграде поступала на факультет журналистики, тоже думала, что человек, знающий и понимающий, обязательно найдёт своё место в жизни.

Иногда я вспоминаю своё детство, проведённое в Европе (звучит так, будто детство моё было в престижной английской школе или где-то неподалёку от Монако). Детство... Я родилась в маленьком городке под названием Крушевац (сейчас это территория Сербии), почти его не помню, в памяти остались обрывки воспоминаний, какие-то слова, тёплый взгляд соседского дедушки и цветущие сады. А потом папу перевели по работе в Ниш и, пока не началась война, мы жили там. Что может одиннадцатилетняя девочка сказать о войне? Что она может о ней знать? До тех дней, когда война добралась до Ниша, я ничего не знала о ней настоящей. Только разговоры о Чеченских войнах на родине, в России, которая для меня была абсолютно чужой огромной страной где-то на востоке и о всё раздуваемом пожаре локальных войн на территории Югославии. Моя родина каждый год становилась всё меньше. Всё чаще звучали слова мамы об отъезде в Россию. Папа не соглашался, он не мог бросить производство, разве только отправить дочь к неизвестной ей же родне. Я была категорически против, здесь мои друзья, здесь школа. Как можно всё, что живёт вокруг меня заменить на что-то новое и неизвестное. Во дворе дома, в котором мы жили в Нише, я играла в прятки и догонялки с цыганскими, боснийскими, сербскими, русскими детьми. После школы мы бегали гурьбой на берег Нишавы. Загадывали желания, пускали бумажные кораблики и страшно огорчались, когда они тонули. Запускали самолётики, сложенные из старых газет, и они улетали, подхваченные ветром, в неизвестные дали, а мы гадали,

кто словит наши самолётики, кто прочтёт нашу газету, на которой неровным детским почерком написаны приветствия на разных языках и наречиях. Это были самые лучшие друзья, мы никогда не предавали друг друга, не боялись потерять нашу дружбу. Моими друзьями по школе были мои же соседи — цыганские дети, брат и сестра, Пеша и Надья. Надья была на год старше меня, Пеша был младше на два. Ещё я дружила с красавицей Марьям, её семья исповедовала ислам, они часто звали меня в гости, и я смотрела на ритуал чтения молитв за обеденным столом. Каждый день приносил нам новые радости, мы почти не знали огорчений. Разве не здорово ранней тёплой весной идти после школы и вдыхать аромат цветов, смотреть на старинные здания, про которые нам самозабвенно рассказывал учитель истории, видеть как с крыш срываются стаи голубей и летят навстречу облакам, слушать, когда шумно течёт Нишава и бежать с ней наперегонки, запоминать рассказы рыбаков о том, как наша Нишава впадает в Южную Мораву и уже вместе они продолжают путь всё дальше и дальше на юг. Тогда я ещё не знала, что Пеша пойдёт по пути Южной Моравы и окажется в Северной Македонии.

Водитель пробует увеличить скорость и наш грузовичок начинает подсакивать на ямках и колдобинах. Слышу нечленораздельную брань на смеси нескольких языков, водитель, похоже, полиглот; ругается на дороги, на правительство, местное население и вспоминает бога — какого именно, не уточняет. От Крушеваца до Ниша семьдесят два километра на автомобиле, мы едем какими-то непонятными дорогами, которые трудно назвать дорогами, больше похожи на направления, час в пути растягивается на три часа. С разбегу машина ухает в яму, водитель ругается, заглядывает в кузов и сообщает, что мы левой шиной наскочили на камень в этой треклятой яме, и уже мой коллега с готовностью подхватывает заботливо уложенный под скамейкой рюкзак с инструментами. Остаюсь одна. С собой портативный радиоприёмник, перескакиваю с волны на волну, из динамиков торопливо льются знакомые слова, которые теперь я понимаю и не понимаю одновременно.

В середине недели, 25 марта 1999 года мы с Пешей, Надьей и другими ребятами последний раз запускали газетные самолётики над Нишавой, идя со школы. Что-то глухо стучало и шумело вдалеке. Надья тогда посмотрела, прищурившись, в сторону шума и задумчиво сказала, что звуки идут со стороны военного завода, на котором работает мой папа. Я тоже пристально посмотрела в сторону папиной работы, сминая в руке самолётик, внутри на мгновение стало пусто и одиноко. Нас догнал Пеша и стал рассказывать какую-то новую школьную шутку, так развеселил, что мы лишь раз обернулись на далёкий шум, который словно и стихал уже. Смеясь и шутя, мы пришли домой. А вечером вернулся отец. Тогда я впервые увидела кровь от ран. Не таких, когда режешь ладони осокой, листом бумаги, а неровных, как брызги от вечернего фейерверка. Куда попали — там и кровь. Отец был уставший, он оставил портфель, доверху набитый чертежами у кухонной двери, и, как был, в пыльном костюме с запачканными кровью рукавами и брюками, сел на стул. Я хотела подойти к папе и обнять его, вдруг, стало его очень жаль. Но он отстранился, ласково улыбнулся и сказал мне: «Иди

во двор к детям, Маришка, нам надо с мамой поговорить». Маришкой я была всегда и везде, пока мы не переехали в Россию. Даже школьные учителя записывали меня в классном журнале Маришкой Волочаевой. Марианной я стала гораздо позже. Я поймала на себе мамин испуганный взгляд, видела, как отец коснулся ладонью её руки и уверенно сказал, чтобы она не боялась, что сегодня бомбить больше не будут. Не дожидаясь маминих слов, я развернулась и выбежала на лестничную клетку, слетела по лестнице и рывком открыла дверь во двор. А во дворе всё было как всегда, ничего не изменилось. Только семья Марьям собирала вещи и паковала чемоданы в советскую «Волгу». Марьям сказала мне, что они уезжают в Боснию и будут жить в Сараево, сказала, что очень будет скучать по всем нам, что ей понравился Ниш, но в Сараево их ждёт родня и надо ехать прямо сейчас, посреди учебного года. Я смотрела на её раскрасневшееся взволнованное лицо и обещала, что мы ещё встретимся. А потом дверцы «Волги» захлопнулись, Марьям уткнулась носом и лбом в боковое стекло и мы прикладывали поочередно к нему пыльные, потные ладони, а она плакала и улыбалась. Больше я никогда не видела Марьям.

Не прошло и двух недель, как прогремели взрывы на предприятиях, потом задело табачную фабрику, а потом папа сказал, что мы уезжаем домой. Я так не хотела ехать, мы вместе с Пеши и Надьей просили его остаться, думали, что уж втроём-то уговорим его, ведь бомбят заводы и фабрики, а не школы и больницы. Папа остался непреклонен. Он подождал, пока придут родители Пеши и Надьи, дал им какую-то бумагу и сказал, что она им поможет выехать из города. Помню, как мы ошарашенно смотрели на взрослых, понимая, что всё давным-давно решено и никто нас ни о чём не спрашивает.

К концу мая мы с папой и мамой добрались до Калининграда, а ещё раньше в аэропорту Варшавы я увидела, как по местным новостям показывают Ниш, рынок, на котором мы бывали, и здание больницы, которое я узнала по вывеске — оба в огне. Я не понимала, что говорит диктор, только на заднем плане видеосъёмки заметила девочку, которая одной рукой поддерживала вторую. Мне показалось, что это Надья...

Многие папины и мамины сослуживцы тоже уезжали из Ниша, кто-то раньше нас, кто-то позже, кто-то не успел... Твоя семья, Слободан, уезжала одновременно с моей, ночью, крадучись, как будто мы воры. Вы перебирались в Хорватию, хорошие инженеры везде нужны, а в твоей семье их даже двое, что хорошо увеличивает шансы в поиске работы.

«Слобо... что же ты не сказал мне правду, когда я собралась ехать сюда? Ты же дал слово... твоё имя как слово...». Водитель и мой коллега-журналист на пару починили грузовичок и мы доехали до Ниша. Коллега сразу же отправился в редакцию газеты, я попросилась съездить в город, сказав, что фотографии обработаю ночью, а утром мы встретимся и всё обсудим. Долго, очень долго искала Надью и Пеши. Я обошла весь наш старый дом в поисках родных лиц, бывших соседей, никто не знал, куда они уехали и что с ними стало. На бульваре, недалеко от моего старого дома, я случайно наткнулась на молодую женщину, похожую на Надью, она продавала корочки паспортов СФРЮ, туристы с большим интересом расспрашивали её о Югославии

и брали по несколько паспортов в одни руки, оказывается, нынче это большой сувенир. Я долго не могла подойти к ней, топталась на месте, пока она сама меня не окликнула, кажется, её очень нервировало, что я кручусь рядом и ещё с фотоаппаратом. Оказалось, что её зовут Мира и что она старшая сводная сестра Пеши и Надьи, что после распада Югославии Пеши уехал с друзьями в Македонию и остался там, иногда пишет; что её отец и мачеха уезжали из Ниша, но потом вернулись обратно, правда, живут в другой части города; что это большая удача, что я её встретила. А отец с мачехой уже совсем седые, почти не работают, и Надьи нет уже почти пять лет, её сбила машина, преднамеренно, потому что Надья была цыганкой. Я рассказала Мире всё про наше общее детство с Пеши и Надьей, про старый Ниш, который теперь чужой, про журналистику и работу фотографа в газете. Она задумчиво посмотрела на меня, совсем как Надья когда-то, сказала, что напишет Пеши, передаст от меня привет отцу и мачехе и что Ниш действительно стал другим и лучше мне быть осторожнее. Напоследок, достала из заплечного рюкзака блокнот, вырвала из него страницу и написала адрес кладбища, по которому я могу отыскать могилу Надьи. Страницу вложила в потрёпанный югославский паспорт с лотка и отдала мне со словами «На память. И пусть бог хранит тебя».

Из гостиницы я звонила тебе, плакала, кричала в телефонную трубку, а ты соглашался с моими обвинениями в твой адрес и говорил, что скоро приедешь. Под конец разговора я едва не зашвырнула телефонный аппарат в стену от злости. Видеть тебя не хочу, а хочу назад в тот светлый двор, туда, где никто не покажет на тебя пальцем, потому что ты другой национальности, где тебя из чувства ненависти не собьёт водитель машины, где ты не будешь убегать со своей родины в никуда, где тебе не придётся начинать заново жизнь и пытаться в ней жить, продавая на сувениры паспорт страны, в которой родилась.

Уставшая, от боли, слёз, ярости я засыпаю прямо в кресле. Уже за полночь меня будит администратор гостиницы из ночной смены, очень извиняется, и сообщает, что прибыл гражданин Хорватии, ожидает в холле. Трубка падает из рук... «Слобо, неужели это ты?»

Наталья Малиновская
(Россия, Москва)

ОТ РОСТОВА ДО СТАЛИНГРАДА

Фрагмент воспоминаний

Папину манеру обращения многие называли «штатской», но это не просто следствие самовоспитания. Отец слишком хорошо знал, каково быть солдатом, да ещё на войне, и никогда этого не забывал.

Однажды В. С. Голубович*, военный историк, сказал мне мимоходом:

— Все знают, что Родион Яковлевич никогда не бил подчиненных.

Он продолжал, а я застряла на сказанном. Если про человека говорят, что он ходит на двух ногах, значит, это не повсеместная норма? Значит, другие, и не единицы, ходят на четырех?

— Вы хотите сказать — другие били?!

— А как же! NN для этого на фронте даже специально палку носил. И не он один. Это всякий, кто воевал там-то (последовало точное указание, где), знает.

Что же до повсеместной дедовщины, расцветшей махровым цветом в более поздние года, скажу одно: когда министром был отец, в армию идти не боялись. Может, и не особо хотели, но не боялись. Помню, как в Хабаровске, папа спешно уезжал в командировку — не то на Сахалин, не то на Камчатку, потому что там случилось ЧП: застрелился солдат. Не знаю, разбираются ли теперь командующие округами лично с гибелью военнослужащего, но отец полетел в ту часть немедленно, как только узнал. И я, восьмилетняя, запомнила это как чрезвычайное событие, вставшее вровень с нашими семейными потерями. В тот год у меня умерли обе бабушки, далеко, на Украине, и я помню горе родителей, которые не смогли поехать на похороны.

А вот известия о смерти Сталина, годом раньше, я не помню. Мне бы и в голову не пришло об этом упомянуть, настолько естественной казалась мне эта отрешенность, если б не удивившая меня фраза ровесника, Саши Чуйкова**: «Когда Сталин умер, у нас дома было такое горе!»

Какое такое горе? И я стала копаться в воспоминаниях, разбираясь, кем был для меня Сталин в раннем детстве, и обнаружила его тотальное отсутствие. Ни портретов в доме, ни разговоров о нем. Ничего! Ленин — да, у папы на столе стояла дареная фарфоровая фигурка, и ощущалось уважение к этому имени. А Сталин вошел в мое сознание много позже — в школе, как исторический персонаж, воспринятый сквозь призму XX съезда. Только так.

* Голубович Василий Сергеевич — историк, автор книги «Маршал Малиновский», Воениздат, 1984.

** Александр Васильевич Чуйков (1946-2012) — скульптор, сын маршала Советского Союза В. И. Чуйкова.

Что позволило так растить ребенка? Жизнь «в глухой провинции у моря», в благословенном отдалении от столиц? Но как я ухитрилась пропустить мимо ушей агитпроп начальной школы? Довольно долго я не сопрягала деяния отца народов с папиной жизнью. И напрасно.

Расскажу о том, что знаю — не от папы, а от Аделины Вениаминовны Кондратьевой*, с которой, как и с ее сестрой Паулиной** и их отцом*** (все трое переводчики), отец подружился еще в Испании. Во время Великой Отечественной войны Аделина служила в разведотделе папиной армии, а потом и фронта («испанцы» старались держаться вместе — в том же разведотделе работала Мария Фортус****).

С Аделиной Вениаминовной я познакомилась поздно, уже очень взрослым человеком. Ей тогда было за восемьдесят, и она еще долго приглядывалась ко мне, решая, можно ли мне доверить то, о чем считала своим долгом молчать так долго. Потом все же рассказала мне три истории. Одну — об отце и Сталине, другую — о том, как она попала в плен, и третью — о судьбе переводчицы Сони Бессмертной*****.

* Аделина Вениаминовна Кондратьева (девичья фамилия Абрамсон, 1920, Буэнос-Айрес — 2012) — переводчица, участница гражданской войны в Испании. Родилась в Аргентине в семье эмигрантов, покинувших Россию до революции и возвратившихся в 1932 г. в СССР.

В 1937 г. — переводчица при штабе авиации Испанской Республики. Во время Великой Отечественной войны также военная переводчица. С 1944 г. преподаватель Военного института иностранных языков Красной Армии. В 1950-1953 гг. — заведующая кафедрой Московского педагогического института, в 1956-1966 гг. — сотрудник института мировой экономики и международных отношений АН СССР, с 1966 г. — старший научный сотрудник института международного рабочего движения АН СССР. Кандидат исторических наук.

Организатор и лидер Ассоциации советских добровольцев-участников гражданской войны в Испании. Почетный председатель испанской Ассоциации жертв гражданской войны и изгнания.

** Паулина Вениаминовна Мамсурова (1915-2000) — переводчица, участница гражданской войны в Испании, жена легендарного разведчика Хаджи Мамсурова (прототипа Джордана из романа Хэмингуэя «По ком звонит колокол»). В Испании работала с кинодокументалистом Романом Карменом.

*** Бенъямин Абрамсон (1889-1965) — профессиональный революционер, еще до 1917 г. эмигрировал из России в Аргентину, где впоследствии стал советским торгпредом. Вскоре после возвращения в СССР уехал вместе с дочерьми на испанскую войну переводчиком. В годы борьбы с космополитизмом подвергался аресту. Был реабилитирован.

**** Мария Фортус (1900-1981) — советская разведчица, партизанка, участница гражданской войны, во время которой внедрялась в отряды Махно и банду Булак-Балаховича, чудом осталась в живых. В 1929 г. Мария Фортус с мужем-испанцем отправилась на нелегальную работу в Испанию, её муж, секретарь каталонской компартии, погиб в 1930 г. В 1934 г. разведчица вернулась в Москву, с 1936 г. снова в Испании, где работает военной переводчицей. Ее сын Рамон — лётчик, направленный Коминтерном в Испанию в 1936 г. погиб в воздушном бою.

После возвращения в Москву Фортус с отличием закончила в 1941 г. Военную академию им. Фрунзе. Во время Великой Отечественной войны была начальником штаба женского 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка, воевала в разведывательно-диверсионном партизанском отряде и в разведотделе штаба 3-го Украинского фронта, где лично подготовила операцию «Альба Регия» в венгерском городе Секешфехерваре. Выйдя в отставку в 1955 г., защитила кандидатскую диссертацию, работала в Институте Конкретных Социальных Исследований АН СССР.

Ее жизни посвящены два кинофильма — «Альба Регия» (1961) венгерского режиссера Михая Семеша с участием Татьяны Самойловой и «Салют, Мария!» Иосифа Хейфица (1970).

***** Соня Бессмертная — переводчица на гражданской войне в Испании.

Истории поразительные, но сейчас, раз речь о Сталине, расскажу первую. Ее Аделина услышала от моего отца в расположении 66-й армии на Сталинградском фронте в сентябре 1942 года. А то, о чем он ей рассказал, произошло в июле того же года после сдачи Ростова-на-Дону.

Этот многострадальный город, один из наиболее тяжело пострадавших в войну, наши войска оставляли дважды — 17 ноября 1941 года и 24 июля 1942-го. Второй раз Ростов без приказа Ставки оставил Южный фронт, которым командовал мой отец. Это о его фронте в знаменитом приказе № 227 от 28 июня, известном под названием «Ни шагу назад!», сказано:

«Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Паникеры и трусы должны истребляться на месте».

Приказ № 227 вменял в обязанность Военным советам фронтов передавать в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный, без приказа отход войск. Ответственность же самих Военных советов и в первую очередь командующего фронтом стократ выше, чем у командарма, и, соответственно, тяжелее вина.

На следующий день после сдачи Ростова Южный фронт был расформирован, его разбитые армии влились в Северо-Кавказский. Отца и члена военного совета сняли с должностей. Странно, но начальника штаба фронта, генерала Антонова* громы и молнии не коснулись: напротив, 28 июля, в день подписания приказа, его назначили начальником штаба Северо-Кавказского фронта, которым командовал С. М. Буденный**.

С кем вместе отец был вызван в Москву, я не знаю: Аделина не запомнила фамилию. Установить, кто это был, мне не удалось, а ведь это — ключевой момент всей истории. Без этого имени рассказ становится бездоказательным апокрифом, но я все же перескажу слышанное от Аделины Вениаминовны не только потому, что ей безоговорочно верю, но и потому, что слишком уж много в этой истории загадок и слишком разноречивы остальные свидетельства — в них еще разбираться и разбираться...

Итак, последние дни июля 1942 года, гостиница «Москва». Здесь ждут вызова в Кремль отец и его спутник. Первый день ожидания, второй, третий. Представьте, каково это — ждать приговора, а точнее — трибунала, ведь, по сути, приговор уже вынесен и оглашен на всю страну в приказе «Ни шагу назад!»

* Антонов Алексей Иннокентьевич (1896-1962) — генерал армии, член Ставки ВГК, начальник Генерального штаба в 1945-1946 гг., участник Ялтинской и Потсдамской конференций.

** Буденный Семен Михайлович (1883-1973) — маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза, кавалер Георгиевского креста всех степеней. Командующий Первой конной армией РККА в годы Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны входил в состав Ставки верховного главнокомандования, участвовал в обороне Москвы, командовал группой войск армий резерва Ставки (июнь 1941 г.), затем — главком войск Юго-Западного направления (июль — сентябрь 1941 г.), командующий Резервным фронтом (сентябрь — октябрь 1941 г.), главком войск Северо-Кавказского направления (апрель — май 1942 года), командующий Северо-Кавказским фронтом (май — август 1942 г.). С января 1943 г. командующий кавалерией Красной армии.

На третий день нервы у отца и его спутника сдали: они напились. А к ночи явился гонец с известием: «Аудиенция в семь утра». За известием последовало чудо мгновенного и полного протрезвления — такого, что, казалось, они отродясь спиртного в рот не брали. Разошлись по своим комнатам — не спать, какой тут сон. Привести себя порядок, побриться, собраться с духом. За полчаса до назначенного времени отец вышел в коридор, ждет спутника, а того нет, постучался к нему в номер — тихо. Еще минут через десять выломали дверь.

К Сталину отцу пришлось идти одному. Его соответчик покончил с собой. Сталин встретил отца вопросом: «А где генерал...?» (Будто не знал!). Отец ответил: «Генерал застрелился», — и услышал вкрадчивое: «Что же вам помешало сделать то же самое?»

Узнаю льва по когтям — по этой фразе, такой безошибочно сталинской.

В ответ отец кратко повторил то, о чем уже говорил Сталину неделю назад по прямому проводу: сказал про сокрушительное неравенство сил, про то, что отход спас тех, кого еще можно было спасти.

Долгая пауза. И наконец:

— Идите. Вам сообщат наше решение.

И всё.

Уж не знаю, как скоро отцу сообщили решение, через три дня или раньше — причем решение неожиданно мягкое. Почему? Потому что уже не 41-й год и с маху уже не расстреливали? Потому что карающую длань отвело самоубийство отцовского спутника? Может, и так. Но, мне думается, важнее другая причина — зафиксированная в стенограмме* разговора по прямому проводу от 22 июля 1942 г., за два дня до сдачи города.

В 18.00 начался этот долгий — длиной в полтора часа — разговор. Участники беседы: из Кремля Сталин, из действующей армии командующий Южным фронтом Р. Малиновский, член военного совета фронта И. Ларин**, заместитель командующего Л. Корниец***. (И снова та же странность: третьим у телефона обязан быть не замкомандующего, а начальник штаба, но Антонов отсутствовал.)

Отец доложил обстановку, сообщил крайне тревожные разведданные (по контексту понятно, что говорил он об этом не впервые), но Сталин, все еще убежденный, что Гитлер готовит новое наступление под Москвой, и слышать не хотел о возможной концентрации сил на юге. Цитирую:

«Сталин. Ваши разведывательные данные малонадежны. Перехват сообщения полковника Антонеску у нас имеется. Мы мало придаем цены телеграммам Антонеску. Ваши авиаразведывательные сведения тоже не имеют

* Из этих стенограмм (а стенографировали все разговоры по прямому проводу с фронтами) я читала очень немногие — приведенные в разных книгах и, видимо, добытые авторами в архивах. Добраться до стенограмм мне не удалось и даже узнать, где именно они хранятся. Но представьте, сколько бы открылось, если б их наконец напечатали — день за днем!

** Ларин Илларион Иванович (1903 — 1942 или 1943) — политработник РККА, генерал-майор (1942). Покончил жизнь самоубийством.

*** Корниец Леонид Романович (1901-1969) — советский и украинский политический деятель. С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. был членом Военного совета Южного и Северо-Кавказского фронтов. С сентября 1943 г. членом Военного совета, Воронежского фронта.

большой цены. Наши летчики не знают боевых порядков наземных войск, каждый фургон кажется им танком, причем они не способны определить, чьи именно войска двигаются в том или ином направлении. Летчики-разведчики не раз подводили нас и давали неверные сведения. Поэтому донесения летчиков-разведчиков мы принимаем критически и с большими оговорками. Единственно надежной разведкой является войсковая разведка, но у вас нет именно войсковой разведки или она слаба у вас.

Критический разбор всех авиадонесений приводит к следующим выводам:

1. У переправ на Дону от Константиновской до Цимлянской у противника имеются лишь незначительные группы.

2. Наши липовые командиры объята страхом перед немчурой; у страха, как известно, глаза велики, и, конечно, понятно, что каждая маленькая группа немцев рисуется им как пехотная или танковая дивизия.

Вы должны немедленно занять южный берег Дона до Константиновской включительно и обеспечить оборону южного берега Дона в этой зоне».

Для исполнения поставленных — нереальных — задач Сталин в тот же день переподчинил Южному фронту часть уже рассеянных немцами войск соседнего Юго-Западного фронта, но они, утратив связь, даже не узнали о переподчинении и выполнить приказ нового командующего не смогли. Фронт рушился, война вновь шла вопреки ожиданиям Сталина, но в точности так, как предвидели те самые «паникеры — липовые командиры, объята страхом перед немчурой».

И хотя в приказе № 227 эта терминология осталась, Сталин не забыл, что его предупреждали. Он вообще ничего не забывал. Сталин, по многим свидетельствам, осознавал свои просчеты, хотя никогда о них не говорил. И не трибунал, а всего-навсего понижение в должности командующего фронтом, который «покрыл свои знамена позором», означали, что разговор, состоявшийся за неделю до приказа № 227, Сталин — помнит.

Но кто же ждал вызова в Кремль вместе с отцом? Антонов и Корниец живы, а вот генерал Ларин — нет. Иван Илларионович Ларин действительно застрелился, но, как свидетельствуют документы, полугодом позже.

Где и кем был Илларион Иванович Ларин с августа до ноября 1942 года неизвестно. После июля его фамилия упоминается вновь лишь в приказе от 2 ноября 1942 года о формировании 2-й Гвардейской армии: он назначен членом ее военного совета. Может, попытка самоубийства после Ростовской трагедии все-таки была? И в первую минуту еще не было известно, выживет ли он, а дальше — госпиталь и новое значение?

Илларион Иванович Ларин — давний друг отца, вместе они служат с марта 1941-го, когда Ларин стал военкомом 48-го стрелкового корпуса, а отец комкором; вместе они были на Южном фронте. И вся логика событий подсказывает: в то утро вызова к Сталину они тоже ждали вместе.

Но документ есть документ, подпись Ларина стоит под приказами по 2-й Гвардейской и в ноябре, и в декабре. А вот свидетельства о его самоубийстве разноречивы (это донесения особого отдела и мемуары Хрущева). Даже даты смерти в них разные! В одних донесениях 25 декабря, в других — 27-е, а в третьих вообще 2 февраля. Неясно и место. В одном источнике говорится,

что самоубийство произошло в госпитале после легкого ранения, в другом — «у себя на квартире». Что за госпиталь, что за квартира? Да и какая могла быть у Ларина причина стреляться — и 25 декабря, когда самые трудные для 2-й Гвардейской дни были уже позади, не говоря уж о 2-м февраля 43-го, дне победы под Сталинградом?

Есть версия, связывающая самоубийство Ларина с проводимым особым отделом расследованием дезертирства отцовского адъютанта капитана Сиренко, который еще в августе перешел через линию фронта, чтобы, согласно оставленной им записке, «самостоятельно создать партизанский отряд вследствие того, что наши генералы показали себя неспособными командовать, разложились, пьянствуют и развратничают, вроде старого развратника генерала Жука». Но ведь дезертировал Сиренко в августе, а речь о декабре!

Оставим моральный облик генерала Жука, начальника артиллерии фронта, умершего в 1943-м от разрыва сердца (не вследствие ли разбирательств?), за него Ларин отвечать не мог, а что до Сиренко — так ведь он все-таки был отцовским адъютантом, и отцу, а не Ларину, надлежало бы беспокоиться по этому случаю. Да и не самым драматическим событием того лета, думаю, был побег адъютанта...

Все свидетельства тем не менее сходятся в одном: Ларин оставил предсмертную записку. Но число в ней не проставлено, и текст ничего не проясняет. Вот его записка: «Я не при чём. Прошу не трогать мою семью. Родион умный человек. Да здравствует Ленин».

Что это значит? Что ни слово, загадка. От чего отрешивается Ларин? Кого и зачем он уверяет, что отец — умный человек? Естественно, в контексте тех лет ожидать другой характеристики — убежденный коммунист, преданный делу партии и т. п. И наконец, почему помянут Ленин, а не Сталин?

На эту странность немедленно обратил внимание бдительный начальник политуправления Красной армии Щербаков*, которому по должности полагалось разбираться в этой ситуации вместе с органами безопасности. В итоге разбора после доклада Щербакова Сталин поручил члену Военного совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущеву «лично присматривать за Малиновским». Сергей Хрущев**, комментируя отцовские воспоминания, пишет: «Сталин уже занёс топор над головой Малиновского, отцу удалось отвести удар».

Не знаю, прояснится ли когда-либо туман, окутывающий эту историю, или она так и останется мифологической версией. Я рассказала то, что знала от Аделины Вениаминовны — человека, несомненно заслуживающего доверия, но все же не участницы событий. И то же самое, но вкратце, мне рассказывал Иван Николаевич Буренин.

Но что же дальше?

* Щербаков Александр Сергеевич (1901-1945) — советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник (1943). Начальник Совинформбюро с его образования 24 июля 1941 г., с июля 1942 г. начальник Главного политуправления Красной Армии.

** Сергей Никитич Хрущёв (род. 1935) — советский и российский учёный, литератор. Сын Н. С. Хрущева. Доктор технических наук, профессор. Герой Социалистического Труда (1963).

После приказа № 227 отца откомандировали на Северо-Кавказский фронт, в последних числах августа назначили командармом.

В ту осень его 66-я армия делала, что могла, и это немало, но, увы, и немного. Фронтом, в который входила 66-я, командовал Константин Константинович Рокоссовский*, тогда они и познакомились. О задачах, стоявших перед отцовской армией, и об их первой встрече с отцом, рассказал сам Константин Константинович в книге «Солдатский долг». Этот фрагмент я приведу целиком:

«Мне еще оставалось ознакомиться с войсками 66-й армии, которая располагалась в междуречье, упираясь своим левым флангом в Волгу и нависая над Сталинградом с севера. Выгодность этого положения обязывала армию почти непрерывно вести активные действия, стремясь ликвидировать образованный противником коридор, отрезавший войска 62-й армии Сталинградского фронта от наших частей. Теми силами и средствами, которыми располагала 66-я армия, эта задача не могла быть выполнена. Противник, прорвавшийся здесь к Волге, занимал укрепления так называемого Сталинградского обвода, построенного в свое время еще нашими войсками. У врага было достаточно сил, чтобы удержать эти позиции. Но своими активными действиями армия облегчала участь защитников города, отвлекая на себя внимание и усилия противника. Перед 66-й армией находились соединения немецких войск (14-й танковый корпус).

Прибыв на командный пункт 66-й армии, я не застал там командарма. «Убыл в войска», — доложил начштаба армии генерал Корженевич**. Побывав на командных пунктах дивизий и полков, я добрался до КП батальона, но и здесь командарма не было, сказали — в одной из рот. Я решил добраться туда из любопытства: чем там занимается командующий? И направился туда, где шла довольно оживленная артиллерийско-минометная перестрелка; было похоже, что противник подготавливает вылазку. Где в рост по ходу сообщения, а где и согнувшись в три погибели, по полузасыпанным окопам добрался до самой передовой. Здесь и увидел среднего роста коренастого генерала. После представления и краткой беседы я намекнул командарму, что вряд ли есть смысл самому лазать по ротной позиции. Родион Яковлевич замечание выслушал со вниманием. Лицо его потеплело:

— Я сам понимаю, — улыбнулся он, — но уж очень начальство донимает, вот и ухожу от него подальше. И людям, когда я здесь, спокойнее.

Расстались мы друзьями, достигнув полного взаимопонимания. Конечно, на армию возлагалась непосильная задача, командарм понимал это, но обещал сделать все от него зависящее, чтобы усилить удары по противнику».

В те же трудные дни судьба занесла в расположение отцовской армии

* Рокоссовский Константин Константинович (Ксаверьевич) (1896-1968) — советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949).

** Корженевич Феодосий Константинович (1899-1972) — генерал-лейтенант. С июля 1941 г. начальник оперативного отдела штаба Южного фронта, затем штаба 6-й армии и с февраля 1942 г. начальник штаба 9-й армии. С августа 1942 г. начальник штаба 66-й армии. Затем начальник штаба последовательно Воронежского фронта, Юго-Западного фронта, 3-го Украинского фронта. С мая и августа 1944 по апрель 1945 начальник штаба 4-го Украинского фронта.

Константина Симонова*, и в его военном дневнике появилась запись, которая дорога мне не меньше, чем свидетельство К. К. Рокоссовского, потому что в ней я узнаю отца, а это в мемуаристике (не говоря уже о журналистике) редкость. Привожу ее целиком:

«Из Дубовки мы попали в войска 66-й армии, которой командовал генерал Малиновский. Помнится, как раз в то утро армия приостановила наступление. Несколько суток тяжелых боев при очень слабом насыщении артиллерией, да еще в условиях полного превосходства немцев в воздухе, не дали ощутимых результатов. Продвижение в сторону Сталинграда измерялось где километром-полутора, а где всего несколькими сотнями метров.

Обо всем этом сказал сам Родион Яковлевич Малиновский, рекомендуя нам ехать от него к соседу справа, который спешно подтягивал части для предстоящего наступления.

Мы были у Малиновского на командном пункте, сидели рядом с ним на лавке у входа в землянку, вырытую в поросшем кустарником скате какого-то оврага.

Малиновский был спокойно-мрачен и немногословно, горько откровенен. Ему совершенно явно не хотелось с нами разговаривать, но, раз мы приехали к нему, счел своим долгом прямо сказать, что здесь, на участке его армии, успеха нет.

Наверно, у каждого из воевавших от начала и до конца войны был на ней свой самый трудный час.

Мне почему-то кажется, что в этом заросшем кустарником овраге северней Сталинграда, в день, когда наступление 66-й выдохлось, и она остановилась, мы застали Малиновского как раз в этот самый его трудный час войны. Позади были поражение, понесенное Южным фронтом, падение Ростова и Новочеркасска и та тяжесть ответственности за случившееся, о которой шла речь в июльском приказе Сталина.

И после всего этого — назначение сюда командармом 66-й, и, несмотря на отсутствие достаточных сил и средств, приказ наступать, прорвать фронт немцев, соединиться с окруженной в Сталинграде 62-й армией, и после нескольких дней кровопролитных боев продвижение всего на сотни метров, остановка, неудача.

Что было на душе у Малиновского? О чем он мог думать и чего мог ждать для себя? Мне остается только поражаться задним числом той угрюмой спокойной выдержке, которая не оставляла его, пока он разговаривал с нами в это несчастное для себя утро».

Я знаю эту угрюмую спокойную выдержку, способность сказать себе и не таить от других горькую правду. Но с одним я бы не согласилась: с тем, что это был для отца самый трудный день войны. Кто спорит — трудный, но, думаю, все же не самый.

Отцовский ответ на вопрос о самом трудном дне я еще приведу, но прежде надо рассказать о 2-й Гвардейской.

Эта сильная, новосформированная армия, против всех правил изначаль-

* Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915-1979) — русский советский писатель, поэт, киносценарист, общественный деятель. Герой Социалистического труда (1974). Лауреат Ленинской (1974) и шести Сталинских премий (1942, 1943, 1946, 1947, 1949, 1950).

но получившая именование Гвардейской, просуществовала меньше трех лет, но сделанное ею бесценно: без нее не было бы победы под Сталинградом. Первым командующим этой армии, сформированной осенью 1942 года в Тамбове, в самые трудные месяцы, когда она сражалась под Сталинградом, был отец, начальником штаба — Сергей Семенович Бирюзов*. Они познакомились в Тамбове, принимая армию, и стали друзьями на всю оставшуюся жизнь.

По замыслу Ставки 2-я Гвардейская должна была сыграть конечную роль в Сталинградской операции и добить Паулюса**, однако пока она двигалась из Тамбова, картина на южном театре военных действий изменилась: наступление Манштейна***, шедшего от Котельникова и Тормосина на выручку Паулюсу, внесло непредвиденные коррективы.

Сильная вражеская группировка утром 12 декабря начала бои и продвинулась совсем близко к Сталинграду: до Паулюса танкам Манштейна оставался один переход — 35 километров. Кольцо окружения, созданное нашими войсками, могло быть прорвано в самом скором времени. И тогда 2-ю Гвардейскую развернули и спешно направили навстречу Манштейну. Всю ответственность за это решение взял на себя координатор действий фронтов А. М. Василевский**** — надвигающаяся катастрофа требовала безотлагательных действий, а Ставка и Верховный уже который день молчали. Возможно, потому, что им слишком жалко было откладывать конечный этап операции, а без свежей армии покончить с окруженной армией Паулюса не хватало сил. Но промедление могло погубить все. В конце концов, уже когда 2-я Гвардейская шла наперерез Манштейну, Ставка согласилась с Василевским. Наше счастье, что у Александра Михайловича достало мужества не ждать верховных распоряжений.

Все это подробно и документировано описано в книге А. М. Василевского «Дело всей жизни», а о своем несогласии с таким решением пишет в «Солдатском долге» К. К. Рокоссовский — командующий Донским фронтом: это его фронту предназначалась сильная и свежая армия, которую теперь отнимали.

* Бирюзов Сергей Семёнович (1904-1964) — маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1958 год), начальник Генштаба Вооружённых сил СССР (1963-1964). Погиб при исполнении служебных обязанностей.

** Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст (1890-1957) — немецкий военачальник, один из авторов плана Барбаросса. С 1943 г. генерал-фельдмаршал; командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом.

*** Манштейн (Левински) Эрих фон (1887-1973) — немецкий фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн. В 1944 г. отправлен в отставку вследствие разногласий с Гитлером. В мае 1945 года арестован британскими войсками и приговорён британским трибуналом к 18 годам тюрьмы за «недостаточное внимание к защите жизни гражданского населения» и применение тактики выжженной земли. Освобождён в 1953 г. по состоянию здоровья. Работал военным советником правительства Западной Германии.

**** Василевский Александр Михайлович (1895-1977) — маршал Советского Союза (1943), начальник Генштаба, член Ставки Верховного Главнокомандования. С февраля 1945 г. командовал 3-м Белорусским фронтом. В 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке в войне с Японией. В 1949-1953 гг. Министр вооружённых сил. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), кавалер двух орденов «Победа» (1944, 1945).

Что же до мемуаров А. И. Еременко*, командующего Сталинградским фронтом, которому переподчинили 2-ю Гвардейскую, то его версия событий в шестидесятые годы была подробно анализирована и аргументированно опровергнута А. М. Василевским в «Военно-историческом журнале» с пометой, что написанное явилось результатом обсуждения темы с моим отцом и представляет их общее мнение.

О том, что такое обсуждение состоялось, свидетельствуют и отцовские маргиналии на соответствующих страницах книги А. И. Еременко «Сталинград». Не сомневаюсь, что есть пометки и на экземпляре, принадлежавшем А. М. Василевскому, и на экземпляре К. К. Рокоссовского, да и на экземплярах других участников событий. Интереснейшая получилась бы публикация, если б собрать все маргиналии и представить их рядом с мемуарным текстом — объектом полемики. Но стоят себе экземпляры с маргиналиями на полках семейных библиотек, недоступные взору исследователей...

Не думаю, что сегодня кто-либо вправе судить, какое решение следовало предпочесть: план Василевского, который был осуществлен, или замысел Рокоссовского, оставшийся гипотетическим. Но замечу: это разногласия равнокомпетентных людей, знающих, что такое ответственность и привыкших нести ее со всеми последствиями. У их слов — одна цена, а у тех, кто рассуждает об этом сегодня, — совсем другая. Сослагательное наклонение применительно к истории, такое заманчивое, в особой чести у тех, кто, рассуждая снисходительно-поучающим тоном с телеэкрана, как орешки, щелкает уравнения со всеми известными. Кто спорит — хорошо море с берега. Особенно теплое и в штиль.

Это сегодня понятно, что от тех событий декабря 1942 года на подступах к Сталинграду, зависела не только судьба Сталинградской битвы, но и в конечном счете судьба войны. Если бы Манштейн пробился и вызволил Паулюса, были б напрасны подвиги и муки тех, кто долгие месяцы сражался в растерзанном городе и умирал в раскаленной летним солнцем степи на подступах к нему летом 42-го. А если бы не выстояла 2-я Гвардейская, война, наверно, продлилась бы дольше, и не случилось бы коренного перелома в войне, и король Георг** не прислал бы в дар городу в знак восхищения воинской доблестью его защитников, «крепких, как сталь», рыцарский меч, украшенный драгоценными камнями. Но не в камнях и не в благородном жесте британского монарха суть, а в том, что весь мир, дотоле сомневавшийся, тогда понял, что победа будет за нами.

Но в середине декабря катастрофа казалась почти неминуема: 14 декабря на пути танков, пробивающихся к Паулюсу, остались только разрозненные стрелковые части и мехкорпус. Тогда все зависело от предельно измученной и понесшей огромные потери 51-ой армии, которой командовал Труфанов***,

* Еременко Андрей Иванович (1892-1970) — маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944).

** Георг VI (Альберт Фредерик Артур Георг; 1895-1952) — король Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Канады, Австралии и Южной Африки с 11 декабря 1936 г.

*** Труфанов Николай Иванович (1900-1982) — генерал-полковник (1955). С июля 1942 г. по февраль 1943 г. командующий 51-й армией.

— от того, сможет ли она дождаться 2-й Гвардейской. Свои дни 51-я армия выстояла. А 2-я Гвардейская, выгрузившись 16 декабря, в стужу и вьюгу пешим порядком двинулась навстречу Манштейну и с марша 18 декабря вступила в бой, сменив остатки измученных до предела войск, уже отступивших к Аксаю. Манштейн уже торжествующе радировал Паулюсу: «Будьте уверены в нашей помощи», когда перед ним встали передовые части 2-й Гвардейской. Теперь все уже зависело от нее.

Наверно, у каждого, кто воевал, была безошибочно распознаваемая минута, когда он знал: вся война сейчас зависит от него одного, оттого, что и как он сделает в эту минуту, здесь, на крохотном куске земли, у безвестного хутора, у речки, имя которой, кроме здешних хуторян, никому не ведомо. Для всех воинов 2-й Гвардейской, в равной мере для командующего, солдата, лейтенанта, стрелка или танкиста, такая минута настала декабрьским днем 1942 года на берегу речки со странным именем Мышкова.

На берегу этой неприметной речки в то холодное утро встретились и встали друг против друга танки: наши и немецкие. Сутки ни те, ни другие не начинали атаку. Почему?

Отец объяснил это в письме Сталинградским школьникам, которые просили рассказать о том, чем памятна ему Сталинградская битва:

«Громославка была самым горячим участком нашего фронта. Противник рвался на северный берег реки Мышкова. Воздушная разведка донесла, что противник разворачивает для атаки танки — возникла серьезная опасность прорыва. У нас было, пожалуй, даже больше танков, но без горючего: в баках оставалось по четверти заправки, но вражеской атаки нельзя было допустить. Я отдал приказ снять с танков маскировку, а если они укрыты в оврагах, вывести их на бугры — пусть враг видит, с чем ему придется иметь дело. И цель оказалась достигнута. В ставку Гитлера полетела срочная депеша: «Вся степь усеяна русскими танками. Нуждаемся в подкреплении». Фашисты не решились атаковать. Так время, необходимое для подвоза горючего, было выиграно, а положение — спасено».

Но это сейчас мы знаем, что Манштейн запросил подкрепления и стал ждать. А те, кто сидели в этих танках без горючего, вышедших на бугры, — превратившихся, по сути дела, в мишени? Они — не знали, почему противник не атакует, и не знали, получают ли горючее, и когда. Целые сутки они ежесекундно ждали атаки, перед которой оказались бы беззащитны. И командующий армией, взявший на себя ответственность, тяжелее которой и представить невозможно, тоже не знал, что там решил Манштейн, целые сутки не знал.

Иногда меня спрашивают, о чем бы я спросила отца сегодня, если б могла. Я бы спросила о той истории, рассказанной Аделиной, и об этом решении на Мышкове: «Что это было? Выверенный военный или психологический расчет? Интуитивное знание? Или отчаянный — за пределом отчаянья — шаг за гранью риска?»

В ту ночь удача встала на нашу сторону: к танкам 2-й Гвардейской горючее пришло раньше, чем подкрепление, которого так и не дождался Манштейн. И с той декабрьской ночи 1942 года, когда на секунду прибавился день, время войны повело другой счет — счет Победы.

Об этом, уже после войны, вспоминая проигранные сражения, писал немецкий генерал Меллетин*. Вот его горькое признание: «Поражение на ничем не примечательной речке Мышкова положило конец надеждам Гитлера на создание империи».

Слава 2-й Гвардейской армии вспыхнула на десятилетие, уже после смерти отца, когда в 1970 году вышел роман Юрия Бондарева** «Горячий снег», и название его тут же оторвалось от текста и вошло в статьи, речи и мемуары о войне. А когда в 1972-м вышел одноименный фильм с Георгием Жженовым*** в роли командарма, его посмотрела вся страна.

Но с тех пор много воды утекло, и страну, которую защищали герои романа, смыло потоком истории. Сейчас, если скажу, что отец командовал той армией, про которую фильм, даже молодые музейщики ответят: «Да? Надо бы посмотреть...»

Отец — не прототип командарма Бессонова. Но завершающая фильм фраза: «Все, что могу... все, что могу лично», — его. Она действительно сказана в тех самых обстоятельствах и означает вот что: командарм своей властью имел право наградить орденом Красной звезды или орденом Красного знамени, но к Герою Советского Союза — тому званию, которое все они, солдаты 2-й Гвардейской бесспорно заслужили, — он мог только представить. Поэтому командарм награждает их на еще не остывшем поле боя тем, чем может: «Все, что могу лично».

По собственному признанию автора, Бессонов — обобщенный образ советского военачальника, в котором есть что-то от Жукова, что-то от Конева****, а может, и от других. Такими их — Жукова и Конева — представлял автор, но военачальников этого ранга, включая своего командарма, он, в ту пору лейтенант, ни разу даже издали не видел.

Драматургическая линия командарма в «Горячем снеге» строится на том, что он обязан безошибочно избрать ту минуту, когда нужно пустить в ход резерв, — и дожидаться этой минуты, что, наверно, еще труднее. Кроме того, у Бессонова есть личная драма: его сын — власовец.

Художественная правда романа неоспорима, но на то она и художественная, чтобы не совпадать с биографической или исторической. Тысячу раз прав Федерико Гарсиа Лорка*****, когда говорит, что жизнь против всех ожиданий оказывается изобретательней и драматичней воображения художника.

Не было у командующего 2-й Гвардейской армией сына-власовца (стар-

* Меллетин Фридрих Вильгельм фон (1904-1997) — генерал-майор танковых войск вермахта. Вместе со своим корпусом участвовал в Сталинградской битве в рамках операции по деблокадированию 6-й армии Паулюса, с которыми лично поддерживал радиоконтакт.

** Бондарев Юрий Васильевич (род. 1924) — русский писатель. Герой Социалистического Труда (1984). Лауреат Ленинской (1972) и двух Государственных премий СССР (1977, 1983). Роман «Горячий снег» был написан в 1969 г.

*** Жженов Георгий Степанович (1915-2005) — актёр театра и кино. Народный артист СССР (1980). Лауреат Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых (1975) за исполнение роли генерала Бессонова в фильме «Горячий снег».

**** Конев Иван Степанович (1897-1973) — маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

***** Гарсиа Лорка Федерико (1898-1936) — испанский поэт, драматург, музыкант и график. Был убит в начале Гражданской войны в Испании.

шему из моих братьев в 1942-м исполнилось тринадцать лет). Да и сам командарм много моложе Бессонова и пришел к войне с другим военным и душевным опытом. Отец, один из немногих наших командиров, знал другую жизнь: в юности три года воевал во Франции, а накануне Великой Отечественной войны два года в Испании — не самая благонадежная биография. Там, в Испании он получил опыт ведения современной войны, причем с тем же противником (Гитлер с самого начала гражданской войны в Испании вместе с Муссолини* активно помогал Франко** вооружением и людьми). И наконец у отца в недавнем прошлом был приказ № 227 с жестокими, разящими словами о его фронте.

Я уже рассказала о Ростове и об аудиенции у Сталина — вот драматическая предыстория командарма 2-ой Гвардейской. Если ее знать, понятно, что судьба командарма, его жизнь и смерть в эти три дня висят на том же, а может, еще более тонком, волоске, что и судьба любого солдата его армии. История все нити сплела здесь в один узел — судьбу страны, судьбу войны, судьбу человека.

А резерв, который так берег командарм в «Горячем снеге», у отца действительно был — два корпуса: механизированный и танковый. Они пошли в дело, когда противник, потеряв надежду прорвать фронт в районе Громославки, начал перебрасывать войска в сторону 51-й армии, измотанной до предела и практически не способной его задержать. Но здесь против Манштейна встали эти сбереженные корпуса. Блистательно воевали тогда танкисты Павла Алексеевича Ротмистрова*** (это еще один верный друг отца, с которым они понимали друг друга с полуслова). И в ночь католического Рождества 1942 года, когда взойшла Вифлеемская звезда, стало безоговорочно ясно: 2-я Гвардейская исполнила свой долг — Манштейн отходит, а Паулюс остается в Сталинграде.

Уже после войны, в 1946-м году в преддверии 9 мая журнал «Огонек», который более полувека читала вся страна, разослал многим генералам и маршалам анкету с единственным вопросом: «Какой день войны вам наиболее памятен?» Этот номер мне разыскать не удалось, знаю только, что папин ответ (черновик которого сохранился) не был опубликован, а, может, папа его и не отослал. Потому что ответ показался ему слишком личным? Или редак-

* Муссолини Бенито Амилькаре Андреа (1883-1945) — итальянский политический и государственный деятель, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр с 1922-го по 1943 г., основатель итальянского фашизма.

Во время испанской гражданской войны с конца 1936 г. на стороне националистов сражались немецкий авиационный «Легион Кондора» и итальянский пехотный «Корпус добровольческих сил».

** Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Баамонде (1892-1975) — испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании в 1939-1975 годах, генералиссимус.

*** Ротмистров Павел Алексеевич (1901-1982) — главный маршал бронетанковых войск (1962), Герой Советского Союза (1965), доктор военных наук, профессор. Во время Сталинградской битвы командовал 7-м танковым корпусом, который с 12 по 30 декабря принимал участие в уничтожении Котельниковской группировки противника. 29 декабря 7-й танковый корпус был преобразован в 3-й гвардейский с присвоением ему почётного наименования «Котельниковский».

ции сочла неуместным в преддверии праздника упоминать о сдаче города? Или попросту ответы предполагались короткие? Гадать бессмысленно. Вот что отец написал:

«В память врезалось много дней — и горьких, и радостных. Конечно, хочется сразу сказать — день Победы. И еще день освобождения Одессы, моего родного города.

Но все же памятнее всего мой самый горький день войны — когда пришлось оставить Ростов. Там, под Ростовом, когда не удалось задержать гитлеровскую военную машину, я пережил глубочайшее горе. Летом 1942-го мы отошли, оставив врагу многострадальный Ростов, уже побывавший в руках врага, уже испивший эту горькую чашу. Мы уходили из пылающего города, понунив головы, и сердца наши обливались кровью.

С тех пор, где бы ни приходилось сражаться, ни на день меня не оставляла мысль о Ростове. С этой мыслью я дрался и под Сталинградом, когда 2-я гвардейская преградила путь танковой группе Манштейна, стремившейся разорвать Сталинградское кольцо.

И, наконец, пришел долгожданный час: в ночь на 14 февраля 1943 года начался штурм Ростова. Непосредственно на город со стороны Батайска наступали части генерала Герасименко*, от Азова на железную дорогу Таганрог — Ростов, прямо на станцию Синявская шли части генерала Хоменко**, Аксайскую атаковали части генерала Захарова***, от Новочеркасска на запад двинулись гвардейцы под командой генерала Крейзера****. Над немцами в районе Ростова нависла угроза окружения. Первыми в город ворвались курсантские бригады и гвардейцы 34-й воздушно-десантной гвардейской дивизии. В шесть утра город был освобожден. А через три часа мы вместе с Н. С. Хрущевым уже были на улицах Ростова и видели на глазах ростовчан слезы радости. Это был мой первый радостный день в ту войну».

А вот эпилог.

...Спустя полвека, зимой 92-го года я шла по арбатскому переулку к метро — на работу, читать лекцию про ирландское средневековье. Пожилой человек прислонился к стене — ему явно плохо. Дала валидол, довела до скамейки, благо сквер рядом, прошу прохожих: «Вызовите скорую!» (Сотовые тогда еще далеко не у каждого.) Он смотрит и едва слышно говорит: «Эх, деточка... Ведь сегодня — полвека... Это же мы, мы — 2-я Гвардейская, войну тогда выиграли... И никто, никто не знает...»

— Я знаю.

Он говорит с трудом, и в глазах боль и уже наплывающая пленка:

* Василий Филиппович Герасименко (1900-1961) — генерал-лейтенант. С сентября 1942 г. по декабрь 1943 г. командовал 28-й армией, отличившейся при взятии Ростова.

** Василий Афанасевич Хоменко (1899-1943) — генерал-лейтенант. С 21 ноября 1942 г. командовал 44-й армией. Погиб 9 ноября 1943 г. на переднем крае при обстреле его машины, вследствие чего армия была расформирована.

*** Георгий Фёдорович Захаров (1897-1957) — генерал армии (1944). В феврале 1943 г. командовал 51-й армией Южного фронта.

**** Яков Григорьевич Крейзер (1905-1969) — генерал армии (1962), Герой Советского Союза. 2 февраля 1943 г. принял от Р.Я. Малиновского 2-ю гвардейскую армию, освободившую Новочеркасск и принявшую участие во взятии Ростова. По окончании этой операции Крейзер получил звание генерал-лейтенанта орденом Суворова 2-й степени.

— Откуда тебе знать...

— Я — знаю. Я — дочь вашего командарма.

И в эту самую минуту из ближнего двора выезжает Скорая. Машу рукой; машина остановилась, оказалось — свободна. Увезли.

Так я и не знаю, помогла ли ему так счастливо подоспевшая попутная бригада. И не знаю имени того солдата 2-й Гвардейской армии. Бог весть, услышал ли он меня, понял ли, что я ему сказала, или его только напугал черный силуэт в метели — черное, до полу, пальто...

Киношный, абсолютно неправдоподобный эпизод — и всё же чистая правда. Если бы не та минута — между жизнью и смертью — я бы и слов таких никогда не произнесла: «дочь командарма». Раз и навсегда я усвоила с самого раннего детства единожды сказанное: «То, что ты моя дочь — сто двадцать пятое дело. Самой надо постараться. И стать человеком». Я — в меру разумения — старалась.

1998, 2014, 2015

(Продолжение следует)

Михаил Рыбаков
(Россия, г. Устюжна)

ДЕСНЯНСКИЕ БАЙКИ

САША И ШУРА

— Саша, ты куда?

Но она уже не слышала голоса матери, у неё горело всё внутри, от полученной похоронки: «Старшина Алябин Александр Иванович пал смертью храбрых, защищая Ельню...» Шурка погиб? — Не укладывалось в голове, а сердце упало до пяток, не давало дышать, думать... Куда я, зачем я... а ноги привели в военкомат. Отстояв очередь, она зашла к военкому и положила на стол диплом. Тот глянул на молодуху...

— Присаживайтесь... Что вы хотите?

— На фронт!

Полковник раскрыл диплом...

— И...

— Дочитайте до конца, я изучала все рации, работала на них, знаю три языка, могу преподавать курсантам, могу идти в тыл, куда прикажут.

— Минутку подождите — и вышел.

— Сейчас вам вручат предписание, литер на поезд и сухой паёк на неделю, и оружие, и форму. Одно... не знаю как быть... Мост разбит, до Заречья придётся добираться пешком.

— Доберусь, не сомневайтесь, спасибо вам.

— Да, там будет пакет, как доберётесь, вручите командиру. Удачи вам!

Саша поднялась по песчаному кособогу, прошла мимо продуктового магазина, не выдержала, заглянула и углядев своё любимое лакомство — белые мятные пряники, взяла двести грамм. Грызть их было невозможно и она запихала пряник целиком, за щёку, и предвкушая наслаждение, поспешила к вокзалу...

Литер конечно, не помог, мест и на третьих полках не было, стоять было негде. Тогда она увидела состав с танками, явно на фронт. Подошла к капитану, вынула предписание.

— Теплушка одна, вагон один, не советую... Вон вагон, с тамбуром, окучайтесь, на довольствие поставим... поехали!

В Орле, пока эшелон загоняли на запасной, она сбегала в комендатуру, показала предписание.

— Вам нужно пересесть в 38-й, должен быть в 17.30, поможем. Саша сходила на запасной, нашла капитана, поблагодарила, забрала вещмешок и шинель, вернулась к комендатуре...

— Товарищ подполковник, прибыла для прохождения службы.

Просмотрев предписание и пакет, он ахнул.

— Голубушка, сам господь бог вас направил, к нам. Назначаю вас наблю-

дателем за отделом радистов, присваиваю звание младшего лейтенанта...

— Вообще-то я капитан запаса.

— Простите — он глянул в военный билет — вы правы, с полным удовольствием — и подал погоны капитана. Служите! Иван, размести капитана, накорми с дороги, введи в курс дел, я бы и сам, но вызвали срочно в штаб.

Устроилась Саша скромно, но отдельно. Закуток без окон, но вентиляция есть и движок трудился, отбивая секунды и минуты. Наскоро перекусив, она пошла в классы. Представилась и села в уголочке, не мешая процессу. Когда слушатели отобедали и перекурили, она пригласила охочих в самый большой класс. Вытерла начисто доску и быстро, мелком нарисовала рацию, обозначив стрелками входы, детали.

— Кто скажет, что это?

— Похоже на передатчик...

— Очень похоже на немецкую, не вспомню марку...

— И вы правы. Вам не объясняли работу на немецких рациях, чем они отличаются от наших?

— Как же, было в программе, — ответил очкарик, капитан.

— Если было, почему аудитория не знает?

— Время поджигает...

— А радист там в тылу будет делать ошибку за ошибкой и погибнет в конце-концов? Так быть не может и не должно! Нужны примеры и чёткое понимание техники противника, тогда потери сократятся до нуля. Кто занимается прыжками с парашюта? — Молчок...

— Нет у нас такой возможности, Александра Юрьевна, пока нет...

— Тогда как же, товарищ подполковник?

— Полковник, прошу прощения.

— О! С повышением! Больших свершений. И всё же, как быть с тренировками?

Ведь половина бойцов погибнет при приземлении и все наши потуги, насмарку...

— Капитан, у вас есть художники? Продолжите занятия. А мы пойдём, подумаем, как быть с прыжками.

— А знаете... я видела там, вдалеке, пожарную башню?

— Да местная достопримечательность, постойте, там же перед войной было представление — прыжки с парашютом!

— Вот! Конечно, не то, что самолёт, но хоть представление того, что ждёт впереди, да ещё ночью... Используем по полной. А рапорт по поводу прыжков надо в штаб, пусть пошевелиятся и потом, ни одной современной рации — это как?

— Ой, Александра?..

— Можно Саша, когда...

— Понял, спасибо, Саша. Пришла директива, по поводу новой техники, сейчас покажу...

— В любом случае — людям работать надо на том, что есть.

— Капитана Алябьеву ко мне!

— Есть, — рывкнул Иван и загремел кирзачами по коридору.

- Слушаю вас, товарищ полковник.
- Проходи, Саша, присаживайся, извини, что прервал службу. Приятная весть для тебя — и подал ей погоны майора.
- Служи Родине.
- Служу Советскому Союзу!
- Где отмечать будем? В Доме офицеров? Или соберёмся по-семейному, у меня? Жена будет рада познакомиться.
- Как скажете, если не трудно, то дома... соскучилась...
- Я сделал запрос по поводу гибели мужа, пока ответа нет, но не отчаивайся, там, под Ельней, была такая мясорубка — свет не видывал... Всякое могло случиться...

04.04.19

ШУРА

Старшина запаса, командир танка, Алябьев Александр Ильич, добирался до части в кузове полуторки. Команда подобралась что надо, все танкисты-запасники, технику знали, как пять пальцев, по себе судил. Только выгулькнули из придорожных посадок, где перекусили всухомятку, попили из ручейка, потянулся шлейф пыли — на тебе и штурмовик-фашист нарисовался на ярчайшем небе.

— Воздух, — заорал Шура, — рассыпайся!

Машина пошла на разворот, но где там... третье попадание — в цель, рванул бак, горело всё вокруг. Один призывник не выдержал, горела пола шинели, так этот гад развернулся, скосил дурака и смылся.

Вернулись в посадки, вырыли неглубокую яму, похоронили, документы Александр взял себе... Когда начало темнеть и сошёл дневной жар...

— Стройся, по двое, шагом марш!

— Чего-й то ты раскомандовался.

— Цыть, сопля! — одёрнул кто-то. Шли без остановки всю короткую ночь, только на зорьке Александр сделал привал. Пока перекусывали и курили в рукав, смылся тот, возмущённый. Шура заметил, досталменной и пустил пулю навзводку... Понял, что попал, прошёл в ту сторону и добил труса. Достал клочок бумаги, написал короткий отчёт.

— Желающие есть подписать, — нашлось двое.

— Спасибо, парни. Отдохнули, переобулись, проветрить портянки... Готовы? Тогда потопали, за нас воевать никто не будет...

А скоро добрались до военкомата.

— Парни, не разбредайтесь, всяко бывает, а я к самому военкому пробуюсь.

И пробился, отчитался о налёте, о расстреле труса.

— Добро, старшина. Сейчас ведите свою команду в общежитие, вот адрес, вас накормят, а утром быть здесь. Отдыхайте.

— Здравия желаю, товарищ полковник! Явил...

— Присаживайтесь, старшина. Вы как раз к делу... Пришёл приказ набрать команду для приёмки дивизиона новых танков, так что принимайте литеры, паёк, оружие и обмундирование, через пару часов пойдёт машина.

Успехов, Александр Ильич.

День выдался пасмурный, временами накапывал дождь. Крытый ЗИС, старался ехать хотя бы рядом с посадками или лесными просеками, хоть путь и увеличивался, но было менее опасно.

В часть, где формировалась команда, добрались к полуночи. Перекусили, поспать бы, но снова машина и срочно на вокзал. Шёл литерный, для них прицепили вагон и на Урал....

— Командир есть?

— Так точно!

— Что за команда?

— Держите...

— Так. Выходите, приехали, по двое и за мной.

— Давай, ребята.

— Отставить, почему с оружием?

— Простите, а солдат с бабой должен быть, шутите, капитан? Документы!

— Но-но, пошутить нельзя?

— Шутник... Взять под караул! Стогний, разыщи комендатуру.. Василий, обыщи капитана, поглядим, что за птица.

Появился Стогний с майором.

— Товарищ майор — это ваш кадр?

— Первый раз вижу...

— Вот и ладушки...

— А собственно, вы кто такие?

— Вот, читайте.

— Понятно, вас поджидает товарищ на тягаче.

Они шли то строем, то рассыпались у стрелок и меж вагонами. Шура как-то неловко чувствовал в этой компании...

— Удостоверение, товарищ майор!

Тот аж вздрогнул и...

— Стоять, пристрелю на месте!

В его руке был подарочный наган.

— Не шути, старшина, пойдёшь в расход.

— Обыскать!

Тот было рипнулся в сторону и пуля тут же попала в ногу.

— Я не шучу, майор, или как тебя... Свяжите на всякий...

И тут показался патруль.

— Что тут такое, почему стрельба?

— Товарищ лейтенант, проверьте этих офицеров и вызовите санитаров.

— Вы кто, старшина?

— Читайте.

— Понятно, вас ждёт представитель завода, он у дежурного по станции. Помогите доставить этих и можете быть свободны.

— Парни, у нас есть два дня для изучения новшеств и день для матчасти и вождения. Приступим...

И вот они, целая бригада, гонят свою броню на вокзал, к погрузке. Шура присвоили сразу младшего лейтенанта, потом лейтенанта и поручили пере-

гон бригады до фронта. Штаб был впереди и сзади платформы, а Шура, как нянька — все радости и болячки совместные. Как-то так получалось, что со всеми вопросами ребята, да и постарше, семейные трактористы, шли именно к нему.

Под Смоленск прибыли глубокой ночью. Выгружались, без света, но к утру выгрузились, сосредоточились в лесу, и Шура, причесав волосы, направился к штабу отряда.

— Товарищ полковник, лейтенант Алябьев явился для прохождения службы. Считаю, что возложенная задача выполнена.

— Спасибо, Александр Ильич. Благодарю за службу, и принимайте головное звено. Удачи.

— Спасибо, есть.

— Бой? Бой был неравный, товарищ корреспондент, — Шура повернулся на койке, приладил ноющую ногу. — Нам не хватило пятнадцати минут, чтоб войти строем и рассредоточиться, не были бы такие потери, потери страшные.

— Как же вы выбрались?

— Наверно, всевышний помог, не улыбайтесь. Солдат есть солдат, он, как каждый может и побаиваться и испытывать эйфорию победы, и надежду. Вот она и сохранила меня, надежда встретиться с Сашей, женой.. А место боя покидал последним, так санитарка сказала...

11.05.20

МАМОЧКА-МАМА

Сашка убежала, мать вытерла слёзы... «От Юры тоже ни весточки...». Когда перед пасхой увели из хлева коровку и Зорьку-кобылу, её как подкошили. Теперь в доме, ничего. Матрёна достала вентерья, взяла тычку и подалась на болота. Она была раз, ещё с мужем, что-то запомнила. Вот и заломанный куст ивы, и метка от острого ножа. Здесь. Она сбросила платье, чтоб зря не мочить пока шла по кочкам, как Юра учил, вот и бочага. Тут линии добрые водятся, поддела вентерь шестом, завела к осокам и оставила, возвращалась так же, не торопясь, прощупывая шестом кочки... Сняла рубашку, выжала, как могла, одела платье, поймала в луже жуку, оставшуюся от половодья.

— Поджарю...

Только заявила в тёмную хату, как явились два полица и «гренадёр» с выупленими на лоб глазами.

— Матка, яйка, матка млеко — шнель-шнель!

— Чего, сука советская, залякла? Шевелись! — И для верности ткнул штыком в руку повыше локтя. Она остолбенела...

— Ты что, обезьяна, забылся, что общество выгнало навсегда?

— А, б...дь!!! Вот я тебя!...

— Не кипятись, Косой. Торопиться некуда. Давай жрать, Матрёна, да самогонки.

— Где я вам возьму. Ты, Никифор, знаешь, как жили, а когда худобу увели — совсем ничего..

— Ладно, запри в кладовку, сами с усами, но уж не взыщи тогда...

Заперли... «Ишь...» Она отодвинула две доски, протиснулась в проход, по тесному лазу добралась до берега, отодвинула еле известняк и была такова... Снова подалась той же тропой, нашла добрую ветку, снова раздела сорочку и оставила на кусту, дошла, выволокла вентерь полный линёв, еле тащила по болоту, чтоб не оставлять следов...

К утру была под Бондаревкой у деда Карпа, отца Юрия.

— Отец, мне надо исчезнуть, тропу посыпь махрой и дома тоже. — Они поплыли Деговой, болотистым притоком Десны. Тут сразу и не определишь русла — болото верст на десять... Только в одном сухом местеросло три куста лозняка, меж ними было много сухого мха и кусок брезента.

— Там, у основания увидишь — фуфайка, сыро тут, дочка. Часто не придётся, так что звиняй, потерпишь. Не знаю, как справишься, вон там, у кустика затоплен липовый челнок. Хлеба тебе на пару недель хватит, а что в вентерях?

— Лины хорошие, с десятков.

— Это добре, соль там привязана, в целлофане. Ну будь, не то перед соседями врать придётся...

Попрощались и он уплыл.

Мотя ознакомилась с местом, вспомнила, что два дня ни росинки во рту не было. Достала привязанный на поясице кухонный нож, достала лinya, чистить не стала, распорол по спине, вывалила кишки, вставила распорку, посолила немного и повесила к солнышку, пусть вялится...

Так прошла неделя. Осип не появлялся. Скучновато было пока она не нашла на болоте добрый шест.

Теперь она свободно летала над бочажками. Собиралась страшная туча, утро было хмурое, ветренное, но погремело, покапало и убралось...

Кончался позеленелый давно хлеб, она растянула на месяц, наступал сентябрь. Осип так и не появился, она ставила свою сетку, но рыбы не было, а голод не тётка. Под вечер Мотя достала притопленный челнок, взяла брезент и выплыла к Едutam, там жил родич Василь, троюродный брат Юрия, но добрый знакомец, часто захаживал, когда ещё не гремело... Она долго сидела, разглядывая обстановку. Наконец, под вечер вышла к болоту молодца с вентерями.

«Товарка», — улыбнулась Мотя. Тихонько позвала.

— Не пугайся, я своя...

Та подошла вплотную..

— Матрёна?

— Ты, Галя,

— А кто ж ещё... Как тебя сюда занесло?

Мотя вкратце рассказала свои приключения.

— Как всё схоже...

— Об Осипе никаких вестей?

— Не знаю... О нём ли говорили, что собаками порвали старика...

— О, господи...

— Так ты зачем, к нам? Не к Василию часом?

— К нему... Хлеб кончился, а я уже месяц в болоте...

— Не вздумай! Хриstopродавец он... Тьху, шкура. Половину села поло-

жил, и коммунистов и активистов.

— Может, не тот?

— Ага. Юрка брат ему? Хуже фашиста.

— Вот незадача...

— Ничего... перебьёмся. Счас вентера заменю и..

— Я помогу.

— Давай, веселее будет.

Они доплыли до большой бочаги, даже лягушки концерт давали ещё, когда они заменили вентера и подняли старые. Из-за осок выплыл чёлн, в нём был Васька, друг ситный.

— Ишь ты, кто тут светится! Ну здравствуй, активистка! Вот я тебя приголублю... Он наклонился, челнок вильнул, он взмахнул руками, и Мотя выбросила вперёд свой шест...

Тот бултыхнулся, вынырнул вдохнуть, а Галя надавила шестом, с другой стороны жала Мотя...

— Хреново дело, подруга, надо уходить. Пойдём домой, заберём всё, что можно жевать. Наносили полные челноки, только, что не черпают бортами воду. Добрались до Мотиного места, переночевали...

— А теперь гайда отсюда, слишком близко и место сырое, а мох заберём, свежий уже, не высохнет. Они плыли, почти весь день, на шестах челноки шли быстро, но и устали порядком.

— Что видишь впереди?

— Так горб какой-то и куст растёт.

— Глазастая, а раскоряку справа не заметила.

— Так она в глаза не бросается.

— Вот... Потому правь туда... Вот и приехали панычи, голой попой по печи... Выгружаемся. Тут и зимой, не замерзает и землянка, хоть низка, но тепла. До весны нам хватит, а там, может и этих прогонят.

Ужинать уже не хотелось, залезли в землянку, укрылись брезентом... Проснулись, уже рассвело.

— Привет, подруга.

— Здравствуй, Галя... всю ночь, почти, не спала, всё думала, что за подход с тыла?

— Познакомишься, перекусим и пойдём.

Рядом была гнилая старица, так воняло разным перегноем, что воротило.

— Чего это тут такое?

— Не знаю, но рыбы тут нет, зверя нет, никто никогда не наведется.

— Ишь ты, как нам везёт...

— Погоди, был тут вон в том конце, рыбачит старик, если жив ещё. Посочим, проверим, где-то кубло его должно быть...

Поговорили и забыли.

Надо бы продукты сберечь как можно дольше, соленое сало пролежит, колбасы в смальце тоже, а вот кровянка и потрошковая...

— Надо крапивы засушить. Мама пересыпала батьку, когда тот уходил надолго. Испытано.

— Слыхала и я... Хлеба у нас, до нового года дотянем, потом кукуруза и маис есть клунок. Пшена фунтов десять, а оно сытное, можно хлеб поберечь.

У них оказались дни, чем-то занятые, не скучали. Мотя отстегнула одну из десятка булавок и выгнула крючок. Высушила лозину плавника, ссукала второе нитку.

— Забросим?

— Пробуй...

Неожиданно Мотя наловила полведёрка плотвички и карасиков.

— О! Да это же какое подспорье на зиму. — Посолили, выдержали, развесили сушиться. Октябрьское солнце плохо сушило, только вялило, но и этого было достаточно..

Пришли на заводи туманы, росы выпадали такие, что одежду приходилось просушивать каждый день.

Но куда податься? Мирились.

Зима легла в начале ноября, ударили морозы. Но, как ни странно, они обходились без печки. Своего тепла хватало на двоих. Плохо было сидеть взаперти, дверь лишний раз не откроешь, когда там под сорок мороз, но в феврале стало припекать солнышко, а март затопил все протоки и хода, ещё полметра и придётся уходить на высокое место. Они даже вещи погрузили в челноки, но обошлось, вода как прибыла, так и убыла за пару дней. И почти сразу наступила весна..

Они ещё спали, когда в дверь постучали... Сердечки ёкнули и опустились в пятки. Мотя превозмогла страх, взяла нож и открыла дверь.

— Спите, птицы поздние, а я по ваши души, — бубнил старик, улыбаясь беззубым ртом. — Хоть не голодные, могу хлебом поделиться, могу рыбкой накормить.

— Спасибо, дедушка, здоровы ли? Власть та же? Али советска?

— Та же, хай ей чёрта лысого! А вы заскучали, поди? Мож в лес, к партизанам?

— А кто это, дедушка?

— Тёмные вы, девчата, а уж бы разум иметь... Это наши мужики, что не попали на войну... Бьют проклятого. Медсёстры нужны, повара, разведчики, на машинке писать, да мало ли?

— А как попасть к ним?

— Просто, мои хорошие, за вами наблюдал, наши вы, поручусь.

— Так поплыли!

— Не сегодня, путь длинный, пока туда обратно. В среду.

— А седни что у нас.

— Так понедельник, девоньки. Ждите, но будьте готовы....

Подплыли к крутому берегу Десны, там уже поджидали, двумя верёвками подняли Галин челнок, потом Мотин, после самих обвязали и вытащили... Наверху поджидали два воза, на один погрузили добро и челноки, на другой уселись дед и они.

— Паняй, Иван, да не растеряй по дороге... Груз ценный, — ржал молодой партизан.

Дороги было чуть да маленько, нырнули в лес прибрежный и к вечеру были на месте. Встретили молодух приветливо... Накормили, чем могли, стали расспрашивать, кто кем хочет быть.

— Я буду убираться, стирать, наводить чистоту, — заявила Галя.

— А мне сподручней у печки.

Так и прижились молодицы у партизан. Когда те уходили бить немцев и возвращались ранеными, Мотя становилась и нянькой, и медсестрой...

САША

— Александра Юрьевна, пляшите!

— Муж...

— И не только. Самолёт выделили, старенький, но живой... и муж ваш...

Саша не понимала... Шурка жив...

— Пойдёмте, вручу вам запрос и ответ. Держите.

— Я выйду?

— Конечно, как вам удобнее.

Она бросилась в свой закуток, зажгла лампу, на официальном бланке значилось... «Капитан Алябьев Александр Ильич, находится на излечении ранения в госпитале №...» — Боже мой... он ранен, где найти этот госпиталь, на крыльях бы...

Прошёл сигнал на обед. Наверно Саша не пошла бы, но заглянул подполковник и силой увёл её в столовую.

— Пришли в себя?

— Так точно.

— Тогда после обеда вместо прогулки пройдем к «Птице», покумекаем, как её в воздух поднимать станем. Меня это очень беспокоит...

— Бедный самолётик, сколько тебе досталось?

— А его летчикам, думаю, ещё больше.

— Вы правы, Саша.

— Жалко, нет никого летающего...

От кустов лещины отделилась фигурка, подошла. То ли парнишка, оказалась девчонкой...

— Я последней на нём летала, даже в тылы приходилось.

— Дочка, а ты не шутишь?

— Не-а... меня вместе с ней списали. «Иди, рожай, сказали, а я на платформу и сюда... Не прогоните?

— Документы есть, героиня?

— А как же! Вот, глядите.

— И сколько беременности?

— Четыре месяца...

— С людьми общаться можешь?

— А как же. Я и стихи, и прозу читаю, и говорю свободно.

— Ну клад, прямо-таки. Пригрей её, капитан, пусть развлекает парней байками между службой.

— Есть, товарищ подполковник.

— Спасибо вам.

Так, в жизнь Саши вошла Алёнка Бай — кудрявое, вечно улыбающееся чудо. Закуток был маловат, но как-то разместились.

В первый день своей новой службы она охмурила всех мальчиков, а ког-

да рассказала одну из баек — готовы были на руках носить.

Когда Алёна, позавтракав, шла к самолёту, с клеем, планками и заплатами, если была свободна, Саша шла следом и внимательно смотрела, как та залечивала раны боевому другу.

Как-то она разоткровенничалась и показала свои награды — три боевых ордена и медаль «За мужество»! Вот тебе и скромница... Это в каких передрягах надо было побывать, чтоб заслужить всё это? Саша всё больше проникалась светлым чувством к подруге, а когда зашёл разговор с начальством — проговорилась о наградах Алёны.

— Да ты что? И документы есть?

— Не интересовалась...

— Надо написать в часть. Пока не тревожь, разберёмся.

А с ответом пришла посылочка маленькая. Позвали Алёну.

— Открывай — это тебе, из части. — Та взяла в руки посылочку, надрезала аккуратно бумагу, там была красная коробочка. У неё зашло сердце, дрожали руки, капали слёзы, когда она подняла крышку. Все ахнули, там лежала Звезда Героя и удостоверение.. Под коробком лежал приказ о награждении и благодарность за то, что рискуя собой и машиной, спасла полковника Красной Армии.

— Как? Он жив? Алёшка!!! — И отключилась...

— Вот так страсти... И не подумаешь, поглядите на неё — Герой, а?

А Саша достала аптечку и, намочив ватку, растирала виски подруги.

Алексей Гордеич Сацкий узнал, что Алёна жива, из фронтового «Голоса».

Сразу улетел в часть, а там готовили ответ на письмо, рассуждали, об этом, когда зашёл полковник, из-за которого столько шума было. А тот услышав последние слова, спросил:

— Где Алёна?

— Комиссовали, товарищ полковник.

— Почему?

— Зайдёте в мою конуру. — Она была на четвёртом месяце, вам понятно?

— Стоп... Ничего не путаете?

— Медицина, она знает.

— Почему, почему промолчала? Где её найти?

— В школе разведки, часть запишете?

— Так запомню. Спасибо. Дозаправите?

— С удовольствием.

Через полчаса самолёт набрал высоту и растаял под облаками.

УХАЙДОКАННЫЕ ВОЙНОЙ

Они шли в ночь, покачиваясь от выпитой самогонки. Храм в селе дело святое... Проня, родичка, тётка на третьем киселе лет двадцати трёх, солдатка, давно получившая похоронку, отплакавшая, обхаянная. Ох эти сельские языки, пообрубить бы; и Митька, только входивший в сок парняга, таких в селе — на разрыв! Полдороги прошли, до Десны ещё далеко, а ноги отказывают повиноваться..

— Мо заночуем... племяш?

— Так. Вона и копна добрая, хоть и прошлогодняя. Я мигом. Он приподнял край, выгреб ещё душистое, как хмель, сено, устроил кубло.

— Лезь, Проня, и я сёйчас...

Забрался, угрелся... Проня засмеялась во сне, что-то бормотала, искала рядом. Нашла руки его и так прижала к себе, что тот задохнулся было...

Долго-коротко ли занимались любовью, кто разберёт, а проснулись... Проня за подол, а там мокро... Она к Митьке:

— Что ж ты, зараза, наделал? Как ты мог?

— Так ты ж сама прижала так, что не отвертеться было, — сгреб её и поставил утреннюю точку.

Казалось всё, побаловались и забыли... А не тут-то было... Тянуло друг к другу невыносимо... А тут Проня всполошилась к бабке-повитухе...

— Э, дитятко, чего ране думала, поздно, рожать придётся... и где ты нашла такого, на кутке вроде не водится...

Крутилась, сомневалась, а время шло; боялась огорошить Митьку, а зря...

Тот подхватил её на руки и закружил по хате.

— Да опусти ты, шальной, уронишь.

— Ну нет, теперь не уроню, — и в тот же день перебрался к ней.

Юльке Евдошиной шел четвёртый годок, когда папке пришла повестка.

Собрали, отвезли в Мену, на сборный пункт, обмундировали, выстроили в две шеренги перед тем, как отправляться в лагерь...

— Евдошин, два шага вперёд! Почему вы скрыли, что у вас дочка малая.

— Так никто не спрашивал, товарищ командир.

— Покинуть строй, на вас пришёл запрос из колхоза. Добьём фашиста без вас. Удачи вам в трудах честных.

Вернулся Митя домой и на радостях заделал сына.

А какие радости в колхозе? От темна до полуночи, если трактору зажечь очи, не успел прикорнуть, а бригадир тут как тут.

— Давай, голуба, поднимайся, для фронта сражайся...

К Победе счастливая Проня уже третьим ходила. Митю забрали на пару месяцев для переподготовки, послали отряд в Гродно на разминирование, где-то там в сорок третьем упала бомба и не разорвалась, то ли замедленного действия, то ли что-то другое...

Командир взял с собой Дмитрия и Кошкина Ваню, одессита. Одели маты, щиты, каски, спустились в ямину к здоровенной бомбе...

Да, счастье бывает редко длинным... Их собирали по фрагментам, похоронили рядом. Как и не было Митьки и тех двоих. Привезли Проню. Вручили орден и медаль «За храбрость»... Плакала долго молодлица, да пора и меру знать, как говорится. Отправили домой.

Прибыла, как побитая... А там кутерьма. Павел явился, из мёртвых, нате вам! Одного похоронила, второго природа родила, хоть и безрукого, но живого, ране любимого. А тот с детишками, как нянька и они вокруг Павла, как цыплята.

Поздоровались Павел попытался поцеловать, но у Прони такой усталый вид был, что не решился, а та, накормив всю ораву, убежала на поле.

Встретились за полночь, он сидел на лавочке, кормил гнус летний, она присела рядом, взяла за руку...

— Прости, Паша, за жизнь проклятую.

— Не надо, любушка, всё я понимаю. Не мы одни в свете белом. И ты меня прости, приехал не один... сын при мне. Примешь?

— Что ж теперь спрашивать? Надо жить, Паша, детей поднимать. Пойдем до хаты. Тут Митька лесу заготовил для новой хаты.

— Отличненько, я при деньгах, наймём бригаду, поставим.

18.02.20

Иван Невыежев
(Россия, Москва)

КАК ПРАВИЛЬНО ТУСИТЬ В ЕГИПТЕ!

I

Началось все с того, что у старенького «Мерседеса», водитель которого любезно согласился подбросить меня по дешевке до аэропорта, на полпути задребезжало что-то под капотом. Поэтому несколько раз нам приходилось тормозить у обочины для того, чтобы интеллигентный старичок покопался в моторе, что, кстати, совершенно не влияло на подозрительный шум, который возобновлялся как только мы трогались с места.

— Ничего, потихоньку доедем, — приговаривал дедуля, беззаботно улыбаясь и косясь на меня сквозь толстенные стекла своих квадратных очков. Мне торопиться особенно было некуда. Электронные часы на панели показывали 15.30, времени у меня было достаточно. День стоял солнечный, с обеих сторон дороги мелькали деревья, на светло-голубом небе вырисовывались редкие облака.

Я летел в Египет впервые и, если честно, я вообще первый раз летел куда-то на самолете один, до этого я летал только с родителями в детстве, а когда они провожали меня в последний раз на съемки в другой город, то чуть ли не за ручку провожали до регистрации и долго махали вслед, когда я проходил паспортный контроль. Но мне уже 21, поэтому я решил, что на этот раз справлюсь сам. Я окончил институт и только вернулся со съемок из другого города, так что вполне мог позволить себе как следует отдохнуть. Зачем я поехал один, сам не знаю, наверное надеялся, что со мной произойдет что-то особенное и я не хотел, чтобы кто-то из моих знакомых помешал мне, в глубине души я догадывался, что все будет совсем обыкновенно и кланчил у Провидения послать мне небольшое приключение.

До встречи с чуваком, у которого я должен был забрать билет и путевку, я успел обменять немного денег, купить пленку по настоятельной рекомендации мамы, подтверждение моего счастливого отдыха, и крем против ожога максимальной защиты.

На всякий случай я решил заранее узнать, где проходит регистрация, и подошел к справочному бюро.

— Скажите, сегодня есть рейс в Египет в 18.30?

— А вы в какой город летите?

— Да я не помню.

— В Хургаду?

— В Хургаду? Наверное, да!

— Да, есть в 18.35.

— О! Точно, это должно быть мой.

— 49-51.

— Спасибо.

Там было много людей с табличками разных компаний, моей среди них я не заметил. Вышел на улицу, пошел дождь, я выкурил сигарету и вернулся обратно. Как раз подошел парень моей компании и начал раскладываться.

— О! Я первый, привет!

— А в какой город?

— Да не знаю.

— Как это!

— Да какая разница, просто найди мою фамилию.

— Нет, так нельзя...

Он начал искать мой конверт.

— О! Вот он. Держите.

— Спасибо.

Я пошел на регистрацию, занял очередь, за мной встала полная блондинка в розовых солнечных очках и такого же цвета джинсах, облегающих ее толстую попу. Она спросила:

— Вы в Хургаду?

— Ну да, ведь там все написано!

Я указал ей на компьютер, который висел над головами в начале очереди.

— Я просто хотела удостовериться.

Я прошел регистрацию, поднялся на второй этаж и прошел паспортный контроль, заглянул в дьюти-фри и уселся в зале ожидания, у меня было всего две сумки, поэтому я решил взять их с собой в самолет. Через полчаса всех стали пускать в самолет, он оказался огромным, три ряда по три кресла и два прохода, все толкались, разыскивали свои места. Еще через полчаса самолет удачно взлетел, парень, который сидел впереди меня, откинул кресло так, что мне некуда было девать колени, а через четыре с половиной часа самолет удачно приземлился и все, конечно же, захлопали, тут же мне позвонила мама. В аэропорту все начали пихаться, куда-то бежать, я еле нашел египтянина с нужной табличкой, он взял мой билет и начал что-то на нем писать ручкой, как вдруг глаза его изобразили ужас.

— Что?... — спросил я, улыбнувшись.

II

— Вы куда летите?

— В каком смысле?

— У вас Шарм эль Шейх, а вы прилетели в Хургаду!

— Что!

— У вас в билете Шарм эль Шейх, как вы прилетели?!

— Не знаю!

— Вы что не видели билет?!!!

— И что мне теперь делать?!!

— Как вас в самолет пустили?!!

Он хорошо говорил по-русски, только очень быстро и еще сильно возмущался.

— Вас надо обратно в Москву!

— Эй, погоди, какая Москва, я только оттуда, давай здесь все уладим! Доехать туда нельзя в этот как его там...

— Нет, это на другом берегу.

— О, небеса!

Он схватил мой конверт со всеми документами и куда-то убежал, я остался один среди снующей толпы. Вскоре он вернулся.

— Вы дайте мне 100\$, мы посадить вас на паром и отправить в Шарм эль Шейх!

— Сколько! А что здесь устроить нельзя?

— Мы поселить вас здесь, если вам понравится, я верну вам деньги, паром только через два дня.

— Ну хорошо, что мне сейчас делать?

— Идти туда, купить марка, потом туда — паспорт контроль.

И он снова усакал куда-то с моим желтым конвертом. Я купил марку, отстоял длинную очередь, что-то мне подсказывало, что ничего страшного не случится, они как-нибудь разберутся и все уладится, я особенно не беспокоился. Напротив меня в очереди стояла очень милая итальянка в легком платице, все остальные в очереди были русские, очередь была невыносимо длинная и какой-то пьяный мужик с пузом и в кепке набекрень начал громко возмущаться, почему нас тут так долго держат, потом он чуть не подрался с охранниками и у него забрали паспорт. Стоило ли лететь четыре с половиной часа чтобы столкнуться здесь с нашими, нет уж я пожалуй поплыву в Шарм эль Шейх, там говорят русских поменьше, а итальянцев больше. Эта итальянка с такой белой кожей и стройными ножками тоже иногда поглядывала на меня, вот бы нам оказаться в одном отеле, было бы славненько. Когда мы вышли на улицу, она подошла к другой табличке, я чуть было не поперся за ней, как же она мило молчала и тащила свой чемодан.

— Почему вы опаздываете?

— Не в тот самолет сел.

— Вам туда.

— А где тот, кому я отдал все документы и деньги?

— Он там, там...

Меня посадили в отъезжающий автобус, я буквально вскочил в него на лету. Было уже темно, всех развозили по отелям, я начал беспокоиться, мне не терпелось выяснить, знают ли они про меня, куда меня посылать и где мои деньги. На одной остановке я поинтересовался у сопровождающего, где мои документы и куда меня везут, он ответил, даже не посмотрев в мою сторону, что я завтра утром все узнаю у своего гида. Я начал возмущаться, требовал вернуть деньги и пытался выяснить, знают ли они, что я не туда прилетел, но он соорил недовольную рожу и отвернулся от меня. Все это начало сильно меня раздражать. Какой-то русский мужик, который выходил последним, посоветовал мне забрать у них деньги, конверт и самому добраться до Шарм эль Шейха на пароме, потому что они (по его словам) всех обманывают. Я остался один в автобусе, гид со мной не разговаривал, меня куда-то везли.

— Мне надо на паром!

— Только послезавтра!

— Сколько он стоит?

— Не знаю!

— Куда мы едем?

- В гостиницу
- Сколько она стоит?
- Ох, не знаю...
- Не надо меня никуда везти, отдайте мне деньги и конверт, я сам разберусь.
- Завтра твой гид.
- Не нужен мне гид! Где мне найти того, кому я все отдал?
- Не знаю!
- А кто знает?!?
- Кто виноват, что ты не туда прилетел?
- Ну я, наверное, но...
- Ты мне деньги давал?
- Я не...
- Ну и все!

Ну, вот мы и приехали. Он долго договаривался с ресепшеном, они что-то решали, кому-то звонили, и вдруг он собрался идти.

- Эй, постой, и что дальше?
- Ох, ох, завтра в той гостинице твой гид в десять!
- В какой?!

На улице была темнота.

- И как я туда дойду!
- Вон по той улице.
- И сколько идти?
- 5 минут.
- По той.
- Да! Импаир бич!

И он исчез.

Вот тебе и все, ни билета, 100\$ забрали, куда-то привезли, что-то наговорили, а если он мне наврал, я ведь не знаю как тут у них все, как же я был зол, вот уж эти мне египтяне, ничего не понятно. Мне дали номерок и еще эти идиоты на ресепшене посмеивались надо мной из-за того, что я сел не в тот самолет, им казалось это очень смешно. Меня даже не проводили до номера, я открыл дверь, а там ничего не работает, свет не зажигается, я чуть не лопнул от злости, даже двинул разок кулаком по двери, потом понял, что карточку нужно вставить в эту штуковину, чтобы все заработало. Как же меня все раздражало, приехал отдохнуть, завтра куда-то переться, чего-то выяснять, куда-то плыть, еще и деньги забрали, сейчас бы был уже в своем номере, разложился бы, спокойно отдыхал, искупался бы, пошел на дискотеку, а тут в гостинице ни души. Один я тут что ли поселился, где все-то? Хоть бы поговорить с кем-нибудь по-человечески на родном языке. Я выглянул на балкон, внизу возле бассейна сидела парочка, но они говорили на непонятном языке и казались так далеко, что пообщаться с ними не было никакой возможности, время было около часа ночи, я попытался успокоиться и решил дождаться утра, другого выхода у меня все равно не было. Нужно было ждать, а когда не знаешь, чего ждать, ожидание становится невыносимо, может завтра они скажут, что вообще не знают, кто я такой, и что ничего им не давал, кто знает этих египтян. С виду дикари какие-то и совсем не приветливые, а наоборот. Спать мне совсем не хотелось, нужно было

как-то развеяться, вдруг жутко захотелось покурить травки и с кем-нибудь познакомиться, я решил выползти в город, хотя было уже довольно поздно.

III

Я разворошил сумки, переоделся, достал свою фляжку, перелил туда виски, хотел взять с собой плеер, но батарейки сели. Я немного осмотрел гостиницу, ничего особенного она из себя не представляла, один небольшой бассейн, разделенный мостиком, пара пальм, с четырех сторон белые здания этажей в десять, один пустой бар, закрытый ресторан и холл у ресепшена, пара немцев и взрослая русская пара у бассейна. Я вышел из гостиницы и пошел направо, вокруг были только арабы, метров через двести был бар, который мне порекомендовали у ресепшена, там за столом сидело пять немок блондинок, давно вышедших из формы, они смотрели футбол, возле них толпились назойливые египтяне, какой-то местный спал у бара.

Я поднялся на второй этаж. Там из-за дыма почти ничего не было видно, египтянка исполняла танец живота, а вокруг нее местные курили кальяны, ни одного иностранца, я вернулся вниз, взял пиво, делать было абсолютно нечего. Я немного прошелся по улице, ни одного туриста, повсюду носились микроавтобусы, набитые местными, все кафе вдоль улицы еще работали, только они были пустыми, далеко заходить мне не хотелось, я боялся заблудиться и уже собрался повернуть обратно к гостинице, как заметил кафе, где местные старички в чалмах курили кальяны, среди них затесалась пожилая пара туристов, но явно не моих соотечественников. Я решил зайти, курить кальян мне не хотелось, у меня были другие мыслишки, официант с кальяном на подносе начал меня приветствовать и зазывать, старикашки поворотили свои обкуренные головы с затуманенными глазами в мою сторону, я отвел официанта в сторонку:

- Hello!
- Hello...
- Where are you from.
- From Russia.
- Sit down please.
- No, no Thanks, have you marihuana?
- Marihuana???!!!!
- Yes, yes I need marihuana!
- Oyo, no, no. Вы говорить по-русски?
- A! Да, да.
- Здесь не джермани и не холанд. Understand? Здесь нет марихуана!
- A! Understand, sorry!
- Buy.
- Buy.

Я допил пиво и направился к гостинице, попивая из фляжки виски из дьюти-фри, тут ко мне подлетели два местных парня лет по пятнадцать, одетых по-европейски, на ломаном английском мы познакомились, их в основном заинтересовала моя фляжка, они начали тыкать в нее пальцем и спрашивать что там, я предложил им попробовать, один сильно поморщился, а второй отказался и вскоре исчез. Тот, что остался, начал расспрашивать меня, чего я хочу,

я объяснил, что было бы клево дунуть, может, он знает где раздобыть, он, конечно же, сказал, что сейчас уже нельзя и он зачем-то начал расспрашивать всех взрослых вокруг, сидящих в кафе, выходивших из автобусов, проходивших мимо, всех, кто окружал нас на этом перекрестке, они, кажется, все были знакомы. Потом этот подросток показал, где находится его магазин, и сказал, чтобы я завтра к нему зашел, что будет и марихуана, и гашиш, и даже кокаин, а потом он начал кланчить у меня фляжку с российским гербом и, что, типа, как раз такой в его коллекции не хватает, я допил остатки и отдал ее ему, все равно она протекала, и я вечно заливал себе все штаны.

Дальше наше общение приняло критический характер, мы практически перешли на язык жестов и тараторили на родных языках (в английском он не очень-то преуспел), в знак благодарности он предложил мне девушку (когда узнал, что у меня нет девушки), поначалу это предложение меня заинтересовало, я слышал, что в арабских странах нет проституции, но потом я представил себе эту несчастную рабыню в чадре, которую заставляют спать с туристами и отказался, на что парень удивился и предложил мне самую крутую дискотеку в городе, которую все знают, посадил меня в микроавтобус, набитый исключительно местными в национальных костюмах, и пошел спать, сославшись на то, что ему завтра рано вставать на работу.

С меня потребовали пять фунтов, я дал десятку, меньше у меня не было, но сдачи так и не получил. Я забился возле окошка, каждую минуту автобус останавливался и кто-то выходил, а кто-то почти на лету запрыгивал, дверь практически не закрывалась, водитель все время кому-то сигналил, я не очень-то уютно себя чувствовал среди местных бедняков, переполнявших набитый автобус, меж тем я забыл название дискотеки, а водитель, скорее всего, и не подозревал о моем существовании, мимо проносились огни баров и магазинов, такси, мотороллеры и такие же микроавтобусы, улицы кишели египтянами, все было черно-желтое с большим преобладанием черного, отовсюду играла индийская музыка и разносились противные сигналы автомобильных сигналов. Я ехал без всяких документов, точно не зная куда, без гида в чужой стране и в неизвестном городе, ночью в автобусе, набитом арабами, пьяный и не представлял, как возвращаться обратно.

Минут через двадцать я начал беспокоиться и стал обращаться ко всем подряд в надежде, что хоть кто-нибудь понимает по-английски, пытаюсь спросить, знает ли кто, где находится какая-то самая известная дискотека, никто, конечно, меня не понимал, все только начинали переговариваться на своем языке. Как вдруг один парень моего возраста пролепетал что-то на английском, а потом выяснилось, что он еще и по-русски что-то понимает, оказалось, у него девушка немка и он долго удивлялся, что у меня нет девушки, ведь я из России, а там так много красивых девушек. Он выходил как раз на моей остановке и даже проводил меня до дискотеки, он так много болтал и так быстро, что я практически ничего не понимал, и мне хотелось скорее от него отвязаться, хоть он и выручил меня, у входа мы распрощались. Сквозь забор я увидел кучу людей, которые колбасились на пляже, все это вполне неплохо выглядело, возле входа теснились автобусы, в которые группами садились пьяные подростки. Охранник настоял на том, чтобы я заплатил за вход, но он назвал какую-то баснословную сумму, которой у меня с собой не оказалось, так как обратно мне предстояло ехать,

судя по всему, на такси. Пьяный и расстроенный, я вышел и тут же какой-то чувак предложил мне услуги таксиста, мы сговорились на пять баксов, мне даже удалось вспомнить название гостиницы. По пути я спросил у него на всякий случай про марихуану, а он сказал:

— Ок — 10\$!

Я сказал, что мне нужно будет зайти в номер за деньгами, мы домчали до гостиницы за пять минут, по пути куда-то завернули, он исчез в трущобе и принес кучу травы, завернутую в газету, и прямо по дороге, отпустив руль, пересыпал ее в маленький коробок. Я расплатился с ним, сгоняв в номер за деньгами, причем по дороге потеряв свой коробок, который он любезно нашел возле колеса своего драндулета и еще предупредил, чтобы я никому про это не говорил, а то у него могут возникнуть проблемы. В отеле я предложил покурить какой-то немке и ее другу, но они отказались, и я покурил его прямо возле бассейна, но, похоже, это была петрушка.

IV

Я проснулся с ощущением полной безысходности. Я знал, что сегодня мне придется решать миллион проблем, к тому же я понятия не имел, чем все кончится, и от этого с каждой секундой бодрствования мне становилось все хуже. Кое-как я оделся и вышел вниз, каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что весь вестибюль переполнен людьми. Я пробился в то место, где все завтракали, и, отыскав пустую тарелку, начал нерешительно перегружать ее едой. Кофе был растворимый и все остальные блюда отпугивали меня своим видом. Повсюду бегали дети, я чувствовал себя дико неловко, мне казалось, на меня все косились, obsлуга явно выказывала недовольство и даже не пыталась это скрыть, мне все здесь не нравилось. Я сделал пару глотков кофе, с трудом запихнул в себя пол-яйца и быстро покинул здание гостиницы, меня ослепило яркое солнце и я нырнул в настоящую египетскую жару. Под палящим солнцем мне предстояло добраться до той гостиницы, в которой меня должен был ждать гид, примерное направление мне вчера показал тот осел из автобуса.

Не успел я сделать и пару шагов, как на меня накинудись торговцы близлежащих магазинов, вначале они никак не могли меня поделить, а потом самый наглый из них дотошно выяснил на ломаном английском, плавно перешедшим в ломаный русский, основные подробности моей биографии и насильно затащил меня в свой дурацкий магазин. Заставил выслушать, какая замечательная страна Египет, как он любит русских, предложил миллион экскурсий и хвастался каждой дурацкой статуэткой. Мне пришлось мило улыбаться, изображать интерес, для приличия я повертел в руке какую-то статуэтку, а потом, долго извиняясь, я убежал из его магазина, в тот момент, когда он хотел заставить меня писать в его дурацком журнале о том, какой у него замечательный магазин. Со скоростью света я пролетел мимо остальных торговцев, поджидавших меня у выхода, и, перелетев на другую сторону, скрылся за домом.

Моему взору представилась длинная улица, с одной стороны которой был белый забор и палящее солнце, а через дорогу нескончаемое количество магазинов, занимавших первые этажи невысоких зданий, и тротуар, прикрытый козырьками, в тени которых стояли и сидели на стульях многочисленные тор-

говцы. В конце этой улицы я разглядел нужный мне отель. Быстрым шагом я пошел вдоль забора. Назойливые продавцы перебежали дорогу и тянули мне свои руки, я не мог отказать им в рукопожатии и после краткого диалога я успевал сделать пару шагов, как на меня набрасывался новый гад. Последних я миновал ускоренным до спортивной ходьбы шагом, обходя их, как флажки.

Спрятавшись за стеклянными дверьми отеля, я долго матерился и топтал свою кепку, от чего на меня глазели соотечественники, ждавшие на диванах гида и вытиравшие пот со лба носовыми платочками. О такой особенности местного населения меня не предупредили, вот бы вспомнить, какой идиот отговорил меня лететь в Турцию, утверждая, что в Египте круче.

Озлобленный, я рухнул на диван, я был весь насквозь мокрый от пота, от жары кружилась и болела голова, курить совсем не хотелось, но пришлось, чтобы успокоить нервы, и пока дождался гида, молодого парня в синей рубашечке с галстуком в очках и с портфелем, выкурил все свои сигареты.

Я набросился на него, почти на безупречном русском он пытался охладить мой пыл, вводя меня в еще большее бешенство, он сказал, что к моей проблеме приступит лишь после того, как разберется со всеми остальными вновь прибывшими отдыхающими. Три часа я сидел и мучился от невыносимой жары в маленьком душном холле, ненавидя себя, его, всех туристов, которым он рассказывал о замечательных экскурсиях, предлагаемых его компанией. Египет и весь мир и истекал потом. Наконец, разобравшись с дотошными отдыхающими, гид приступил ко мне. Вначале он долго не мог понять, как такое вообще могло случиться, пытаясь как-то разъяснить себе абсурдность ситуации, он размышлял:

— Если я лечу в Россия, я знаю в какой город я лечу, Москва или Санкт-Петербург, в моем билете написано, как я могу перепутать?

И он смотрел на меня с презрением и недоумением. Мне нечего было ему возразить. Я был самым тупым русским, посетившим Египет за всю историю человечества. Не было смысла рассказывать ему все в подробностях, в основном, я опирался на то, что летел на самолете впервые в жизни. Наконец, разъяснив для себя проблему, он начал нервно курить и звонить по телефону, неуверенно расхаживая по холлу. Я стрельнул у него сигарету и, томясь в ожидании, прирос к дивану. Основная проблема заключалась в том, чтобы найти того человека, которому я отдал свой конверт и сто баксов в придачу, и таким образом удостовериться в моей истории. Примерно через полчаса гид все уладил, сочувствовавшие отдыхающие и девушка аниматор, невольные свидетели моего позора, поздравили меня с решением проблемы. Гид сказал, что тот чувак объявился и всё подтвердил, 100\$ пошли на гостиницу и паром, на котором меня сегодня в три ночи переправят через реку и далее отвезут в ту гостиницу, куда я должен был попасть вчера. Я был почти счастлив.

После этого гид сказал, что обе эти гостиницы (та, где мы находились, и та, в которую меня поселили) принадлежат одному владельцу и сегодня я могу пользоваться пляжем этой гостиницы, потому что у той гостиницы, куда меня поселили, пляжа нет.

Еще он повел меня по улице и показал магазин, где продаются дешевые сигареты, в моей гостинице нам нужно было сделать ксерокс моего загранпаспорта, чтобы уладить какие-то там формальности. Я почти с ним подружился, на-

строение, конечно, улучшилось, я категорически изменил свое отношение к Египту, я даже почти привык к жаре, мы шли к гостинице и беззаботно болтали.

— А сколько звезд у того отеля в Шарм эль Шейх, где ты должен был быть?

— Пять.

— А, тогда понятно, почему ты так нервничать, ведь у того, куда тебя поселили, только две.

— А почему у вас все девушки носят платки на голове?

— Не все, только те, кто исповедуют ислам, вообще-то в Египте много христиан... Да, кстати, ведь обратный билет у тебя?

— В смысле?

— Ну, он должен быть у тебя.

— С какой стати, я отдал его тому чуваку в аэропорту?

— Нет, он у тебя.

— Нет, я его отдал с желтым конвертом.

— Он сказал, что ты дал ему 100\$, билет, с которым прилетел, но обратный билет не отдавал.

— Что за бред!

Глаза мои налились кровью, я почти потерял контроль над собой, ладно я перепутал рейс, в аэропорту тоже, между прочим, ошиблись, но вот обратный билет это уже чересчур.

— Ну, и сколько он стоит, этот обратный билет, еще баксов сто?

— Я думаю, сто пятьдесят.

— Что???

— Вы сели не на тот самолет, значит и билет могли потерять.

Мысленно я уже топтал его ногами, сломал хребет о коленку и вырвал язык из оторванной головы, я чуть не задушил его на месте, он даже попытался, сжимая в руке свой чемоданчик, а его вспотевшие очки съехали на правое ухо.

— Только не надо нервничать, вы сами виноваты.

В гостинице я лично переговорил с этим вором по телефону, но переговоры ничем не увенчались, этот козел все отрицал, я снова нервничал и злился, матерясь на весь холл.

— Не надо нервничать, проверьте сумки еще раз, вы приехать в Шарм эль Шейх, там вам дадут билет...

Я перевернул все сумки, но ничего не нашел, оставалось только скорбеть по поводу неудавшегося отдыха, правда, та русская девчонка-аниматор сказала потом, что, возможно, мне не придется платить за утерянный билет, а просто нужно позвонить в Москву и объяснить ситуацию и, может, они бесплатно вышлют новый, мне очень хотелось в это верить.

На прощание гид еще раз напомнил мне, чтобы я не проспал, когда за мной придут, чтобы отвезти меня на паром, и скорчил рожу, выражающую неприязнь, при этом, подергивая головой, как-будто у него нерв защемило. Ведь, если разобраться, он вообще не должен был мной заниматься, мой гид ждал меня на другом конце реки, конечно, тот ублюдок, что стырил мой билет, загонит его и как следует на этом наварит, просто у них тут законы дикие и за кражу могут руку отрубить, а мне не хотелось, чтобы из-за меня кому-нибудь, даже этому ослу, отрубили руку.

V

После всего этого мне срочно нужно было окунуться, я вернулся в свой отель, взял полотенце и поплелся на пляж, назойливые продавцы решительно договорились меня доконать:

— Джермани?! Холанд?! Рашен?! — кричали они вслед.

— О! Русский, — и они доканывали меня своей болтовней и всем прочим, один выпросил у меня зажигалку, а в обмен сунул скоробоя на веревочке, который тут же развалился.

Все шезлонги были заняты и никто не обращал на меня внимания, некоторые русские девушки загорали топлес, немки сзади были похожи на парней, а симпатичные итальянки кричали и хохотали в больших компаниях.

Я искупался, съел пиццу в кафе на пляже и вернулся в свой отель. День только начался и делать было абсолютно нечего, на улицу выходить было неохота из-за этих приставучих торговцев, главный бассейн в моем отеле был закрыт, вокруг него накрывали столы к ужину. Я решил позагорать возле второго бассейна поменьше, который находился под моим окном. Я глядел по сторонам, все симпатичные девчонки были с парнями, но, в основном, здесь отдыхали семейные пары, скукота поглотила меня, я отчаялся и заснул возле бассейна, погрузившись в мечты.

Через пятнадцать минут я проснулся и пошел к себе в номер, там совсем не сиделось, я попереключал каналы и снова пошел на пляж, там играли в баскетбол, я посмотрел игру, одиночество было невыносимо, я начал общаться с собой на ломаном английском и жаловаться себе о всех своих несчастьях, здесь меня никто не знал и я мог вести себя как угодно, но я почему-то оставался собой и всего стеснялся, от волейбола мне стало еще грустней и я снова пошел в свой отель. От продавцов я отмахивался, изображая, что я куда-то срочно тороплюсь. Правда, одному лысому здоровяку в очках, как у терминатора, больше походившему на местного бандита, я все же не смог отказать, и он долго меня мучил, показывая свой магазин, там оказалось много его друзей, таких же пузатых бандитской наружности мужиков, и я уже думал, что он никогда меня не отпустит, но стоило ему разжать свою потную лапу, как я убежал, клятвенно обещая, обратиться к нему, как только надумаю погонять по пустыне на квадрациклах.

В отеле я переоделся и спустился к ужину, наелся до тошноты и снова поперся в тот отель, где должно было быть шоу, днем какой-то паренек на пляже сунул мне пригласительный билет. Все оказалось еще скучнее, чем я предполагал, две русские девушки и два египтянина паренька показывали какую-то чепуху, разыгрывали тупые сценки из жизни отдыхающих, изображали звезд шоу-бизнеса, так что даже дети не смеялись, и все это длилось довольно долго, разве что один из них, худощавый египтянин, не так уж плохо изображал Майкла Джексона, я сидел в баре, накачиваясь пивом и глядя в свое унылое отражение, а потом пошел на пляж, не досмотрев до конца. Уже давно было темно и на небе появились звезды, вдоль пляжа стояли шезлонги и две иностранки о чем-то болтали, я пристроился неподалеку и откинулся, уставившись под козырек зонтика, а когда и они ушли, я чуть не умер с тоски и уже совсем пьяный еле доволок ноги до своего отеля. В три часа

ночи за мной приехали двое египтян и, погрузив меня вместе с сумками в свою развалюху, довезли до парома, на который я благополучно зашел, ничего не перепутав.

Я занял место у окна и выкурил пару сигарет на палубе. Какие-то шейхи с кучей жен в чадрах и маленькими детьми разгружали свои черные джиппы и загружались на паром, я вернулся на свое место и заснул до того, как паром отчалил.

VI

Я проснулся от того, что что-то большое и железное громко ударилось об пол. Когда я открыл глаза все пассажиры, выкрутив свои шеи и приподнявшись с мест, смотрели в хвост корабля, пытаюсь разглядеть, что же рухнуло, я тоже обернулся, но ничего не увидел. Паром сильно мотало из стороны в сторону, я зафиксировал рассвет за бортом, силуэты гор вдалеке и огромные волны, которые заливали всю палубу и запросто могли смыть любого, кто там находился, но все сидели внутри, на своих удобных сидениях, вцепившись в подлокотники. Последнее, что я видел перед тем, как уснуть, это штиль, темноту и огоньки. Я снова попытался уснуть, пристроившись на своей сумке, которую впихнул между сидением и стеклом слева. Сон совсем не прошел, даже напротив, но паром так подпрыгивал на волнах, что можно было легко оторваться от своего мягкого кресла и достать головой до потолка, при этом сделав сальто в полете, и после всего приземлиться обратно на свое место, к тому же со всех сторон доносились какие-то невнятные звуки. На фоне звуков волн, бьющихся о борт парома, я различил шуршание сотни бумажных пакетов и откашливание пассажиров. Почти все блевали. Эта мысль отчетливо проступила сквозь мутную пелену моего сонного сознания, от нее мне сделалось невероятно забавно. Половина пассажиров, что не дрыхли, скрючившись, нависли над бумажными пакетами. Я посмотрел за окно, лодка делала несколько небольших скачков, промежутками в несколько секунд, после чего, выдержав более значительную паузу, подпрыгивала гораздо выше, этот рисунок продолжался, не меняясь.

— БуЭ-э-э! Ю-Э-э-э! Ахэ...агхе! Чтоб я еще раз в этот паром сел!!! Юэээ., — слышалось со всех сторон.

Бедные пассажиры, их изнуряла морская болезнь. Хорошо, что на меня это не действует, а подпрыгивать на своем месте каждый раз во время большого скачка — довольно весело. Я закрыл глаза и склонился над сумкой, но заснуть у меня не получалось. Когда вокруг пара сотен человек откашливаются и шуршат пакетами, невозможно избавиться от мыслей о блевотине и становится как-то не по себе. У меня даже в животе заурчало. А вдруг меня тоже сейчас как затошнит, ведь у меня рядом даже нет нигде специального пакета! И я даже спохватиться не успею, как заблую тут все вокруг, и себя, и сумки, и египтянина, который спит справа. Эти мысли не давали мне покоя, я даже разволновался, вдруг мое внимание привлек египтянин, который из всех сил, вцепившись в свой переполненный пакет одной рукой, второй держался за края сидений и протискивался по проходу. Его кидало во все стороны, пассажиры шарахались от него, когда он склонялся над ними со своим пакетом. Наконец, добравшись до конца зала, он собрался пойти в коридор, где

располагался мужской туалет, но, как раз в этот момент лодка подлетела на большой волне и бедного египтянина откинуло назад, развернуло и затем резко бросило прямо в проход, который в этот момент находился за его спиной, и так получилось, как будто бедный египтянин улетаел в пропасть. В этот момент стоящий возле входа в коридор еще один египтянин с пакетом и читающий какую-то инструкцию, видимо, ожидающий очереди в туалет, замечает улетающего в проход и пытается помочь, протянув руку, но не удерживает равновесия, вспоминает про свой собственный пакет и отдергивает руку. Тот, не успев ухватиться, улетаел так, что все только успели разглядеть вытянутую руку с пакетом, исчезнувшую в черноте коридора. Как раз лодка нашла на волну и тот, что пытался помочь, сам улетаел вслед за первым, размахивая руками. Никто не пошел проверить бедолаг. Вдруг я начал хохотать, стоит ли говорить, что в подобной ситуации это было слегка неуместно, когда я представлял, что там с ними в этом проходе, в каком они там положении, бедные, смех прорывался, и чем больше я себя сдерживал, тем труднее мне было остановиться, истерический гогот уже невозможно было скрыть от окружающих, все косились на меня с недоумением, но, вероятно, так сказался стресс последних дней.

VII

Мой отель, в который я, наконец, попал, поразил меня своей роскошью, я поселился в номере на первом этаже с балконом, выходящим на пальмы и клумбы, по всем параметрам он превосходил ту дыру в Хургаде, множество дорожек сплетались и запутывались среди пальм, беседок, бассейнов и ресторанов, выводя к пляжу с длинным пирсом, под которым стайками плавали разноцветные рыбки, и еда там оказалась гораздо вкуснее, и её было намного больше. В первый же вечер за ужином со мной заговорила одинокая блондинка, соотечественница с покрасневшим лицом.

— Молодой человек, вы один... Я наконец-то услышала знакомую речь!

— Да.

— О! Как здорово, я тоже! Вы не хотите... А, впрочем, я сама к вам подсяду, если вы, конечно, не возражаете!

— Нет, конечно, пожалуйста...

— Я тут уже пару дней и совсем заскучала, а вы когда приехали? Я вас раньше не замечала.

— Я только сегодня, я по ошибке сел не в тот самолет...

— Не может быть, как это, ведь такого не бывает!!!

И я полчаса смешил её своим рассказом, она хохотала и улыбалась, глядя на меня через свои приспущенные узкие очки, а когда моя банка с кока-колой не открылась, хотя алюминиевое колечко было мною оторвано, а колой из другой банки, которую мне принесли взамен, я конечно же облился, она расхохоталась пуще прежнего. Она оказалась набита всякими страхами и фобиями и явно нуждалась в мужском обществе и опеке. Она рассказала мне миллион историй, о том как все пытаются её изнасиловать и, что она еле выбила себе номер на втором этаже, чтобы никто к ней не перебрался через балкон, поскольку она любит спать голой и с открытым балконом.

В конце нашего ужина я предложил добить остатки моего виски на пляже под звездами, но она позвала меня к себе в номер, правда, заверив для предотвращения всяких конфузов, что она девушка приличная и, чтобы я ничего такого не подумал, мотивировав свое предложение шикарным видом на море со своего балкона.

Вообще-то, если честно, не такая уж она была и красавица и довольно часто меня перебивала, не дав довести мысль до конца, и еще все эти её истории, о том как все её домогались, немного меня настораживали, при всем при этом она слишком часто хохотала и почти всё время улыбалась, первое мое восторженное впечатление было уничтожено, когда она потеряла винтик от своих солнечных очков, и почти в полной темноте мне пришлось искать его на тропинке, которая ведет от основного здания, где находится ресторан, до ее номера в другом конце территории отеля, уж поверьте мне это совсем не близко. Винтик я так и не нашел, зато починил её очки, вставив вместо него острое зубочистки, чем снова её рассмешил. А к тому моменту, когда мы скурили остатки моей травки и допили виски, только начиная дуреть у нее на балконе, выяснилось, что в одиннадцать часов, т.е. через пятнадцать минут у нее назначена свиданка с главным администратором отеля, с которым они встречаются за воротами отеля, чтобы у него не возникло проблем с работой, он очень странно на меня посмотрел, когда я передал её ему в руки, провожая через всякие задворки отеля, он обещал показать ей город и все в этом духе. Конечно, я был от этого не в восторге, и остаток вечера провел на одном из сотен свободных шезлонгов, выставленных вдоль берега, накачиваясь пивом.

Утром она окликнула меня на пляже, когда я с маской, трубкой и одной ластой, потому что вторая лапа единственной оставшейся пары моего размера была, конечно же, потеряна (но это меня уже не удивило), взятой мною на прокат, шел разглядывать рыбок. И она разулыбалась во весь свой зубастый рот еще больше покрасневшим лицом, нет, загорать ей было явно противопоказано. Она даже заняла для меня соседний шезлонг, на котором мне пришлось временно развалиться. На нее совершенно не произвело впечатление то обстоятельство, что я окончил театральное училище, это даже как-то расстроило её, а когда я решил похвастаться, рассказывая о фильмах и знаменитых актерах, с которыми мне довелось столкнуться, то она как будто даже не слушала меня, постоянно перебивала и склоняла разговор к своим житейским проблемам или своей скучной работе, или делилась своим посредственным и тупейшим мнением о некоторых знаменитых актерах, в общем, без малейшего стеснения она склоняла разговор на свои любимые темы и не утруждала себя делать вид, что ей интересно, что по этому поводу думаю я. Еще она несла полную чепуху, рассказывая мне о своих достоинствах и недостатках.

— Вообще, все говорят, что у меня единственный недостаток. Это то, что я всех перебиваю...

— Да уж это точно.

— Что?

— Ничего.

— Да, но я считаю, что это не самое страшное и плохое, что есть в жизни...

Но этого было вполне достаточно, чтобы оттолкнуть от себя кого угодно, и довольно скоро мне стало невмоготу, да и в купальнике её покрасневшее тело

выглядело далеко не привлекательным, оно было просто не достойно подвигов, хотя спереди все выпирало в разные стороны, но сзади форма её ног напоминала песочные часы, с преобладанием целлюлита, поэтому я, не тратя на нее время, пошел нырять с маской. Типичная блондинка, чего она ко мне привязалась.

— Мой единственный недостаток, то, что я всех перебиваю, а еще много болтаю о всякой чепухе, вернее, несу полную ахинею, вульгарно и нелепо смеюсь, как дура, все время улыбаюсь, некрасивая и тупая!

Днем мы поехали в город, мне нужно было найти Вестерн Юнион из-за моих непредвиденных трат, некоторые продавцы предлагали купить у меня её за сто пятьдесят верблюдов, хоть эта цена и казалась мне явно завышенной, время от времени я всерьез раздумывал об этом. А вечером она потащила меня на дискотеку в самый дальний конец отеля, потому что многие обитатели рано ложатся спать и громкая музыка им, видите ли, мешает, кажется, мне снова повезло и я попал на этот раз в пятизвездочный отель для старперов, эту дискотеку проводил наконец приехавший аниматор-итальянец, но не успел я заказать пиво, как все уже закончилось. Пока итальянец собирал аппаратуру, многие еще не расходились и вертелись возле бара. Среди прочих я разглядел одну симпатичную светловолосую русскую девчонку, примерно моих лет, еще днем я видел её в компании каких-то пузатых русских мужиков. Я тоже решил пока не уходить и посидеть возле бара, допить пиво.

— Ты, кстати, поосторожней тут, хочу тебя предупредить, видишь ту костлявую высокую из России, она тут подсела к моим знакомым, ну видел, наверное, пузатые такие дайверы, и пошла с одним в номер, они провели ночь, а утром она потребовала с него денег, ну, он её, конечно, выпихнул из номера, наверное, приехала на заработки, так что осторожнее...

От блондинки было не отвертеться. Со стороны выглядело, как будто мы пара или что-то вроде того, убивать с ней время мне уже надоело, поэтому терять мне было особо нечего, я сказал, что хочу спать, и пошел к себе.

Днем я скрывался от нее в пиццерии, запрятанной под главным бассейном, и в пещере с джакузи, на территории отеля было полно укромных местечек, замаскированных пальмами. Вечером она настигла меня в баре, у большого танцпола, где вот-вот должен был начаться конкурс мисс отель. Она уговорила меня перебраться на пальмовый островок в центре главного бассейна и, валяясь на шезлонгах, наблюдать за конкурсом, попивая её виски с колой. Мне нефига не было видно, и понадобился бы, как минимум, бинокль, чтобы разглядеть конкурсанток, там были самые красивые девчонки отеля, правда, самой старшей из них едва стукнуло четырнадцать. Они вертели попками и танцевали танец живота, оказалось, конкурс был почти детский. Наверное, она специально затащила меня в такую даль, я не скрывал своего безразличия в отношении её персоны, но соблюдал правила хорошего тона от воспитанности. Мы лежали и смотрели в сторону веселья, хотя этот долбаный конкурс не был воплощением ума и сообразительности, я наливал себе виски, разбавлял его колой, не забывал про блондинку, она с чего-то закурила и начала стрелять у меня сигареты, и вдруг она сказала таким голосом, неестественно пониженным с придыханием.

— А, кстати, почему ты приехал один? Если не секрет...

— Так, надоели все...

— У... А... а хотя... скажи сколько по-твоему мне лет? Ведь ты задумывался об этом... наверняка?! Да? Ну!

— Ну... я...

На вид ей было лет 35, хотя она бы и на сорок с хвостиком потянула, судя по фигуре, неудобно было как-то ей это говорить, но сказать двадцать язык не поворачивался, подумает я вру и комплимент завешиваю, остроумного тоже на ум ничего не пришло, я сказал:

— Тридцать!?

Решив скинуть пяток.

— Что!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Она аж подпрыгнула на своем шезлонге.

— Сколько???!!!!!!

Не унималась она, еще она начала почему-то кричать и вся задергалась, как будто её мурена в попу укусила.

— Мне вообще-то двадцать пять только, и все мужчины мне дают гораздо меньше еще!!!

Наверно, это ее так краснота состарила. Она резко отвернулась от меня, сложив руки на груди, надула щеки и смертельно оскорбилась. Мне, конечно, было очень неудобно, вот так уж не ожидал, всего 25, кто бы мог подумать, зато понятно теперь, почему она такая глупая, да она и не намного меня старше оказалась. В глубине души я, конечно, хохотал, еле сдерживался. Но теперь она от меня точно отстанет, кажется, я ей случайно отомстил за её назойливость. На этом наше общение закончилось. Мы в полном молчании досидели до конца конкурса, она забрала остатки виски и, буркнув друг другу «пока», мы разошлись по номерам.

VIII

Весь следующий день я бездельничал, валялся в номере, смотрел 1-й канал, даже на пляж не ходил, было лень, к вечеру я так отчаялся и уже смирился с тем, что отдых мой катится к..., большая его часть позади, а со мной еще не случилось ничего интересного. Днем, когда возвращался с обеда, снова столкнулся взглядом с той худощавой, белокурой девушкой, про которую мне рассказывала эта дура, я её, кстати, тоже видел за ужином, мы кивнули друг другу ради приличия и я сел за столик подальше от нее, как-то не хотелось верить этой дуре о том, что она наговорила. То есть я ведь не мог быть до конца уверенным, что она не придумала все это, но даже если бы это было так, мне было все равно.

Вечером у бара появилась русская девушка-аниматор, не знаю, почему они начали работать только в этот день, в любом случае, это была приятная неожиданность, потому что всех желающих за 12 евро на специальном автобусе отправляли на какую-то крутую дискотеку с бесплатным напитком и пенным шоу. Естественно, я был в их числе и, к счастью, блондинка не поехала. Среди грузинской семьи, толстой мамы и двух малолеток дочек, одетых в стиле хип-хоп, и еще каких-то людей я разглядел симпатичную брюнетку с модным хаером в стиле диско, она даже по-моему что-то невзначай спросила у меня пару раз, и еще какой-то пятнадцатилетний парень привязался ко мне, все стрелял у меня сигареты и стремался, чтобы его не засекли предки, короче, мы с ним

в пути скорефанились и были, не считая водителя, единственными парнями во всей этой группе, все немного описались, когда водитель поехал незнакомой дальней дорогой и решили, что нас собираются украсть. В основном девчонок, но я был готов отразить нападение, потому что уже заправился пивком, пока ждал, когда все соберутся возле бара.

Эта брюнетка запала на худощавого негра и вертелась возле него, поэтому я решил, что мне тут ловить особо нечего, и пошел менять жетон на пиво, народу было — не продохнуть, в основном компании богатеньких египтян-подростков, всяких разных девиц и каких-то европейских зомби, но клуб оказался, и правда, крутым, во всяком случае, я ничего подобного прежде не видел. За стойкой отстояв где-то полчаса, ко мне обратилась русская малолетка с пропитым лицом.

— Эй, чё, мля, русский, здорово корешь, п...ец, да, какие-то сраные круглешки раздали и ещё полчаса торчать за вонючим пивом в очереди говенный египед, полный отстой, а не дискачь, надо как следует нажраться!!! Три часа в очереди на вход провести, чтобы на такой отстой нарваться, во б..., кидалово!!!

— Да, это точно...

Как нельзя лучше она охарактеризовала все происходящее.

Получив пиво себе и тому мелкому, я смылся поскорее, хотя у меня были все шансы стать ее кавалером на этот вечер. Она явно была из какой-то группы, которую привезли сюда большим автобусом, и рядом с ней было ещё полно таких же подростков лет по 17. Я вернулся к малолетке и брюнетке, этот шкет залпом осушил свое пиво и тянул свои клешни к моему, пришлось ещё потратиться на пару банок, которые я постарался выпить до того, как столкнулся с ним снова, но этот алкаш нашел меня и, выхватив остатки, в момент с ними расправился, пока я ходил сюда-туда, я снова столкнулся с той приятной девчонкой из нашего отеля, хотя в микроавтобусе её с нами не было, это произошло так неожиданно, мы шли в разные стороны и успели только выпучить глаза, но даже не обмолвились приветствием. У неё был странный взгляд, как будто она была слегка пьяна или что-то вроде того, я бы не сказал, что она была какая-то особенная красавица, но что-то в ней было. Как следует окосев, я пошел разыскивать ту мелкую матершинницу, мне неожиданно захотелось с ней переброситься словечком и я даже стал себя винить в том, что пренебрег её вниманием у стойки, проверив все закутки этого огромного клуба, большая часть которого находилась под открытым небом, и не найдя ее, я решил отыскать загадочную дистрофанку из нашего отеля, но и она больше мне не встретилась, совсем отчаявшись, я поперся в пену и там нашел грузинок, которые отбивались от назойливых подростков-египтян, а мама их давно поехала спать, я решил заступиться и сказал, чтобы парни отвалили, хотя те были и не ровесники мне, но их было много и они были местные, я назвался их братом, хоть внешне у нас было, мягко говоря, мало общего, шпана отвалила и девчонки меня поблагодарили. Потом мы напались с малолетним алкоголиком и брюнеткой, которую отшил негритос, и когда нам там надоело, мы нашли гида и поехали обратно, окончательно скорифанившись в пути. Спать никому не хотелось, и мы пошли курить кальян за один евро, под русскую попсу 90-х мы развалились на топчанах и болтали о всякой чепухе, мелкий гнал полный пурген в основном о том, какой он крутой бандит и всякие гадости. Это бросало в дрожь брюнетку и она пыталась его застыдить. Я молчал, а грузинки пошли к себе, и мы договорились

встретиться попозже на пляже. В общем, между мной и этой брюнеткой чего-то такое как-будто завертелось, мы вместе фоткались в обнимочку, спать мы пошли очень поздно, все по своим номерам.

IX

На следующий день мы с брюнеткой и этим малолетним алкоголиком поехали в город, пошляться там, купить сувениров. Зашли в пиццерию, купили там всего, этот мелкий использовал нас, как отвлекающий манёвр, и натырил кучу всякой мелкой фигни, чем был очень доволен. Всю дорогу она зачем-то рассказывала мне про своего начальника, какого-то крупного бизнесмена, у которого нет свободного времени, а она, вроде, его секретарь и вся её жизнь принадлежит ему, но, правда, он за это неплохо платит, её, кажется, не очень-то радовало, что у меня нет никаких особых планов на будущее, что я ещё толком не определился, чем хочу заниматься, и она навязывала мне свою точку зрения, а в остальном, в принципе, была ничего.

Потом мы немного поторчали в маленьком бассейне с подводными фонтанами, который находился в помещении в виде пещеры, одно из мест, где всегда было прохладно и где я прятался от блондинки с покрасневшим лицом, там возник такой момент, она попросила меня посадить её, чтобы вылезти, и когда я взял её под попу и подтолкнул из воды, она сделала вид, что выскользнула и, развернувшись, упала на меня, успев положить руки мне на плечи так, что наши лица оказались друг напротив друга. Наверное, мне стоило её поцеловать, времени у нас было мало, завтра вечером я уже улетаю и мы оба это понимали, но этот ее способ ускорить события... был как-то уж чересчур неестественный, играть в то, что мы влюблены... Ничего такого я и близко не испытывал, я бы предпочел напиться вместе и провести ночь, но она, кажется, была из тех, кто предпочитает скрывать все за трехметровым слоем неестественных притворств, чтобы всё случилось, мне, наверное, пришлось бы изображать влюбленность и ухаживать, как будто у нас зарождаются отношения, и, наверное, еще обещать, что в Москве мы непременно встретимся, но мне почему-то этого не хотелось. Вечером мы договорились встретиться на пляже, попить пива и поиграть во что-нибудь.

После ужина я пошел посмотреть, во сколько завтра мы отъезжаем от гостиницы, и встретил ту самую высокую худую девчонку, похожую на модель, про которую мне наговорила всяких гадостей тупая блондинка. Мы столкнулись чуть ли не лбами, когда пытались разобраться в этих таблицах на стене возле ресепшена, она посмотрела на меня значительно и спросила:

— Ты случайно не завтра уезжаешь?

— Да.

— А ты не знаешь во сколько? Я тут ничего не понимаю.

— В шесть тридцать приедет автобус.

— О, здорово, а что ты делаешь? Мои друзья все уже уехали и я не знаю, чем заняться.

— Хочешь пойдем с нами, мы собирались попить пиво на пляже.

— Да, хочу.

Брюнетка была явно недовольна тем, что я пришел не один, и не слишком это скрывала, но мою новую спутницу это не смущало, она держалась незави-

симо и естественно, грузинки втыкали на море, этот мелкий рассказал, что у соседнего отеля женщине акула откусила руку, а новенькая сказала, что в прошлом году в море напротив нашего отеля упал самолет и акулы всех пожрали, а я еще слышал, что под нашим пирсом видели мурену, в общем, мы пошли искупаться к главному бассейну, брюнетка рано пошла спать, сославшись на то, что приболела, а мелкий все время брызгал белокурую новую знакомую, иногда мы вылезали покурить, потом снова залезали в воду, уже было довольно поздно и вокруг было мало людей, но расходиться нам не хотелось, это был наш последний вечер. Вдруг она негромко запела:

Зачем пошла ты в проститутки.

Могла бы стать водителем маршрутки...

И что-то дальше, не помню, в таком же духе, что-то тихое и грустное, я раньше такой песни не слышал. Этот мелкий окатил её в этот момент водой и крикнул:

— Ты что, проститутка?

Вот осел. Херня заключалась в том, что, учитывая то, что мне рассказала блондинка, это действительно могло быть правдой. Она потушила сигарету, прыгнула в бассейн и начала топить мелкого.

Этот идиот по какой-то причине не мог показываться в своем номере, потому что он должен был прийти домой несколько часов назад, и теперь ему полагалось получить по полной программе, он умолял нас не прогонять его и, забравшись на мою кровать, отрубился через минуту прямо по центру, так, что нам пришлось лечь по краям. Мы лежали так довольно долго, телек временами наполнял темную комнату синим светом, мы вышли покурить на балкон и не сказали ни слова пока курили, мы слишком мало знали друг друга и это было обидно. А потом снова вернулись в комнату и легли по краям, а утром так и проснулись. Это был самый веселый завтрак, за большим столом собрались все, включая грузинку и победителя конкурса мистер отель, русского толстяка Федю, местную знаменитость, только не было брюнетки, она действительно приболела и мы с мелким натырили ей еды, хоть это и карается большим штрафом.

А днем мы с моей новой подругой ездили в город, она выбирала подарки девчонкам с работы, я почему-то представлял себе размалеванных опустившихся женщин, чокающихся друг с другом возле стойки бара, еще она рассказала, что там на дискотеке была обкурена и в жопу пьяная, и тусила с каким-то журналистом, которого потом потеряла.

В назначенное время мы сели в автобус и нас повезли в аэропорт, да, обратный билет мне прислали из Москвы, они там испугались, что не предупредили меня о том, что время рейса изменилось, когда я перепутал самолеты, и поэтому мне не нужно было ничего платить. В Московском аэропорту мы навсегда расстались с этой девчонкой, я даже не помню её имени и из какого она города, она просто пошла куда-то на пересадку ждать свой самолет и катила за собой свой чемодан.

Москва—Шарм эль Шейх

*Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)*

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН (литературный портрет)

Василий Семёнович Гроссман родился 25 ноября (12 декабря) 1905 года в украинском городке Бердичеве. Его отец был инженером-химиком, разделявшим социал-демократические убеждения. Мать, Екатерина Савельевна, была учительницей французского языка. В 1941 году она была расстреляна фашистскими палачами вместе с тысячами других жителей Бердичева. Ей будут посвящены поздние книги писателя.

Василий пошёл по стопам отца. Он окончил Киевское реальное училище, затем Бердичевскую «единую трудовую школу» и осенью 1922 года поступил в Киевский институт народного образования, из которого через два года перевёлся в Московский университет на физико-математический факультет, где учился на химическом отделении. Будучи студентом, он начал публиковать небольшие статьи в местных газетах. Писательский дар юноши начал проявляться уже в эти годы.

Окончив в 1929 году университет, Гроссман уехал в Донбасс, где работал химиком-аналитиком на одной из шахт и одновременно научным сотрудником Донецкого областного института патологии и гигиены труда, совмещая с трудом ассистента кафедры неорганической химии в медицинском институте. Эта многообразная деятельность позволила хорошо познакомиться с современным промышленным производством, людьми

шахтерского труда и миром науки. Приобретенный опыт запечатлелся в первых рассказах будущего писателя — «Запальщик» и «Инспектор безопасности».

В 1933 году Гроссман возвратился в Москву, где стал заведовать химической лабораторией на фабрике имени Сакко и Ванцетти. К этому времени возникли перемены в личной жизни молодого инженера. Он полюбил москвичку — Ольгу Михайловну Губер, жену писателя-перевальца Бориса Губера. Когда вскоре всех перевальцев и Ольгу Михайловну арестовали, Гроссман взял на свое попечение двоих детей Губеров — Мишу и Федю. При этом он отважился написать письмо всесильному наркому НКВД Ежову, где сообщил, что Ольга Михайловна — его жена, а не Губера и поэтому арестована беспричинно. Это был поступок гуманного и мужественного человека. Вскоре он добился ее освобождения, после чего Ольга Михайловна действительно стала женой Гроссмана.

В 1934 году началась активная литературная деятельность молодого писателя. Он публикует в «Литературной газете» ранее написанный рассказ «В городе Бердичеве», в котором воспроизвел эпизод из времен Гражданской войны, историю женщины-комиссара Вавиловой. Отважная участница боев вынуждена задержаться в городке, из которого отступали красные части, и поселиться в доме ев-

реев Магазанников: для нее наступило время рожать. Семья ремесленника оказывает приют, внимание и заботу суровой женщине, которая под влиянием душевного тепла «оттаивает», проникается уважением к чужаковатым хозяевам дома. Но революционный долг побуждает женщину оставить родившуюся дочку на попечение Ефима и его жены и снова отправиться в бой во имя добра и человеческих ценностей, заново осознанных и прочувствованных в гостеприимном доме. Этот замечательный рассказ был высоко оценен М. Булгаковым, И. Бабелем и замечен Горьким, который пригласил Гроссмана и предложил оставить работу инженера-химика, чтобы полностью посвятить себя литературе. Через много лет по этому рассказу режиссер А. Аскольдов снял замечательный фильм с участием Нонны Мордюковой, Роллана Быкова и Василия Шукшина.

Но этот фильм «Комиссар» в 1967 году оказался запрещенным. Он пришел к зрителям через двадцать лет — в 1987 году. В пору же первой публикации этот рассказ принес молодому писателю подлинную славу.

Тогда же Гроссман создает первую большую повесть «Глюкауф» (1934), которую иногда называют романом. Посвященная жизни советских шахтеров, она названа, немецким словом, переводимым выражением «со счастливым подъемом». Таким приветствием встречали тех, кто поднимался из глубоких земных недр на землю. Это было произведение на характерную для тех лет «производственную» тему, близкое «Гидроцентрали» М. Шагинян. Здесь была правдиво описана тяжелая жизнь донбасских забойщиков, крепыльщиков и конононов. М. Горький высказал ряд замечаний о повести и после учета их автором

одобрил ее, поместив в редактируемый им альманах «Год XVII».

В тридцатые годы писатель неоднократно возвращался и к жанру рассказа. Но в отличие от других авторов, тяготевших в ту пору к романтической манере изображения советских людей, Гроссман сохраняет подчеркнутую реальность стиля, избегает идеализации рисуемых картин и проявляет живой интерес к раскрытию душевного мира человека. Свои рассказы писатель объединяет в сборники «Счастье» (1935), «Четыре дня» (1936) и «Рассказы» (1937). Они отличаются преобладанием логического начала, интеллектуальностью письма, растущим художественным мастерством, заметной учебой автора у И. Бабеля и В. Катаева. В печати все чаще появлялись заинтересованные и благожелательные отзывы критиков. Такова, например, статья К. Лавровой «О реальном счастье героев В. Гроссмана» [1].

С 1937 по 1941 год писатель работал над большим романом «Степан Кольчугин». Гроссман написал три части этого произведения, но закончить его не успел из-за начавшейся войны. В центре повествования была история рабочего парня Степана Кольчугина, выходца из бедной шахтерской семьи, который проходит сложный путь своего внутреннего развития и приходит к участию в революции. Одновременно автор изображает других рабочих, с которыми сопрягается Степан, заводчиков, представителей либеральной буржуазии, революционеров. Роман интересен не только правдивым изображением беспросветной жизни шахтеров, но и эпическим многоголосием, соединенным с психологической тонкостью обрисовки характеров и раскрытием человечности ряда героев этого произведения. Приме-

чательна авторская позиция в книге: писателя настораживают присущие революционерам фанатизм и узость взглядов, резкая их нетерпимость к любому инакомыслию. Это относится и к заглавному герою, и к профессиональному революционеру Бахмутскому, и Сергею Кравченко. Автор осваивает в этом романе то широкое эпическое построение, которое позже на новом уровне будет достигнуто им в главных его произведениях. «Степан Кольчугин» почётно вошел в «Библиотеку избранных произведений советской литературы», выпускавшуюся к тридцатилетию Советской власти. Роман был включен и в список произведений, представленных на соискание Сталинской премии, будучи единогласно утвержденным комитетом по названным премиям. Но Сталин в последний момент самолично вычеркнул это произведение из списков, не посчитавшись с волей членов соответствующего комитета.

В предвоенное время Гроссман написал и «Повесть о любви», в которой проявил мастерство в раскрытии интимной жизни личности. Любовь торжествует вопреки нигилизму и аскетическому настрою героев — ученого и инженера. Она берет в свой плен одного из них и покоряет его своей силой и красотой.

Важнейшим этапом жизни и творчества В. Гроссмана явилась Великая Отечественная война. Писатель стал специальным военным корреспондентом газеты «Красная звезда», и уже в августе 1941 года он выехал на фронт. Гроссман прошел в армейских рядах весь путь горестного отступления и всю победную дорогу наступления — до самого Берлина. Начав с небольших газетных корреспонденций, он завершил свое участие в газете крупным очерком «Советский офицер»,

печатавшимся в пяти номерах. К числу лучших публицистических очерков писателя следует отнести «Треблинский ад», «Германия», «Сталинград». Критика восторженно писала об этих очерках [2].

Они составили книгу «Сталинград» (1943), в которой талант Гроссмана открылся с новой, свежей силой. В этих очерках можно выделить раскрытие стратегии великой битвы («Направление главного удара», «Сталинградская битва») и изображение рядовых защитников города («Душа красногвардейца», «Власов», «Глазами Чехова»). В последних из названных очерков идет речь не о генерале, подлом предателе, а о наделенном этой фамилией сапере; не о писателе Чехове, а о снайпере с такой же фамилией. Эти очерки рисуют кошмар войны, и в них нет никакой восторженности или патетики. Неторопливое, объективное повествование соединяется в них с психологическим анализом, а документальная точность освещения событий с философским их истолкованием. Одним из первых Гроссман затронул и тему Холокоста — массового уничтожения нацистами евреев (очерк «Украина без евреев» и рассказ «Старый учитель»).

Особенно памятным был очерк «Направление главного удара», где явственно слышался грохот, которым «можно оглушить человечество», и был виден огонь войны, которым «можно было уничтожить государство». Сила очерка была такова, что «Правда» перепечатала его из военной газеты «Красная звезда».

Вклад писателя в нашу победу был отмечен орденом Красного Знамени и Красной звезды, шестью медалями и воинским званием подполковника.

Сравнительно недавно были опубликованы записные книжки В. Грос-

смена времен войны. Они показывают, как складывались из наблюдений его очерки и рассказы. Так, из записи о том, как на Мамаевом кургане минометчики слушают пластинку с бетховенской «Ирландской застольной», возникает финал очерка «Сталинградское войско», а из беседы с красногвардейцем Иваном Канаевым кристаллизуется очерк «Бывалый боец». Впечатляют короткие записи: «Всю ночь лежал мертвый летчик на прекрасном снежном холме... А на рассвете холм стал совершенно розовым, и летчик лежал на розовом холме». Эти строки и их последующее авторское преображение — поучительная лаборатория военного корреспондента [3].

Но в годы войны В. Гроссман не ограничивал себя жанром очерка. Первым из писателей он создал крупную повесть — «Народ бессмертен», названную А. Фадеевым «замечательным произведением по силе выраженной в ней правды». Она была не только первой, но и лучшей вещью того времени. Н. Тихонов писал, что Гроссман «первым изобразил охват войны, города и села, гибнущие под шквалом вражеского нашествия. Он не оскорбил изображенное преувеличением» [4]. Автор поднялся и над привычной публицистичностью, и над уже устойчивой очерковостью и, пользуясь художественной образностью, рассказал о горьких днях отступления в начале войны, о характерах героев сражений (Семена Игнатьева), о людях обороны и находящихся в оккупации, о командирах нашей армии (дивизионном комиссаре Чередниченко, батальонном комиссаре Богарева, генерал-майоре Самарине, командире полка Мерцалове). Писатель нарисовал картину суда народов над гитлеровцами, выразил твердую уверенность в предстоящей

победе над врагом, громко сказал о величии и бессмертии народа: «Велик народ, чьи сыновья умирают свято, просто и сурово на необозримых полях сражения...». Мексиканский журнал, откликаясь на эту повесть, писал о том, что люди послевоенных времен вернутся к страницам Василия Гроссмана, чтобы «снова быть осмысленными высотой их человечности» [5].

В послевоенное время повесть «Народ бессмертен», очерки из книги «Сталинград» и рассказы 1942-1945 годов были объединены в книгу «Годы войны» (1945), о которой И. Эренбург писал в «Литературной газете»: «Каждый, кто возвратится к одному из самых потрясающих событий нашей истории, найдет в книге «Годы войны» ценнейшее: исповедь современников, правдивое изображение страстей...» [6]. Но в том же 1946 году писателя ждал непредвиденный удар. Гроссман опубликовал написанную еще до войны пьесу «Если верить пифагорейцам», в которой нарисовал бюрократа новой формации Монахова и старика Шатавского, поклонника школы пифагорейцев, утверждавших обязательное повторение в разные эпохи одних и тех же жизненных коллизий. Как предположил А. Бочаров, Гроссман выражал свое горестное убеждение в том, что тирания царизма тоже вернулась в нашу жизнь, хотя и в ином облачении. Пьеса Гроссмана была вполне «советской» по содержанию, но философию ее сочли идеалистической, чуждой историческому материализму. Критик-приспособленец В. Ермилов опубликовал в «Правде» (1946, № 211) статью «Вредная пьеса», которая стала началом преследований и шельмования писателя.

С немалым трудом Гроссману удалось опубликовать в 50-е годы свои рассказы «Тиргартен» (о покорно-

сти, которая облегчает злу господствовать на земле) и «Авель (Шестое августа)» (об американской атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму), издать сборники ранее опубликованных повестей и рассказов в 1950 и 1958 годах. С еще большими преградами писатель встретился тогда, когда приступил к изданию нового романа «За правое дело».

Начатый еще в 1943 году и называвшийся первоначально «Сталинград», этот роман осмыслял историческое значение Великой Отечественной войны и представлял собой широкое полотно, рисующее Сталинградскую эпопею и события, ее предвещающие, сопровождающие и за ней последовавшие. Свой роман, законченный в 1949 году, писатель отдал в журнал «Новый мир», где он лежал без печатанья и отзывов больше года. Затем последовал отказ и отвержение романа. В 1950 году сменилась редакция журнала, и его возглавил А. Твардовский, пришедший от произведения в восторг и решивший его печатать. А. Фадеев поддержал своего коллегу. Секретариат Союза писателей тоже рекомендовал публиковать эту книгу. Но (по предложению А. Фадеева) рекомендовал изменить название романа на новое — «За правое дело». Однако против публикации выступил Шолохов и несколько позже — его сторонники. Редактирование рукописи продолжалось около трех лет. Она трижды набиралась заново: сохранилось 12 авторских вариантов многострадального текста. Наконец все преграды были преодолены, и в 1952 году в четырех номерах «Нового мира» (№ 7, 8, 9, 10) роман был опубликован.

Но 13 февраля 1953 года в «Правде» появилась инициированная и одобренная Сталиным разгромная и злая статья М. Бубеннова «О рома-

не В. Гроссмана «За правое дело», которая открыла новый этап травли писателя. Автора обвиняли в недооценке руководящей роли партии, в дегероизации участников сражения. За палаческой статьей в ту пору могли последовать арест, тюрьма и даже смерть. Вслед за Бубенновым против романа выступила М. Шагинян. Твардовский на секретариате Союза писателей вынужден был каяться в том, что опубликовал роман. Редколлегия его журнала отреклась от романа печатно. Фадеев выступил с критикой романа и предложил автору покаяться, публично отречься от романа «ради жизни на земле». Гроссман от этого отречения отказался.

Только Михаил Зощенко прислал в это время свое письмо автору, где писал о том, как «нелепо и глупо «критиковали» книгу «За правое дело». А роман этот поистине замечательный и многие страницы его — огромной, классической силы!» [7].

Роман «За правое дело» стал первым в советской литературе произведением, в котором с такой мощью и широтой была показана Сталинградская битва, раскрыты истоки нашей победы, а великое сражение осмыслено как решающий поворот в судьбах народов планеты. Материал, введенный в произведение, отличался необыкновенной широтой, ибо в нем были показаны различные слои нашего общества: крестьяне-колхозники, как Вавилов (кстати, носитель той же героической фамилии, какая была у женщины-комиссара времен Гражданской войны), рабочие — солдаты фронта и тыла, выходцы из интеллигенции, как семья Шапошниковых, кадровые военные. Но широта материала соединилась в романе с документальной точностью подробностей и хронологической последовательно-

стью в передаче военных действий середины 1942 года. Особенно сильные и выразительные страницы посвящены массовому героизму участников сражения на Волге (ни о какой дегероизации здесь не могло быть и не было речи). Достаточно вспомнить эпизоды обороны вокзала и поведение майора Березкина. Семья Шапошниковых, в жизнь которых смерчем ворвалась война, изображена с учетом толстовских традиций. Композиционно она связывает различные звенья целого, многих персонажей и сюжетные линии романа. Ярко изображены образы Новикова и Крымова, по-разному связанные с Шапошниковыми. Это люди, которые не только героически сражаются «за правое дело», но и размышляют о сути происходящего на их глазах. В системе их сложных размышлений особое место занимает уяснение характера войны, мысли о непримиримости военного конфликта и суждения о первостепенном значении человеческой личности. Важную роль приобретают раздумья о значимости самых обычных, рядовых бойцов. «Чьи взгляды выражал генерал? — задает себе вопрос автор. — Не тех ли, что в побелевших от соленого пота гимнастерках выходили к берегу Волги?», чтобы сражаться на его откосах.

Замечательна композиция этого монументального романа. По словам поэта и переводчика С. Липкина, «Гроссман построил «За правое дело» так, как военачальник строит свои войска. Мы видим быстрые переброски героев, молниеносные концентрации отдельных фабул, маневры и подвижность сюжетных линий, словесные контрудары...» [8].

В романе осязательно всегдашнее присутствие автора. Его глазами мы видим фашистских генералов и офицеров, разрушения в Сталинграде, его уста-

ми говорится о наболевших проблемах прошлого и сегодняшних дней. Гроссман выстроил грандиозный роман-эпопею, и в этом жанровое своеобразие его произведения.

Отдельным изданием «За правое дело» вышло уже после смерти Сталина в Воениздат в 1954 году. На Втором съезде союза писателей СССР, состоявшемся в том же году, А. Фадеев признал, что его критика романа как «идеологически вредного» была несправедливой. Это была предсмертная речь автора многострадальной «Молодой гвардии».

Следующей трагической страницей жизни и творчества В. Гроссмана стала история создания романа «Жизнь и судьба», начатого еще в 1949 году и завершенного в 1960-м. Хотя произведение во многом отличалось от предыдущего и по содержанию, и по характеру работы над текстом, все же эти два романа следует рассматривать как дилогию. Их объединяют общие герои, последовательная хронология Сталинградских событий, родственные сюжетные линии, единство замысла, родственность общей концепции. Сталинградская битва в обоих романах рассматривается как существенное звено российской истории, с обязательным учетом того, что ей, этой битве, предшествовало, что ее сопровождало во всех сферах государственного организма и что за нею последовало. Гроссман дерзнул показать не только и не столько битву двух нацеленных друг на друга армий, не только и не столько два враждебных государства, сколько две схожие тоталитарные системы. Вот почему так важно было писателю показать эпизоды гибельной коллективизации, затронуть обстоятельства кошмарного 1937 года, коснуться извращения национальной политики. Все эти явления предстают

как очевидные формы тоталитаризма в нашей стране.

Кратко коснемся драматической истории создания и печатания романа. Работая над «Жизнью и судьбой», писатель отталкивался от конкретных и реальных прототипов. Офицеры и солдаты, нарисованные в романе, очень похожи на тех, которых Гроссман встречал на фронте. Мать Штрума — это мать Гроссмана, которую немцы расстреляли 13 сентября 1941 года. Отдельные черты Штрума повторяют свойства самого писателя. Кампания, развернувшаяся вокруг ученого, аналогична кампании, проводившейся вокруг Гроссмана. Жена его, Ольга Михайловна, — прототип Людмилы Николаевны, жены Штрума. Обе они теряют сына. Мария Ивановна Соколова напоминает жену поэта Заболоцкого Екатерину Васильевну. У Штрума такой же пасынок (Толя), как у Гроссмана (Федя). Подобных ориентаций героев романа на подлинных людей из окружения писателя в романе много. Жизненная основа этого произведения весьма прочна. Но в романе многое привнесено и воображением, художественным вымыслом писателя. Как вспоминает Б. Ямпольский, Гроссман «строил» свой роман, как грандиозный Собор, величественный и современный, и многие конструкции его рождены богатой фантазией автора. Любопытно, что В. Лакшин тоже делился с читателями схожими образами своего восприятия этого произведения. Читая роман, говорил он, чувствуешь себя «под сводами храма, на строительство и украшение которого, кажется, не хватит одной жизни. Такое созидание по самому объему художественного труда — уже подвиг» [9].

Свой законченный роман В. Гроссман уже не собирался печатать в «Новом мире», хотя его редакторы К. Си-

монов и А. Твардовский очень хотели опубликовать его в своем журнале. Писатель заключил в 1960 году договор с редакцией журнала «Знамя». Но спустя пару месяцев ситуация резко изменилась. В. Кожевников провел расширенное заседание редколлегии своего журнала, где собравшиеся, как по команде, осудили роман. В. Кожевников не ограничился своей акцией и передал рукопись в ЦК КПСС и КГБ. В результате к В. Гроссману явились представители органов и арестовали роман, забрав не только рукописи, черновики, подготовленные материалы, но и ленты пишущих машинок. Писатель написал возмущенное письмо Н.С. Хрущеву, но ответа не получил. Зато он был приглашен к Суслову, который признавшись, что романа не читал, осудил его, заявив, что «может быть, он будет издан через двести-триста лет».

Но роман оказался опубликованным значительно раньше, через двадцать лет. Сначала он был напечатан за рубежом по микрофильмам и по копии, хранившейся у поэта С. Липкина. Публикацию осуществили Е.Г. Эткинд, В.Н. Войнович, А.Д. Сахаров и Е. Боннар. Но качество публикаций было неудовлетворительным. В начале 1988 года роман был опубликован в нашей стране в журнале «Октябрь» (редактор А. Ананьев). Целых 27 лет книга должна была томиться под арестом, чтобы выйти на свободу. А когда в октябре 1988 года к публикации романа приступили в «Книжной палате», произошло поразительное событие. В Малоярославце Вера Ивановна Лобода, вдова близкого друга В. Гроссмана, передала Федору Губеру, пасынку писателя, полную рукопись романа, которую она долгие годы хранила в авоське за окном. Это был большой человеческий подвиг во имя дружбы.

Текст был перепечатан вдовой В. Гроссмана — О.М. Губер. Так издательство «Книжной палаты» смогло напечатать подлинный не искаженный текст великого романа, названного А. Твардовским «гениальным».

Озаглавленный по типу эпопеи А. Толстого двумя словами, соединенными союзом «и», роман В. Гроссмана толкует «жизнь» как царство свободы и «судьбу» как суровую волю обстоятельств. Вот почему в книге прослеживается диктат истории и цепь враждебных людям обстоятельств, а одновременно поется гимн жизни как неповторимой и благостной свободы. О последней как о высшей ценности в романе думают и рассуждают Мостовской, Иконников, Штрум, Соколов, Магар и сам все осмысляющий автор.

Но столь же часто в книге рассуждают о рабстве, о плене, о человеческой покорности и насилию. Поэтому в романе так часто возникают картины лагерей — немецких концентрационных и — увы! — советских, сталинских. Картиной фашистского лагеря уничтожения роман и начинается, здесь томятся советские люди, ставшие военнопленными, но рвущиеся, как майор Ершов, к свободе, ради которой днем и ночью с неослабевающим напряжением работал его мозг. В последующих главах романа рисуется удручающая картина лагеря советского. Здесь тоже царит власть ворюги Бархатова, как у немцев; тут так же издеваются над людьми и прививают дух покорности. Здесь тоже есть догматики, сломившиеся от пагубных обстоятельств, и свободолюбцы; прозревающие, как Магар (под стать Мостовскому), и закоренелые, как Абарчук. Установив схожесть ситуаций, обычаев, порядков в лагерях и сидящих в нем персонажей, В. Гроссман

делает широкие обобщения, касающиеся уже не только похожего устройства лагерей, но и тождества тоталитарных систем. Важную роль приобретают рассуждения нациста Лисса о схожести устройства двух государств, рассуждения, которые повергают Мостовского в ужас, но фашистский теоретик внушает оппоненту: «Меня мучит то, что мучит вас», «Мы строим два дома, они должны стоять рядом».

Эта концепция тождества поддерживается новыми параллелями: схожими совещаниями по специальным мероприятиям у Гимлера — и в ЦК партии о состоянии научной работы; похожими государственными «чистками»; идентичными размышлениями Лисса о Гитлере и Крымова о Сталине. В связи с осмыслением тоталитарной системы, созданной Сталиным, в романе заходит речь о поре коллективизации и страшном голоде в деревне, о странном 1937 году, «когда почти ежедневно называли фамилии людей, арестованных минувшей ночью». При этом исторические отрезки такого типа характеризуются в романе не отвлеченно; упоминаются конкретные имена страдавших, исчезнувших, сгинувших: академик Вавилов, Визе, Мейерхольд, Пильняк, бактериологи Коршунов и Златогоров... Эти факты и имена, подтверждающие развращаемую автором концепцию, приводят его к размышлению о страхе, насажденном в стране и о преодолении этого страха, о тягостной судьбе личности в тоталитарном государстве и о природном стремлении человека к свободе, которое неистребимо.

В поэтике романа большую роль приобретают сцепления фактов, деталей, фраз, благодаря которым освещается родство явлений, казалось бы, далеких, но, по существу, внутренне

схожих. Так, слова эсэсовского мерзавца Лисса о «волшебной палочке» вновь возникают в суждениях пленника тюрьмы на Лубянке — поэта Боголеева.

Но художественная сила романа проявляется не только в этой поэтике сцеплений, но и в яркости нарисованных картин, например, очереди в Лубянской тюрьме; в выразительности образов, скажем, следователя на Лубянке, изображенного в духе кубизма (он «состоял из отдельных кубиков»); интересных характеров, например Крымова, Гетманова, Новикова и других персонажей, показанных в сценах сталинградских сражений.

Так, Гетманов, добившийся высокого положения секретаря обкома одной из оккупированных немцами областей Украины путем интриг и собачьей чуткости ко всем изгибам в «генеральной линии», ловко прошел путь от охранника секретаря крайкома до должности самого секретаря. Попав на командную должность в армии, он обставляет себя комфортом и заводит любовницу, но при этом проповедует скромность и аскетизм, моральную чистоту. Ему свойственна нечистоплотность и лицемерие, готовность пойти на донос и растаптывание своего сослуживца. Очень похож на него генерал Неудобнов, начальник штаба того же танкового корпуса, бывший «энтузиаст тридцать седьмого года». Очень интересен характер Крымова, судьба которого окрашена трагизмом. Старый член партии, блестящий лектор, он сохранил от довоенных времен боязнь свободного слова, недозволенного свободолобия. И потому, когда он попадает в дом шесть дробь один, разговоры солдат о наболевшем он воспринимает как диверсию, идейную порочность, опасность для армии, и посылает до-

кладную начальству, из-за которой Грекова, героически погибшего в сражении, лишает заслуженного звания Героя. Перипетии судьбы приводят Крымова в тюрьму Лубянки, где он переживает мучительные допросы, побои, издевательства, затем его бросают в лагерь, где медленно, с трудом Крымов переоценивает ценности, переживает мучительное прозрение и горестное сомнение в правильности жизни, которую он прожил, исповедуя веру в идолов на глиняных ногах.

Особой красотой в романе наделены героические характеры участников боевых сражений. Прежде всего это Новиков, который прекрасен своей мужественностью, способностью противостоять всей пирамиде власти и не желающему посылать, не задумываясь, на смерть солдат. Он ценит эту подлинную «живую силу» и дорожит каждым человеком. Такой же красотой своего героизма отличается капитан Греков, обороняющий свой дом «шесть дробь один» со своими верными и мужественными товарищами, каждый из которых ощущает свою ответственность и за результат боя, и за судьбы Отечества.

Роман отличается широчайшим охватом материала и многообразием тем. В нем нашла свое яркое воплощение интернациональная тема, трагическая судьба еврейского народа, нашедшая пластическое выражение в сцене пребывания в вагоне арестованной Софьи Осиповны Левинтон, в потрясающей картине газовой камеры, в письме матери Штрума, в сценах сопротивления обреченных в лагере уничтожения. Здесь же содержится страстное рассуждение Каримова о положении татарского народа, гневная отповедь Новикова по поводу недоверия к калмыкам. Гроссман страстно осуждает идеологию национализма

и антисемитизма, получившую реализацию по обе стороны фронта.

Интересное развитие получила тема науки в романе. Она глубоко осмысливается при обрисовке таких ученых, как физики Чеквожин, Штрум и Соколов. Проследивая трудную судьбу Штрума, писатель показывает его подвиг при совершении открытия и его сделку с совестью, когда он попадает в тупик, подстроенный жизнью, и подписывает злополучное письмо. Штрум долго мучительно терзается, но испытывает несказанное счастье, когда на его долю выпадает миг обретенной свободы.

К названным темам в романе присоединяются искания Жени, осложненные столкновением долга и чувства в ее душе; размышление о совести, правде, дружбе и любви; осмысление фигуры Сталина и поведения его в первый период войны и в момент Сталинградского торжества. Это изображение дает повод писателю поставить и укрупнить вопрос о соотношении государства и личности и вновь вернуться к осмыслению порочности системы тоталитаризма.

Роман богат авторскими философскими, публицистическими и лирическими высказываниями, которые возникают естественно и органично вписываются в последующее повествование. В произведении осязаемо формообразование особых глав, тяготеющих к самостоятельности очерка или повести. Но воля автора подчиняет себе это устремление и цементирует все в единый сложный организм. В «Жизни и судьбе», как в романе «За правое дело», ощутимы плодотворные толстовские традиции. Они проявляются в особом раскрытии судьбы народа, в изображении войны, в показе тесной сращенности центральных героев со своим воюющим

народом. Они сказываются в тесном сопряжении войны и мира, в глубоком интересе к жизненному процессу от рождения человека (сына у Веры) до его смерти (гибель Софьи Осиповны и капитана Грекова). Толстовская традиция проявляется в интересе к семьям, соединяющимся и сливающимся друг с другом, в художественном использовании внутреннего монолога, обогащающего душевный мир личности.

О значении этого произведения хорошо сказал Генрих Бель: «Этот роман — грандиозный труд, который едва ли назовешь книгой; в сущности, это несколько романов, произведение, у которого есть своя собственная история — одна в прошлом, другая в будущем» [10].

В последние годы своей недолгой жизни В. Гроссман создает путевые заметки «Добро вам!» (1967) о поездке в Армению, куда писатель отправился после ареста своего романа, чтобы переводами чужой прозы заработать на жизнь; он пишет новеллу «Фосфор» о молодых людях, переживших сталинские репрессии.

Последним значительным произведением Василия Гроссмана стала повесть «Все течет», написанная в 1955-м и дописанная в 1963 году. Она состоит из 27 неравных по объему глав, одни из которых являются размышлениями центрального героя, а другие, чередующиеся с первыми, представляют собой биографии персонажей. Эти главы вместили чрезвычайно разнообразный материал и огромное географическое и художественное пространство: от Хабаровска и Сибири до Москвы и Ленинграда, от берега Ледовитого океана до южного приморского города. Повесть вобрала картины города на Украине в начале 30-х годов, массовые репрессии 1937 года,

картины раскулачивания, характеристику кампании по борьбе с вейсманистами-менделистами, «дело врачей» и сцены смерти и похорон Сталина. Все эти картины объединяются размышлениями о них героя — Ивана Григорьевича, вернувшегося из многолетней ссылки, куда он попал по ложному доносу. Соединяя художественную прозу с эссеистикой, писатель разворачивает острую критику тоталитарной системы, породившей слежку и доносы, уничтожение целых слоев и групп населения (раскулачивание), обстановку полного бесправия личности. Герой приходит к выводу о том, что нет особой разницы между недавней тюрьмой, познанной им, и так называемой свободой, которую он обрел. Развивая концепцию романа «Жизнь и судьба», Гроссман заостряет многие его суждения и выводы, особенно о взаимоотношении личности и государства и о несвобо-

де, царящей в обществе. Эта повесть, названная философом и социологом Г. Водолазовым «Великолепной. Правдивой. Беспощадной», была властями конфискована в 1969 году, но вариант, заверченный в 1963 году, попал в «самиздат», в 1970 году был опубликован во Франкфурте-на-Майне, а в 1989 году — в журнале «Октябрь».

Измученный, издерганный преследованиями и запретами писатель тяжело заболел. У него была удалена почка и обнаружен рак легких, что и привело писателя к кончине. Он умер 15 сентября 1964 года. Хотя жена Гроссмана упорно хлопотала о захоронении праха мужа на Новодевичьем кладбище, но Союз писателей отказался ходатайствовать об этом. Прах писателя был похоронен на Трокуровском кладбище, за Кунцевым. Там стоит ныне гранитный бюст работы скульптора Письменного, сына писателя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лаврова К. О реальном счастье героев В. Гроссмана // Красная новь, 1941, № 4 — С. 197-210.
2. Эвентов И. Душа солдата (о Сталинградских очерках В. Гроссмана) // Звезда, 1943, № 4 — С. 117-119.
3. Вопросы литературы, 1987, № 6 — С. 84.
4. Тихонов Н. Отечественная война и советская литература // Большевик, 1944, № 3-4 — С. 28.
5. Бочаров А. Человек и война. М., 1973 — С. 71.
6. Эренбург И. Глазами Василия Гроссмана // Литературная газета, 1946, № 9 — 23 февр.
7. Книжное обозрение, 1989, № 10 — 10 марта — С. 8.
8. Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Страницы из воспоминаний // Литер. обозрение, 1988, № 6 — С. 100.
9. Лакшин В. Народ и люди // Известия, 1988, № 177 — 25 июня — С. 3.
10. Белль Г. Способность скорбеть. О романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Белль Г. Собр. соч., т. 5 — М., 1956 — С. 181.

Алексей Воронов
(Россия, Санкт-Петербург)

СЕНСАЦИЯ, КОТОРУЮ НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ

*«Спектакль, получивший сценическую жизнь на основе
ранее нереализованной драматургии, является открытием»*

Георгий Александрович Товстоногов

В начале 2020 года в театральном Петербурге случилась настоящая сенсация. Впервые в России была сыграна одноактная комедия А.П. Чехова «Ночь перед судом» — пожалуй, единственная из всех его пьес, доселе не имевшая сценической истории. Ни Московский Художественный театр, ни Александринка, ни Большой Драматический театр, ни многочисленные театры-студии и антрепризные коллективы — никто эту пьесу более ста лет, что называется, «в упор не видел». Конечно, если бы речь шла о каком-нибудь малоизвестном авторе, не было бы никаких вопросов. Но тут — Чехов, один из самых репертуарных драматургов двадцатого (а теперь уже и двадцать первого) века, сценические интерпретации произведений которого широко известны во всём мире, от Франции до Китая и от Америки до Японии. Как же так получилось — «проглядеть» целую пьесу?

«Ночь перед судом», как и некоторые другие одноактные водевили А.П. Чехова, была написана по мотивам его одноимённого рассказа, с некоторыми сюжетными изменениями и дополнениями. В частности, значительное изменение с точки зрения сюжета сделано автором в финале пьесы, который значительно отличается от концовки его же рассказа. Однако, если «Свадьба» или «Хирургия» ещё при жизни Чехова были широко известны и ставились на многих сценах, то комедию «Ночь перед судом» ждала иная участь. Антон Павлович не опубликовал её, а положил «в стол», где она и пролежала в черновиках писателя много лет, до самой его кончины.

Почему же Чехов не обнародовал это своё творение? — трудно сказать. Возможно, дело в излишней требовательности Антона Павловича к самому себе. И «Медведь», и «Предложение», и другие свои одноактные комедии он считал всего лишь легкомысленными «шутками». Комедию «Медведь» он называл, к примеру, «весёленьким французским водевильчиком». При этом чеховские водевили по содержанию были вовсе не легкомысленными «пустышками», а с точки зрения формы — даже превосходили многие драматургические опыты мирового театра XX века. Например, наш выдающийся современник, профессор Лев Гительман утверждал, что подобно тому, как весь русский реализм вышел из гоголевской «Шинели», так и весь мировой театр абсурда вышел из чеховского «Предложения».

Как бы там ни было, комедия Чехова «Ночь перед судом» уже после смерти писателя была обнаружена его вдовой, артисткой МХАТа Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой. Впервые она была опубликована в 1914 году. Но... то ли театры её действительно не заметили, то ли никто из режиссёров не знал, как к ней подступиться. Только в 2020 году эта пьеса в полном объёме получила своё сценическое воплощение на факультете искусств кафедры театрального искусства Санкт-Петербургского Государственного Университета. Спектакль продолжительностью 1 час 10 минут поставил заслуженный деятель искусств, кандидат искусствоведения, профессор, лауреат Международного фестиваля искусств имени М. А. Булгакова Пётр Гаврилюк.

Как известно, творчество Чехова-драматурга неразрывно связано с Московским Художественным театром, основанном в 1898 году К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Именно они заложили в России основы так называемого «режиссёрского» театра, одним из ключевых элементов которого является образное решение спектакля. Понятие «сценический образ» означает не просто подбор более-менее подходящих декораций, костюмов и реквизита для очередной постановки. В образном решении всегда есть основная деталь, через которую выражается режиссёрская «сверхзадача» спектакля — как например, фантастически сказочный «замок» купца Хлынова в «Горячем сердце» у К. С. Станиславского или стройные белоствольные берёзки, окружающие дом Прозоровых в «Трёх сёстрах», поставленных В. И. Немировичем-Данченко.

Обращаясь к чеховской «Ночи перед судом», режиссёр П. Гаврилюк находит неожиданное и весьма остроумное решение спектакля с точки зрения художественно-образного оформления сценического пространства. Кто из вас скажет, какой предмет самый главный на почтовой станции лютой студёной зимой, когда на улице трещит мороз, а вьюга метёт так, что не видно ни зги?.. Конечно же, русская печка в доме станционного зрителя! Именно она, высоченная печь-громадина с ситцевыми занавесками, прикрывающими лежанки для постояльцев; с многочисленными выступами, заслонками и отдушниками, становится едва ли не главным действующим лицом всей постановки. Именно возле этой печки происходит наше знакомство с персонажами спектакля; именно вокруг неё завязываются все сюжетные хитросплетения чеховской комедии; именно она становится своего рода «центром притяжения», объединяющим вокруг себя всех героев этой незатейливой истории.

Ещё одним ключевым элементом к сценическому решению спектакля «Ночь перед судом» является творческое освоение режиссёром принципов «мхатовской» школы, основанной на подлинности существования актёров в предлагаемых обстоятельствах. Как известно, постановки Станиславского и Немировича-Данченко (особенно в ранний период истории МХАТа, когда и произошло их знакомство с драматургией Чехова), всегда славилась множеством сценических подробностей. Режиссёр П. Гаврилюк также скрупулёзно, не пропуская ни одного важного штриха или детали, выстраивает всю «партитуру» сценической жизни чеховских героев. Своего рода «камертоном», во многом определяющим всю тональность

постановки, является стационарный зритель, роль которого исполняет Максим Козачёк. В прологе спектакля он органично, с множественностью убедительных, настоящих «мхатовских» подробностей, разжигает печку. С точки зрения сюжета в этот момент ничего не происходит, вся история ждёт нас впереди — и, тем не менее, зрители, затаив дыхание, зачарованно следят за тем, как бережно и трогательно этот пожилой, потрепанный жизнью человек обращается с печкой. Для него она не просто кормилица, дающая жизнь и тепло — для него она живой, полноправный член семьи. Актёр детально и подробно проживает все элементы своего сценического образа. Растопив печь, он согревает возле неё руки, принимает рюмочку горькой и затягивает задушевную песню «Степь да степь кругом», за которой скрывается глубокая боль навсегда ушедшей любви...

Из незатейливого монолога этого смешного, внешне нелепого и нескладного «человечика» мы узнаём о его жене, которая умерла больше тридцати лет назад — и горечь воспоминаний об этой потере до сих пор живёт в его сердце, не отступая ни днём, ни ночью. На какое-то мгновение зрителям также становится больно; они искренне, от всей души сочувствуют горю несчастного бедолаги-зрителя — но в следующее мгновение подступившие было слёзы сменяются смехом (как, впрочем, и во всей нашей жизни, где радость и боль подчас неразделимы). Уж очень уморительно-смешны жалобы зрителя на его шинель, которая совсем не греет, «хотя почти новая» — ей ведь «всего-навсего» 30 лет! Вместе с этой «новёхонькой» шинелькой в спектакль как будто незримо входят «маленькие люди» великих русских классиков — и, прежде всего, Акакий Акакиевич Башмачкин, для которого изготовление новой шинели стало едва ли не самым главным делом всей его жизни, а её потеря обернулась настоящей катастрофой. Ещё один гоголевский персонаж, возникающий у нас в памяти при упоминании о почтенном возрасте шинели — Балтазар Балтазарович Жевакин из пьесы «Женитьба», который ещё в пору своей морской юности сшил себе мундир из настоящего «английского» сукна. Теперь, спустя много лет, он хвастается, что его мундирчик до сих пор «почти как новенький» — и одновременно искренне недоумевает, почему ему так не везёт с невестами (человеку уже семнадцать раз отказывали в предложении руки и сердца!).

С помощью этой шинели и других, столь же удачно найденных приспособлений режиссёр находит ключ к образному решению и своих героев, и всей постановки в целом. Подобно тому, как Хлестаков в уездной гостинице страдал от нашествия клопов, так и для персонажей «Ночи перед судом» эти кровососущие твари оборачиваются сушим кошмаром. Появляется даже... живой клоп, роль которого исполняет Анна Дегтярёва. Стационарный зритель ведёт с этим мерзким насекомым настоящую битву по всем правилам военного искусства — окружает его, заманивает в ловушку и пытается раздавить, при этом нещадно ругаясь и обзывая своего противника отборными проклятиями.

Впрочем, «чудо-печка» в доме стационарного зрителя становится не только «полем битвы» с клопами, но и местом для романтических свиданий. Именно возле неё завязывается мимолётный дорожный «роман-

чик» между проходимцем Зайцевым (Никита Памурзин) и молодой девушкой Зиной (Ольга Константинова) — женой судьи Гусева, спесивого «старого индюка». Её благоверный (Кирилл Семинихин) также «вершит правосудие» над клопами. Он собирает жирных кровососов в специальный пузырь и затем приговаривает к смертной казни через сожжение, выбрасывая его содержимое в топку. И выражение лица у него при этом такое, как будто он совершает важное государственное дело, освобождая общество от разлагающей его «тлетворной нечисти».

Благодаря широкому использованию мультимедийных приёмов, режиссёр создаёт в спектакле атмосферу настоящего домашнего уюта: потрескивание объятых огнём дров, настоящее пламя, аромат еловой древесины, тиканье настенных часов — всё это погружает зрителя в действие спектакля. Создаётся впечатление, что публика находится в комнате станции и является не просто очевидцем или свидетелем — она становится полноправным соучастником развивающегося представления. С точки зрения приёма спектакль «Ночь перед судом» основывается на тесном контакте со зрительным залом. Он — главный партнёр актёров.

Это чувство единения актёров со зрителями достигает кульминации в центральном событии спектакля — влюблённости друг в друга Зайцева и Зиной. Режиссёр находит яркую и красочную метафору, выражая их чувства в танго — танце любви и страсти, который гармонично вплетается в ткань сценического действия. Этот жгучий танец жарких стран, подобно огненному вихрю врывающийся в заснеженную русскую зиму — не только своего рода «апофеоз» всего спектакля. Он также и «звёздный час» для его главного героя, авантюриста и мошенника Зайцева, пробирающегося по заснеженным дорогам в город, где на следующее утро его ждёт настоящий «судный день».

Если сравнить Зайцева, каким он представлен в чеховской пьесе, с персонажем одноимённого рассказа — то очевидно, что «драматургический» двойник намного интереснее и сложнее не только с точки зрения характера, но и по предыстории, приведшей его на скамью подсудимых. В рассказе «Ночь перед судом» за ним числится единственный грех, за который он должен ответить по всей строгости закона — это двоежёнство. В пьесе же над ним, словно дамоклов меч, нависает целый букет обвинений, среди которых — и растрата, и подделка завещания, и другие пакостные «грешки», в которых, если верить страстному монологу Зайцева, виноваты абсолютно все... кроме него самого.

Как известно, на рубеже XIX и XX столетий (то есть, именно тогда, когда Чехов создавал свои творения) в России, как и во всём мире произошёл фундаментальный «культурный сдвиг». На смену прежней, так называемой «антропоцентристской» культуре, занимавшей в Европе ведущие позиции, начиная с эпохи Возрождения, появилась «эгоцентристская» культура. Одно из главных её качеств — это отсутствие в человеке каких-либо моральных, духовных или эстетических обязательств перед обществом. «Эгоцентрик от культуры» не признаёт над собой никаких авторитетов, для него самое главное — как можно полнее удовлетворить свои личные желания и амбиции. И если общество почему-то не разде-

ляет его взглядов на окружающий мир — что ж, тем хуже для общества. Когда, например, Пикассо, Кандинского и других известных художников-модернистов начала XX века спрашивали, отчего на их картинах вместо нормальных человеческих фигур сплошь и рядом возникают какие-то «фигурические челогуры», в ответ всегда звучала универсальная формулировка «художника-эгоцентриста»: «Я так вижу!».

Если в первой половине минувшего столетия основным направлением в мировой культуре считался модернизм, то в 1960 годы ему на смену приходит постмодернизм или, как его называют сами идеологи этого течения, «культура конца». Главное, что определяет его сущность — это тезис об изначальной пустоте и бессмысленности человеческой жизни. В отличие от классического героя, мучительно бьющегося над «вечными» вопросами человеческого бытия, постмодернистский герой не «засоряет» себя подобным «хламом», для него вообще нет ничего святого. Жизнь изначально лишена всякого смысла, и единственное, что может делать «постмодернистский человек» — это «убивать время», стараясь при этом получить наслаждение любой ценой. «Постмодернистские» герои по натуре провокаторы, они постоянно устраивают какие-то (подчас далеко не безобидные) розыгрыши, «подколки» и прочие забавы — причём, как правило, без определённых целей, лишь бы найти повод как следует поразвлечься. Даже смерть становится для «постмодернистского человека» элементом игры — вспомним хотя бы, чем заканчивается пьеса Эдварда Олби «Случай в зоопарке» или финал комедии Люка Бессона «Подземка».

Именно таким носителем «постмодернистских» ценностей оказывается и Зайцев, каким он предстаёт в спектакле «Ночь перед судом». Проходимец и авантюрист, привыкший жить «не оглядываясь», он постоянно путается в мыслях, не в состоянии как следует сосредоточиться на чём-то одном. Чего он всё-таки хочет от жизни? — на этот вопрос он и сам, по всей видимости, не способен дать внятного и чёткого ответа. Несмотря на свою наигранную эпатажность, Зайцев панически боится предстоящего суда, а ещё пуще — тюрьмы. Он даже приготовил себе пистолет, чтобы покончить с собой на скамье подсудимых в случае обвинительного приговора. «Я себя прикончу!», — восклицает он с таким пафосом и дрожью в голосе, что у зрителей поневоле возникают сомнения — а знает ли этот Зайцев как обращаться с оружием и умет ли он стрелять?.. Это парадоксальное сочетание робости и «сверхрешительности» является ключевым элементом сценического решения образа, определяя в нём всё — и дикцию, и пластику, и беспорядочный, во многом хаотичный темпо-ритм его существования.

Основным событием в спектакле становится чисто «гоголевская» путаница: незадачливого кутилу и авантюриста Зайцева, как и Хлестакова, принимают за другого человека — в данном случае, за доктора. Мало того, по просьбе судьи Гусева (который завтра будет судить этого прохиндея), Зайцев оказывает непристойные «медицинские услуги» его молоденькой супруге, не в меру любвеобильной Зиночке. В спектакле особо выделен момент, когда Зайцев берёт деньги у судьи — и делает это так же

лихо, как Хлестаков «берёт займы» у Городничего, не подозревая, что именно этот человек завтра будет вершить его судьбу в зале суда.

А главным событием в спектакле «Ночь перед судом», как и в гоголевском «Ревизоре», является немая сцена. Безмерно счастливый судья видит, что его обожаемая Зиночка стала прыгать, как горная козочка, после так называемых «процедур» пройдохи Зайцева. Он так рад этому, что искренне, от всей души обещает сделать Зайцеву всё что угодно, называя его «дорогим другом». Но через мгновение судья узнаёт, что его так называемый «друг» — на самом деле авантюрист и мошенник, которого он сегодня утром должен судить за целый букет преступлений. Невольно возникает долгая оценка происшедшего, которая переходит в немую сцену.

Снайперски точно найденная метафора «немой сцены» — в момент узнавания истины в заварной чайник льётся вода из самоварного крана, который никто не закрывает. На вопрос станционного зрителя: «Может быть, хотите чая?», — все ошалело отвечают хором «Да». Этот шумовой сюрреалистический эффект придаёт финальной сцене особо живую атмосферу, намекая на древнее изречение наших мудрых предков: «Всё течёт, всё изменяется». Может быть, именно в этот момент Зайцев впервые по-настоящему осознаёт, что нельзя бесконечно играть с жизнью «в поддавки». Рано или поздно за всё, содеянное нами, наступает расплата — в том числе и за неразборчивость в желаниях, которую мы по слепоте душевной принимали за истинную свободу.

Спектакль «Ночь перед судом», начинавшийся как незатейливый «дорожный водевильчик», в финале неожиданно выходит на актуальнейшую именно в наши дни тему ответственности человека за свою жизнь. Ещё в XVIII веке великий немецкий философ Иммануил Кант писал о том, что быть по-настоящему свободным человеком — это значит, не поступать по произволу, а помнить о своей ответственности не только за собственную судьбу, но и за судьбы своих близких. Согласно выводам Канта, реальный мир, в котором мы обитаем — это «мир природы», в котором царят такие же дикие нравы как в джунглях («кто сильный, тот и прав», «победителей не судят» и т.д.). А «мир свободы», основанный на взаимном уважении, любви и согласии — это всего лишь прекрасный идеал, о котором можно только мечтать, но которого вряд ли можно достигнуть в реальной жизни. Как тут не вспомнить фразу из записной книжки А.П. Чехова: «Какое наслаждение — уважать людей!».

До сих пор мы жили (и продолжаем жить) как настоящие дикари — но наступит ли когда-нибудь долгожданный «мир свободы», остающийся пока всего лишь прекрасной мечтой?.. Именно этот вопрос ставят перед зрителями создатели спектакля «Ночь перед судом», отличающегося необыкновенно тонкой глубиной, поистине неисчерпаемой не только для зрителей «со стажем», но и для так называемого «нового поколения». Основная режиссёрская «сверхзадача» постановки — пробудить духовные интересы у зрителей, оживить их культурную память, понять философско-нравственные ценности, обратить внимание на подлинное искусство и красоту, помогающие людям преодолевать трудности в жизни, а иногда и пороки личности, возвращая их к подлинной человечности.

«Ночь перед судом» в постановке Петра Гаврилюка — это настоящий спектакль-сенсация. Во первых, потому что режиссёр и актёры открыли для зрителей ранее неизвестное произведение великого русского драматурга, а во-вторых, потому, что комедия, созданная ещё в конце девятнадцатого столетия, уже в двадцать первом веке прозвучала действительно по-новому — остро, свежо и современно.

Огромную, поистине неоценимую помощь в создании этой сенсации оказали руководители факультета искусств СПбГУ, по инициативе которых этот факультет был создан в университете несколько лет назад: декан факультета искусств, художественный руководитель и главный дирижёр Мариинского театра, Герой Труда России, народный артист России, Почётный гражданин Санкт-Петербурга, профессор Валерий Гергиев и заведующий кафедрой театрального искусства, народный артист России, профессор Вадим Лобанов. Благодаря их искреннему, по-настоящему заинтересованному участию, все организационные проблемы, неизбежно возникающие в работе над любым спектаклем, были успешно преодолены — и в январе 2020 года состоялась долгожданная премьера.

Спектакль «Ночь перед судом» был несколько раз с успехом сыгран в аудиториях СПбГУ — и каждый новый показ всё больше усиливал к нему зрительский интерес. Очередной спектакль, приуроченный к Международному дню театра, должен был состояться 28 марта — но из-за фатального стечения обстоятельств под названием «пандемия» он был отменён, а вслед за этим и вся театральная жизнь в России встала на долгую паузу. Сорвался и Чеховский фестиваль в Москве, в котором планировали участвовать создатели спектакля «Ночь перед судом» вместе со своим детищем. Поэтому сенсация, случившаяся в театральном Петербурге зимой нынешнего года, так и осталась практически никем незамеченной.

Сейчас участники спектакля «Ночь перед судом» уже закончили своё обучение в университете. Они получили дипломы и работают в различных творческих коллективах. Соберутся ли они снова, чтобы ещё раз порадовать петербургских зрителей поистине ошеломляющим открытием чеховской пьесы?... «Если бы знать, если бы знать...».

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 19 ВЕК. РЕАЛИЗМ.

(Г. ФЛОБЕР, П. МЕРИМЕ, ГИ ДЕ МОПАССАН)

Продолжение

Гюстав Флобер (1821-1880).

«Настоящее и глубокое воспитательное влияние на меня как писателя оказала «большая» французская литература — Стендаль, Бальзак, Флобер, этих авторов я очень советовал бы читать «начинающим». Это действительно гениальные художники, величайшие мастера формы...», — так писал М. Горький в одном из своих писем.

В истории французской и мировой литературы Гюставу Флоберу принадлежит одно из самых почетных мест. Расцвет его творчества относится к 50-60-м годам девятнадцатого века, когда после революции 1848 г. в общественной жизни Франции появился поворот в сторону реакции. Писатель, создававший свои произведения в этой сложной исторической обстановке, быстро разочаровался в современном обществе и его культуре. Флобер сожалел, что идеалы, во имя которых французы сражались на баррикадах революции 1789 г., были утеряны. История человечества воспринималась им как бессмысленный круговорот событий, которые приносили людям одни страдания. В его творчестве читатель не найдет широких исторических перспектив. У Флобера не было конкретных и четких положительных идеалов. Его сила заключалась в безграничной ненависти к миру стяжательства и насилия. В своих эстетических воззрениях, изложенных в многочисленных письмах, Флобер отстаивает «теорию объективного реализма», в которой пытался применить в искусстве законы и методы естественных наук, полагая, что художник должен объективно излагать материал в произведениях, не давая ему своей оценки. «Моральные науки» должны действовать, как науки физические, т.е. беспристрастно», — писал он в одном из писем.

Гюстав Флобер родился в Руане в 1821 году в семье выходцев из среднего класса. Его отец был известным врачом. Свое детство Флобер провел при госпитале, где жила его семья. В восемнадцать лет Флобера отправили в Париж изучать юриспруденцию; этот предмет он нашел непонятным и бросил учебу. В 1844 году он поселился с родителями в семейном имении Круассе, недалеко от Руана. Здесь, в суровом, обыденном и почти монашеском уединении, он проведет остаток своей жизни, занимаясь писанием с такой тщательностью, которая получила название «флоберовщина». Литературоведы подчеркивали, что нужный ритм повествования давался ему

трудно, и он мог проводить целые дни, отшлифовывая одну-единственную страницу. Невротическое заболевание усилило его изоляцию. И все же, в 1849—1851 годах он посетил Египет, Сирию, Турцию и Грецию, а в 1858 году побывал в бывшем Карфагене.

Флобер никогда не был женат. В своей молодости он испытывал некоторые чувства к некоей мадам Шлезингер. Позднее у него была связь с поэтессой Луизой Коле. Уже первое зрелое произведение Флобера — роман «Госпожа Бовари» (1856) — поразил читателей художественным совершенством — удивительным гармоническим сочетанием композиции и стиля романа. В отличие от предшествующих романистов Флобер не противопоставляет незаурядного героя пошлому окружению, а рисует героиню, чьи представления и идеалы, почерпнутые из второстепенной литературы, невольно становятся доказательствами невозможности ее разрыва с пошлой средой. Флобер в своем произведении старается не выражать прямо и явно ни сочувствия, ни негодования, а представляет персонажам самим выражать себя через поступки. Выход в свет «Госпожи Бовари» сопровождался сложностями. Сначала роман печатался с продолжением в «Парижском обозрении», журнале, бывшем на подозрении у цензоров из-за своих радикальных взглядов, который правительство собиралось запретить. Тема романа — вольность поведения женщины в обществе, давала хороший предлог для судебного преследования, и издатели, желавшие избежать лишних проблем, пытались печатать с некоторыми сокращениями. Когда Флобер отказался принять такие поправки, правительство возбудило против него и журнала дело за оскорбление общественной морали и религии. Роман сразу заинтересовал читателей своей свободой и новизной.

Действие романа «Госпожа Бовари» происходит в маленьком провинциальном городе Ионвиле, куда приезжают доктор Шарль Бовари и его жена Эмма, которая получила воспитание в монастыре. Она отличается романтическим и возвышенным представлением о жизни. Но жизнь оказалась совсем иной. Муж ее — обыкновенный провинциальный лекарь. Ее любовники — Родольф Буланже и клерк Леон — пошляки, эгоисты, бросившие Эмму ради личных выгод. Эмма убеждается, что жизнь полна разочарований, счастье, о котором она мечтала, иллюзорно. И когда к ее тяжелым моральным страданиям присоединяются и материальные затруднения, в которых она не может признаться мужу, Эмма кончает жизнь самоубийством. Причина гибели флоберовской героини заключается и в разладе между мечтой и действительностью, и обусловлена той гнетущей средой, в которой ей пришлось жить.

Отвращение к «провинциальным нравам, так ярко описанным в «Госпоже Бовари», побудило Флобера обратиться к античности, на материале которой он написал свой исторический роман «Саламбо» (1862), рассказывающий о восстании наемных войск в Карфагене во время его войны с Римом.

В 1869 году появляется «Воспитание чувств» — роман о современном Париже, основанный во многом на студенческих воспоминаниях Флобера. Писатель продолжил историю жизни молодого человека в тогдашнем обществе, начатую еще Стендалем и Бальзаком. Однако его герой живет

в другое время и во многом отличается от своих энергичных и честолюбивых предшественников — Жюльена Сореля и Эжена Растиньяка. Фредерик Моро — герой этого романа, натура пассивная и бездеятельная. Хотя он и приезжает в Париж, но там герой лишь безвольно проживает жизнь, не строит никаких планов и заранее лишен иллюзий, он не делает драмы из того, что с ними рано или поздно приходится расставаться. Затем следует «Искушение святого Антония» (1874) — повествование о муках и радостях отшельника времен раннего христианства. В том же году Флобер написал комедию «Кандидат», которая потерпела неудачу.

Три повести выходят в 1877 году и отражают разные настроения. Произведение содержит сюжет об Иродиаде, здесь Флобер утоляет свою жажду к восточной экзотике; с другой стороны в рассказе «Простое сердце», идет повествование о простой служанке из Нормандии, чья жизнь настолько ограничена, что ее неудовлетворенные чувства находят свое выражение в преданности чучелу попугая. Несмотря на сухую манеру изложения, рассказ вызывает жалость к главной героине, что было редкостью для ранних работ писателя.

В 1880 году был почти написан роман «Бувар и Пекюше», который, по мнению автора, должен был стать полной сатирой на человеческое общество. Его издали после смерти писателя.

Гюстав Флобер был писателем-реалистом, его произведения принесли ему заслуженную славу.

Отрывок из романа Флобера «Госпожа Бовари»:

«..Быть может, новичок не обратил внимания на нашу проделку, быть может, он не решился принять в ней участие, но только молитва кончилась, а он все еще держал фуражку на коленях. Она представляла собою сложный головной убор, помесь медвежьей шапки, котелка, фуражки на выдровом меху и пуховой шапочки, — словом, это была одна из тех дрянных вещей, немое уродство которых не менее выразительно, чем лицо дурачка. Яйцевидная, распыленная на китовом усе, она начиналась тремя круговыми валиками; далее, отделенные от валиков красным околышем, шли впережку ромбики бархата и кроличьего меха; над ними высилось нечто вроде мешка, который увенчивался картонным многоугольником с затейливой вышивкой из тесьмы, а с этого многоугольника свешивалась на длинном тоненьком шнуручке кисточка из золотой канители. Фуражка была новенькая, ее козырек блестел...»

Проспер Мери́ме (1803-1870).

Писатель сыграл видную роль в истории французского реализма 19 в. Арагон так писал о Мери́ме: «...его имя вполне естественно вписывается рядом с именами Бальзака и Стендаля».

Мери́ме занимал высокие государственные должности, был крупным чиновником, сенатором. Широко и разносторонне образованный человек — историк, этнограф, лингвист, археолог. Его литературное творчество проникнуто гуманистическими и демократическими идеями. По своему мировоззрению Мери́ме был близок идеям французских просветителей.

Первое опубликованное произведение Мериме — сборник пьес «Театр Клары Газуль» (1825), выданный им за сочинение никогда не существовавшей испанской актрисы. В 1827 г. Мериме издал сборник прозаических баллад «Гюзла, или Избранные произведения иллирийской поэзии, собранные в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине». Этот сборник тоже является литературной мистификацией. Лишь две баллады этого сборника являются переводами сербских песен, остальные 32 сочинены самим Мериме. Центральное место в сборнике занимает тема национально-освободительного движения балканских славян.

Мериме присущ интерес к истории. Историческая драма-хроника «Жакерия» (1828) посвящена изображению народного движения в Западной Европе средних веков — крестьянская война 1358 г. Следующее историческое произведение Мериме — «Хроника времен Карла 9». В нем воссоздана эпоха гражданских войн Франции 16 в.

В историю литературы Мериме вошел, прежде всего, как мастер новеллы, где он сумел тонко раскрыть сложный мир человеческих отношений. Его новеллы посвящены современности, рисуют жизнь французского общества первой половины 19 в. Он показывает уродующую власть золота в новеллах «Двойная ошибка», «Этрусская ваза». Знаменитая новелла «Кармен» рассказывает о трагической любви и о сложных человеческих отношениях.

Два последних десятилетия своей жизни он посвятил изучению России. Он был знатоком и страстным любителем русского языка и литературы — признавал Пушкина первым поэтом современности.

Отрывок из произведения П. Мериме «Кармен»:

«...Тень и ручей настолько меня очаровали, что я вспомнил про ломти превосходной ветчины, положенные моими монтильскими друзьями в сумку моего проводника. Я велел их принести и пригласил незнакомца принять участие в походном завтраке.

Если он давно не курил, то не ел он, должно быть, по меньшей мере двое суток. Он глотал, как голодный волк. Я решил, что встреча со мною ниспослана бедному малому свыше.

Проводник мой меж тем ел мало, пил еще того меньше и не говорил во все, хотя с самого начала нашего путешествия проявил себя беспримерным болтуном. Присутствие нашего гостя, по-видимому, его стесняло, и какая-то недоверчивость отстраняла их друг от друга, хоть я и не мог разгадать ее причины...»

Ги де Мопассан (1850-1893).

Ги де Мопассан в своем творчестве продолжает французскую национальную литературную традицию с ее научной доминантой, со всей очевидностью проявляющейся в правдивом, объективном изображении самых разнообразных граней действительности, в строгом соблюдении жанровых форм, выверенном структурном построении произведений, в ясности стиля.

Все творчество Мопассана можно разделить на три периода. Первый — 60-70-е годы, период ученичества, когда будущий писатель проходит литературную школу у Флобера, выдающегося мастера художественной прозы,

блестящего стилиста. Под влиянием Флобера и Тургенева формируются эстетические воззрения Мопассана, складывается его реалистический метод. Второй — 1880-1886-е годы — период зрелого творчества Мопассана. В эти годы писатель создает свои лучшие произведения — романы «Жизнь» (1883), «Милый друг» (1885), «Монт-Ориоль» (1886) и многочисленные новеллы. Третий — 1887-1890-е годы — отмечен некоторым кризисом его творчества. Социальный роман уступает место психологическому роману («Пьер и Жан», 1887; «Сильна как смерть», 1889; «Наше сердце», 1890). Влияние декаданса сказывается и на новеллистике Мопассана, в которой начинает преобладать фантастическая, мистическая тема (повесть «Орля», 1887).

Наиболее удачными романами Мопассана, где проявилось его незаурядное художественное мастерство, считаются два — «Жизнь» и «Милый друг». В романе «Жизнь» писатель задается вопросом, имеющим общечеловеческий, философский смысл, что же такое человеческая жизнь? Этот вопрос решается на примере горестной судьбы главной героини романа Жанны де Во. Мопассан склонен был объяснять человеческие беды двумя обстоятельствами: некоторой биологической неполноценностью человека и неприятием общества данного индивида из-за его разногласий с ним. Именно второй фактор является определяющим для судьбы Жанны; она становится жертвой грубого эгоизма, своекорыстия, лицемерия. Образ Розали, с ее душевным благородством и прямоотой чувств, противопоставлен образу Жанны. Это произведение заслужило высокую оценку Л. Н. Толстого, который считал, что «Жизнь» — один из лучших французских романов.

Роман «Милый друг» принес Мопассану известность, где определенная социальная критика достигает наибольшую злободневность и сатирическую насыщенность. Это — роман-памфлет, блестящая сатира на Францию того времени, «республику без республиканцев», как назвал ее Салтыков-Щедрин. В этом произведении автор блестяще воссоздал атмосферу всеобщей продажности, беспринципности, беззакония. В центре романа «Милый друг» — история молодого человека, Жоржа Дюруа, который лишен всяких моральных колебаний, угрызений совести; им движет единственная страсть — ничем не прикрытое стремление к власти, деньгам, знатности. Подобные образы были показаны во французской литературе и раньше: Жюльен Сорель в «Красном и черном» Стендаля, Эжен Растиньяк и Люсьен Шардон в «Человеческой комедии» Бальзака, Фредерик Моро в «Воспитании чувств» Флобера. Мопассан добавил еще один образ, характерный для того времени. В «Милом друге» изображены самые различные представители политических, деловых и финансовых кругов. Среди них — ярко очерченные образы Вальтера, Ларош-Матье.

Мопассан вошел в историю мировой литературы также и как замечательный новеллист. Им написаны около 300 новелл, объединенных в сборники «Заведение Телье» (посвящен И. С. Тургеневу), «Мадемуазель Фифи», «Рассказы вальдшнепа», «Лунный свет», «Сестры Рондоли», «Мисс Гарриет», «Иветта», «Сказки дня и ночи», «Маленькая Рок».

Интересна эволюция новеллистики Мопассана. Его ранние новеллы (70-е — начало 80-х годов), всегда жизнерадостны, оптимистичны, светлы,

они искрятся весельем и радушием, с некоторой дозой фривольности. Мопассан воскрешает на новой почве старинные традиции рассказчиков фаблио и великого Рабле, утверждавшего, что «лучше смеяться, чем лить слезы». Мопассан 80-х годов предстает перед читателем как суровый обличитель пороков общества, продолжатель традиций Монтеня, Вольтера и других великих сатириков прошлого.

Новеллы Мопассана разнообразны как по своей художественной интонации, так и по тематике. Одну из групп новелл автора составляют его батальные произведения, объединенные темой франко-прусской войны 1870-1871 гг., участником которой он был. Лучшей новеллой этого цикла является «Пышка», опубликованная в вышедшем под редакцией Золя сборнике «Меданские вечера» (1880) и положившая начало зрелому, реалистическому творчеству Мопассана. Эта новелла показывает духовное величие простой девушки. Героическая, борющаяся народная Франция предстает на страницах и таких новелл Мопассана, как «Пленные», «Мадемуазель Фифи», «Тетка Соваж», «Дуэль», «Два приятеля», «Папаша Милон».

Новеллы Мопассана по своему содержанию тематически близки его романам. В ряде новелл писателя содержится острая критика паразитарного существования дворянского общества, которое Мопассан изображает в отрицательном свете («Человек, кружку пива!», «Исповедь женщины», «Берта», «У постели»).

Большое место в новеллистике Мопассана занимает разоблачение правителей Франции того времени, людей незадачливых, беспринципных, эгоистичных, лишенных всяких политических убеждений («Государственный переворот», «Покровитель», Приятель Жозеф», «Награжден орденом»).

Превосходно изучивший, как и Бальзак, все оттенки человеческого характера, Мопассан создал множество замечательных новелл, зло изображающих проявления собственнического инстинкта («В семье», «Мой дядя Жюль», «Туан», «Наследство», «Ожерелье»).

У Мопассана есть и новеллы, посвященные простому человеку; в лучших из них писатель возвеличивает благородную душу людей из народа, показывает их высокие душевные качества. («Папа Симона», «Буатель», «Отец Амабль», «Маленькая Рок»).

Мопассан оставил заметный след и в области истории, и теории литературы, где изложил свои эстетические взгляды (предисловие к роману «Пьер и Жан», статья «Эволюция романа в 19 столетии», статья о Флобере, очерки о Тургеневе — «Изобретатель слова «нигилист» и «Иван Тургенев»).

Всю свою творческую жизнь Мопассан интересовался русской культурой — общеизвестны его высокие оценки творчества И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, В.М. Гаршина. В свою очередь, вдумчивое отношение к наследию Мопассана выказал Л.Н. Толстой, написавший специальное предисловие к изданию его сочинений на русском языке. Лучшим произведением Мопассана Толстой считал роман «Жизнь», в котором он видел ясно выраженную симпатию к добру, стремление разобраться в жизни, попытку решить серьезные жизненные проблемы. Однако именно Толстой заметил, что в последних произведениях Мопассана лежит печать равнодушия и надуманности.

Другой наш известный писатель, А.М. Горький, называл Мопассана в одном ряду с крупнейшими писателями прошлого — Стендалем, Бальзаком и Флобером.

Часто в литературоведении Мопассана сравнивают с А.П. Чеховым. Оба писателя в границах малого жанра и в рамках тематически близких рассказов и новелл акцентировали в них разные возможности. Отличие чеховского и мопассановского художественного миров состоит в том, что французский писатель видит свою задачу в объективном, правдивом изображении случившегося с чиновником, крестьянами, женщиной или священнослужителем. Герой же Чехова, прозревая, поднимается на иной уровень — нравственной оценки происходящего. Для Мопассана, как представителя французской литературы с ее научной доминантой, важна, правда, пусть и суровая, но, правда, и объективность и предельная ясность, точность изображения. Этическая же доминанта русской литературы у Чехова выступает в том, что, не ограничиваясь объективным изображением, русский писатель поднимает нравственный аспект проблемы. Своеобразие русского рассказчика и французского новеллиста кроется в принадлежности и следовании различным национальным традициям.

Мопассан — художник большой и беспокойной души, пламенный критик. В высшей степени требовательный к себе, он зорко и вдумчиво вглядывался в жизненные явления, чтобы открыть в них что-то из того, что еще не увидено никем. Мопассан боролся за смелое, честное, реалистическое искусство и за безупречную, точную, ясную форму этого искусства. Мопассан — один из замечательнейших стилистов во французской литературе, великолепный мастер языка. Безосновательны попытки некоторых литературоведов объявить Мопассана натуралистом или декадентом. Автор «Милого друга» никогда не был приверженцем натуралистического искусства с его равнодушным, бездумным, слепым копированием действительности. В лучшей части своего творчества, в значительнейших своих произведениях Мопассан предстает перед нами как один из поздних французских реалистов 19 века.

Отрывок из произведения Ги де Мопассана «Милый друг»:

«...Он постоял с минуту на тротуаре, размышляя о том, как быть дальше. Сегодня двадцать восьмое июня; до первого числа у него остается всего-навсего три франка сорок сантимов. Это значит: два обеда, но никаких завтраков, или два завтрака, но никаких обедов, — на выбор. Так как завтрак стоит франк десять сантимов, а обед — полтора франка, то, отказавшись от обедов, он выгадает франк двадцать сантимов; стало быть, рассчитал он, можно будет еще два раза поужинать хлебом с колбасой и выпить две кружки пива на бульваре. А это его самый большой расход и самое большое удовольствие, которое он позволяет себе по вечерам. Он двинулся по улице Нотр-Дам-де-Лорет...»

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библиотека Всемирной Литературы. М., 1971 г.

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

ИЛЛЮСТРАЦИИ
к роману «Милый друг»
Ги де Мопассан

